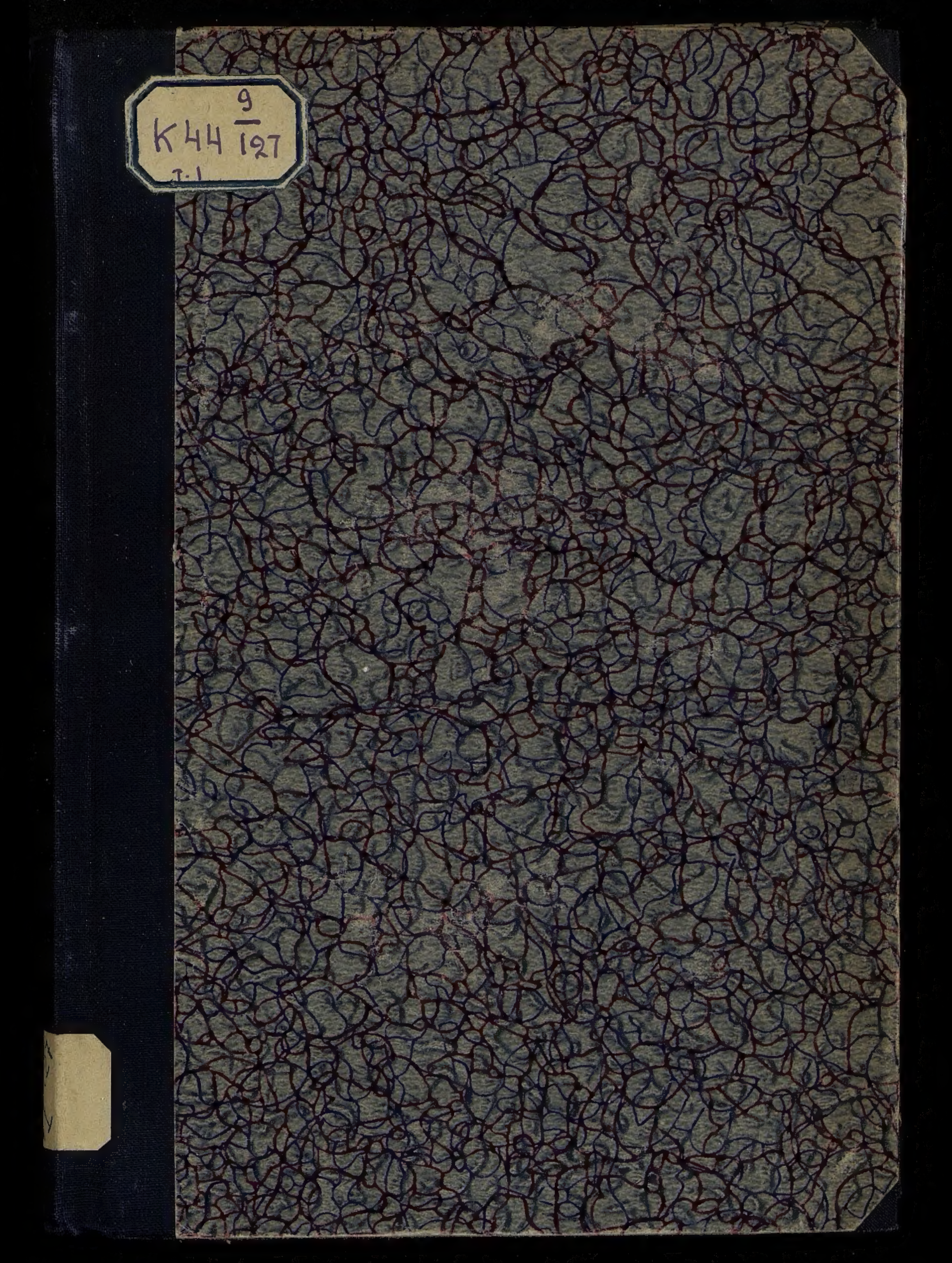

K 44 9/127

ЛЮДВИГЪ РОМОЦКІЙ.

Собраніе сочиненій.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

У НѢМЦЕВЪ ВЪ ЛАПАХЪ.

РОМАНЪ
ИЗЪ ПОЛЬСКОЙ ЖИЗНИ.

Универсальное Книгоиздательство
Л. А. СТОЛЯРЪ.

У нѣмцевъ въ лапахъ.

ЛЮДВИГЪ РОМОЦКІЙ.

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ.

Томъ первый.

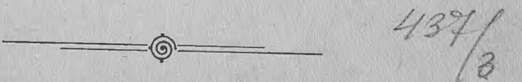
Универсальное Книгоиздательство Л. А. СТОЛЯРЪ.
Москва.

ЛЮДВИГЪ РОМОЦКІЙ.

У НѢМЦЕВЪ ВЪ ЛАПАХЪ.

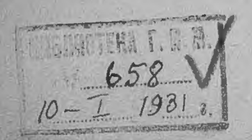
Романъ изъ польской жизни.

Авторизованный переводъ съ польскаго
В. ВЫСОЦКАГО.

Универсальное Книгоиздательство Л. А. СТОЛЯРЪ.
Москва.

МОСКВА.
Тип. Г. В. Васильева, п./ф. «Ломоносовъ», 1-я Твер.-Ямск., д. 22.
1916.

ОТЪ ПЕРЕВОДЧИКА.

Среди тѣхъ исконно польскихъ земель, которыя цѣлыя сто лѣтъ находятся подъ прусскимъ владычествомъ, первое мѣсто принадлежитъ такъ называемому Великому Княжеству Познанскому, отошедшему къ Пруссіи въ 1815 году послѣ Вѣнскаго Конгресса. Княжество было искусственно составлено изъ познанскаго и бызгоскаго департаментовъ независимо Княжества Варшавскаго, существовавшаго до паденія Наполеона (1813), и занимало площадь въ 30.000 квадратныхъ верстъ. Познанскимъ полякамъ прусское правительство гарантировало тогда участіе въ общихъ конституціонныхъ учрежденіяхъ, примѣненіе польскаго языка во всѣхъ общественныхъ дѣлахъ; доступъ ко всѣмъ должностямъ, безъ всякаго ограниченія...

„Вы войдете въ сліяніе съ моей монархіей без всякаго ущерба для вашей національности“,—торжественно завѣрялъ поляковъ Фридрихъ-Вильгельмъ.

Сто лѣтъ отдѣляютъ насъ отъ того момента, когда были сказаны эти слова, и всѣ эти сто лѣтъ

нѣмцы употребили только на то, чтобы постепенно отнимать у поляковъ все, что могло бы говорить объ ихъ національной самобытности.

Ужасы всемірной войны открыли, наконецъ, всему человѣчеству истинный ликъ германизма: безпощадную грубость палача-насильника, совершенную нравственную тупость въ выборѣ средствъ борьбы, вѣру въ одного только бога „силу“—которая и есть высшій законъ на землѣ, попирающій всѣ другіе. Но если человѣчество узнало этотъ ликъ только теперь, когда подъ стопами новыхъ „меченосцевъ“ лежитъ окровавленная Бельгія и разоренная Польша—узнало и ужаснулось,—то поляки знали этотъ ликъ уже давно: цѣлыхъ сто лѣтъ Познань, Силезія и Западная Пруссія смотрѣли въ глаза чудовищному германскому спруту и только ждали минуты, когда онъ ихъ задушитъ на-смерть. И если этого не случилось до сихъ поръ, если прусскіе поляки не только не стали пруссаками, но даже больше: горше смерти возненавидѣли пруссаковъ, то единственно потому, что въ польскомъ народѣ слишкомъ много здоровыхъ жизненныхъ силъ, слишкомъ велико напряженіе внутренней сопротивляемости, слишкомъ дорогою цѣной приходится вырывать у него каждую пядь его національнаго достоянія...

Польша такъ и не задохлась у нѣмцевъ въ лапахъ, не поклонилась дьяволу силы—за земныя блага и осталась той же, какою была сто лѣтъ назадъ:

великой и прекрасной страдалицей, живущей одной только вѣрой въ часъ своего воскресенія, въ часъ чудеснаго сліянія растерзанныхъ частей ея тѣла. Теперь, когда, быть можетъ, часъ этотъ уже близокъ и, послѣ вѣковыхъ страданій, польскій народъ обрѣтетъ никѣмъ уже не оспариваемое право на самобытное существованіе,—русскому читателю интересно будетъ узнать, въ какихъ невозможныхъ условіяхъ прусскаго режима протекла и протекаетъ жизнь познанскихъ поляковъ.

Съ этой цѣлью мы и предлагаемъ романъ Л. Ромоцкаго „У нѣмцевъ въ лапахъ". Изъ этого романа русскій читатель узнаетъ о томъ полнѣйшемъ разоруженіи общественныхъ силъ страны, къ которому прусское правительство привело познанскихъ поляковъ съ единственной затаенной цѣлью: чтобы они ни могли оказывать никакого сопротивленія вожделѣніямъ нѣмецкаго шовинизма. Узнаетъ онъ и о неслыханной экономической борьбѣ, которую безоружному обществу пришлось вести (и, добавимъ, съ огромнымъ успѣхомъ!) съ нѣмецкимъ правительствомъ изъ-за земли, которую нѣмцы всѣми силами старались вырвать изъ рукъ поляковъ. Пройдутъ передъ нимъ картины чудовищной „культуртрегерской" политики нѣмцевъ: политики постоянныхъ ударовъ по національному самолюбію, злораднаго издѣвательства надъ беззащитностью слабыхъ, подлой заносчивости и низкой мстительности. Мстительности—

только за то, что поляки не хотятъ добровольно „снять съ себя польскій тулупъ и надѣть прусскій мундиръ"—не хотятъ потерять въ нѣмецкомъ морѣ свою польскую, славянскую душу.

Автора, быть можетъ, можно упрекнуть въ излишнемъ пессимизмѣ—но не по отношенію къ нѣмцамъ, а по отношенію къ роднымъ ему познанцамъ. Присматриваясь къ картинамъ общественной жизни Познани, онъ видитъ въ нихъ слишкомъ много мертвенности, застоя, апатичности, обывательской тины, которая постепенно засасываетъ въ себя все пылкое, стремящееся ввысь и не могущее мириться съ безотрадностью окружающей обстановки... Быть можетъ, въ этомъ и есть доля правды, но во всякомъ случаѣ это не признакъ „слабости" народа, а только его усталости—послѣ долгихъ лѣтъ непосильной борьбы съ германскимъ наводненіемъ, послѣ долгихъ лѣтъ тщетнаго ожиданія, что это наводненіе кѣмъ-нибудь будетъ остановлено, что придетъ откуда-то помощь и не дастъ аванпосту славянства исчезнуть навсегда въ волнахъ нѣмецкаго моря. Авторъ вѣритъ, что рано или поздно эта помощь придетъ. Въ романѣ его, написанномъ болѣе 4-хъ лѣтъ назадъ, есть даже мѣсто, которое пріобрѣтаетъ теперь какой-то пророческій смыслъ: это споръ о будущемъ Польши.

— „Я читалъ недавно, въ одномъ изъ нѣмецкихъ журналовъ, мнѣніе одного европейскаго государствен-

наго мужа. Онъ причисляетъ насъ къ вымирающимъ народамъ,—и дѣйствительно, глядя на то, что дѣлается у насъ, на наше бѣдное, полу-онѣмеченное Княжество...

„Неправда. Польша, какъ тотъ больной, котораго постоянно приговаривали къ смерти, но который обладаетъ неисчерпаемыми жизненными силами.

„И все же германизмъ насъ заливаетъ. И какъ нѣсколько вѣковъ тому назадъ онъ перешелъ черезъ Лабу и Одеръ, такъ онъ теперь переходитъ черезъ Варту и перейдетъ черезъ Вислу, если...

— „Что если?

— „Если коалиція славянскихъ народовъ не поставитъ передъ нимъ неодолимой стѣны".

Быть можетъ именно эти слова, между прочимъ, и были причиной того, что книга Ромоцкаго была запрещена въ Германіи и автору ея пришлось бѣжать въ Россію. Германизмъ перешагнулъ теперь и черезъ Вислу, но что будетъ ждать его здѣсь?

Январь 1916 г.

I.

Начало XX вѣка народы не встрѣчали уже съ надеждами на свободу, какъ встрѣчали приходъ его предшественника, несшаго имъ, казалось, зарю новой, свободной жизни и все же легшаго въ гробъ въ цѣпяхъ.

Гдѣ-то далеко позади остался идеалъ братства людей, въ новый вѣкъ перешелъ лозунгъ угнетенія слабыхъ сильными. Если символомъ прошлаго вѣка была фригійская шапочка, то новый вѣкъ выползъ изъ подъ ступни милитаризма, къ которой онъ прильнулъ губами въ рабскомъ поцѣлуѣ.

Сила выше права, культъ капитала и штыковъ—вотъ были его принципы.

— Коль у васъ есть деньги, такъ я съ вами говорю, а коль у васъ нѣтъ денегъ, я и говорить не буду.

Это были первыя польскія слова, хотя и сильно исковерканныя нѣмецкимъ акцентомъ, которыя услышалъ на познанскомъ вокзалѣ докторъ Мечиславъ Слушевскій, возвращавшійся въ родныя края послѣ двухлѣтняго отсутствія.

Ночной экспрессъ—Берлинъ-Варшава, лягнувъ буферами, точно каторжными цѣпями, остановился у платформы, выгружая на этой остановкѣ своего лета «на востокъ» нѣсколькихъ заспанныхъ пассажировъ, выходившихъ какъ-то неохотно и, казалось, нерѣшительно. Повсюду слышалась нѣмецкая рѣчь.

— Носильщикъ! — скомандовалъ какой-то военный, затянутый въ мундиръ.

Слушевскій разглядывалъ слабо освѣщенную платформу и тоже искалъ глазами носильщика. Но первый же носильщикъ, котораго онъ увидѣлъ, со всѣхъ ногъ бросился за вещами офицера. Какой-то толстый нѣмецъ съ рубцами на лицѣ и съ миной стараго бурша, побѣдоносно шествовалъ по асфальту платформы, слегка пошатываясь и обдавая всѣхъ запахомъ пива; стараясь влѣзть въ вагонъ, онъ толкнулъ Слушевскаго, но отъ толчка самъ потерялъ равновѣсіе и откинулся назадъ, въ то время какъ Слушевскій нагнулся поднять свою шляпу. Изъ-подъ черныхъ усовъ нѣмца блеснули зубы.

— Только поляки могутъ быть такими невѣжами,— выругался онъ.

— Все по порядку, сначала надо дать людямъ слѣзть, —таково правило!

Эти слова были сказаны стройнымъ блондиномъ, который изъ-за спины нѣмца дружелюбно кивнулъ головой пану Мечиславу и смѣрилъ пьянаго холодными глазами.

— Ну вотъ еще, правило... Здравствуйте, господинъ адвокатъ...

— Здравствуйте, ваше превосходительство...

— Вы беретесь за безнадежное, пропащее дѣло, защищая такія правила!—но все же онъ слегка приподнялъ цилиндръ. Адвокатъ, Янъ Заклика, отвѣтилъ ему на поклонъ и не обращая на него больше вниманія, сталъ обнимать Слушевскаго.

— Давненько мы не видались, привѣтъ тебѣ на польской землѣ,—разсмѣялся онъ весело.

«Его превосходительство» выглянуло изъ окна:

«Не обижайтесь, господинъ адвокатъ, но повторяю вамъ еще разъ: жаль вашего таланта!»

— Ты подумай только,—говорилъ Заклика, когда товарищи подъ руку шли черезъ вокзалъ къ выходу,—это нѣкій совѣтникъ Лянгеръ. Нѣкогда онъ былъ сравнительно порядочнымъ человѣкомъ, еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Мы вмѣстѣ съ нимъ были кандидатами на судебную должность въ Боннѣ, куда меня, какъ тебѣ извѣстно, его превосходительство министръ юстиціи отправилъ за тѣмъ, чтобы я пропитался нѣмецкимъ духомъ. Это ему, правда, не удалось, но зато я познакомился съ тайнами судопроизводства гораздо ближе, чѣмъ мои дующіе пиво товарищи. Вотъ причина лестной для меня, такъ сказать, почтительности этого мерзавца. Онъ соблазнился возможностью сдѣлать быструю карьеру здѣсь, гдѣ нѣмцамъ угрожаетъ, будто-бы, польское засилье. Не угодно-ли—онъ почти одних лѣтъ съ нами, ему не больше тридцати двухъ лѣтъ, а онъ уже—совѣтникъ, авторитетъ въ политическихъ вопросахъ, черезъ нѣсколько лѣтъ онъ станетъ призидентомъ полиціи, или оберъ-совѣтникомъ въ Берлинѣ.—Ну, тащи же вещи въ пролетку, отецъ! Это — Вавжиновичъ, мой кліентъ, удалецъ изъ удальцовъ, порою давитъ людей!

— Одинъ только разъ и случилось, да и то бабу, сударь.

Пролетка покатилась по улицѣ, но несмотря на все удальство извозчика, покатилась довольно тихо. По дорогѣ Мечиславъ разсказывалъ пріятелю про событія послѣднихъ лѣтъ своей жизни, про годы пребыванія въ Парижѣ, гдѣ онъ изучалъ нервныя болѣзни, про экзамены, про службу—сначала военнымъ врачемъ, а потомъ завѣдующимъ одной изъ санаторій Шварцвальда.

— Если ты умѣешь чинить нервы, то въ нашемъ из-

нервничавшемся обществѣ ты найдешь огромную практику. Но сумѣешь ли ты это дѣлать?

— Чинить нервы, или найти практику?

— И то и другое. Если ты сумѣешь чинить, то найдешь и практику. Врачи здѣсь еще кое-какъ перебиваются.

Они поѣхали по Ново-Берлинской улицѣ, миновали улицу Св. Мартина, Бисмарковскую, Берлинскую и площадь Вильгельма. На тротуарахъ не было ни души, въ темнотѣ осенней ночи дрожали огни фонарей. Они остановились передъ большимъ зданіемъ съ освѣщеннымъ подъѣздомъ. Такой же освѣщенный подъѣздъ былъ и напротивъ, въ Римской гостинницѣ, которую посѣщали исключительно нѣмцы. Прошло не мало времени, пока они, наконецъ, дозвонились и къ нимъ вышелъ заспанный швейцаръ. Увидѣвъ гостей, онъ сталъ быстро открывать дверь и съ униженной почтительностью пропустилъ ихъ мимо себя. Но окинувъ глазами чемоданы доктора, онъ сразу понялъ, что это не какой-нибудь «панъ», а просто «проѣзжій» и его почтительность смѣнилась ничуть нескрываемой пренебрежительностью.

— На третій этажъ?—спросилъ онъ иронически.

— На третій!—рѣшилъ Слушевскій.

— Пріѣзжихъ много?—спросилъ Заклика.

— Нѣтъ, во второмъ этажѣ графиня Грабовская изъ Доброва, вы ее знаете!—и онъ довольно безцеремонно и конфиденціально взглянулъ на адвоката,—а на третьемъ будетъ этотъ господинъ.

Въ концѣ широкаго коридора среди мертвой тишины хлопнула дверь и послышались голоса нѣсколькихъ мужчинъ.

— Нечего сердиться! Если ты играешь въ винтъ какъ сапожникъ, то ругать насъ нечего! У, да ты никакъ бить

собираешься?—и дѣлая испуганную мину низкій человѣкъ съ сѣдыми бачками, но одѣтый съ претензіей на молодость, быстро побѣжалъ по корридору и вслѣдъ ему полетѣла палка, которая, стукнувшись объ дверь какого-то номера, упала къ ногамъ Слушевскаго.

— Ишь, удралъ подлецъ! Не будете-ли вы любезны поднять?—предложилъ доктору человѣкъ средняго роста, съ глуповатой миной, съ клинообразной бородкой, по всей видимости пьяный.—Не хотите? А если я заплачу? Сколько стоитъ?!

— Дорогой баронъ, не скандальте ночью, иначе васъ въ тюрьму посадятъ,—вмѣшался Заклика.

— Правда, эти адвокаты сейчасъ статью подыщутъ! Ну, будьте здоровы,—и онъ пошатываясь пошелъ дальше. Швейцаръ побѣжалъ за нимъ съ палкой. Но пьяный сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, остановился и опять началъ съ упорствомъ:

— А если мнѣ нравится скандалить, тогда что?!

— Господинъ баронъ, графиня Грабовская будетъ жаловаться,—унималъ его швейцаръ.

— Ну, моя милая невѣстка должна сидѣть тихо, у нея есть всѣ основанія къ тому, чтобы сидѣть тихо. Это говорю я, баронъ Грабовскій! Такъ ей и скажи, баронъ, молъ, Грабовскій велѣлъ сказать! Чего ты смѣешься, дуракъ? Палки захотѣлось? Ну, подставляй спину! Дамъ тебѣ сто марокъ!

— Да, вѣдь за сто марокъ... — и швейцаръ подставилъ спину. Баронъ ударилъ.

— Ой-ой, больно!

— Ну, вотъ видишь, дуракъ, какъ паны бьютъ. А дамъ ли я тебѣ сто марокъ, иль не дамъ—это еще вопросъ.

— Дадите, господинъ баронъ!

— Ну, дамъ, не дамъ, — можетъ быть, дамъ...

Дверь въ глубинѣ коридора снова распахнулась и изъ нея вышелъ высокій полный молодой человѣкъ въ шубѣ, съ грубыми и вульгарными чертами лица. За нимъ сѣменилъ, какъ собачка, какой-то господинъ съ развязаннымъ галстукомъ и въ цилиндрѣ, похожій на сапожника, разряженнаго въ воскресенье, или на окончательно промотавшагося помѣщика. Онъ широко размахивалъ руками и въ чемъ-то убѣждалъ человѣка въ шубѣ.

— Видите-ли графъ, если-бы эта свинья Властовскій не подглядывалъ въ карты, честное слово...

— Ничего я не вижу,—пробасилъ графъ,—а знаю!

Проходя, графъ поклонился сухо, а его спутникъ съ униженной любезностью. Коридоръ опустѣлъ, въ немъ остались только два друга. Наконецъ, показался торговавшійся съ барономъ швейцаръ.

— Ну, что же, далъ онъ тебѣ?

— Какое,—еще палкой хотѣлъ ударить, да онъ дастъ, онъ добрый баринъ!

Швейцаръ внесъ чемоданъ въ номеръ и не говоря ни слова удалился.

— Значитъ, это мои будущіе аристократическіе паціенты?—спросилъ докторъ, потягиваясь.

— Вотъ тебѣ образчикъ нашего общества, вѣрнѣе сказать, помѣщичьей среды. Но тутъ же и образчикъ нашего сознательнаго рабочаго люда: швейцаръ! вѣдь это тоже выборщикъ, который завтра будетъ орать противъ шляхты, а сегодня передъ нею унижается...

— Потому что его оподлили.

— Если хочешь, да. Впрочемъ, не всѣ такіе! Тебѣ придется записаться въ клубъ, — я тебѣ помогу. Хотя они новыхъ членовъ принимаютъ очень туго.

— Да, да, это будетъ мнѣ необходимо для практики.

— И тебѣ придется лавировать. Если ты сойдешься со шляхтой, на тебя будутъ дуться мѣщане. Тутъ всѣ другъ съ другомъ грызутся.

— А какъ же съ нѣмцами?

— По отношенію къ нимъ, мы идемъ рука въ руку,— по крайней мѣрѣ теоретически, или напоказъ! А на самомъ дѣлѣ—всѣ въ мутной водѣ рыкбу ловятъ. Ну, прощай, завтра поговоримъ подробнѣе. Они пожали другъ другу руки.

II.

Мечиславъ, уставшій съ дороги, спалъ великолѣпно, несмотря на всѣ свои тревоги и сомнѣнія, которыя онъ привезъ съ собою въ Познань и которыя мучили его тѣмъ больше, чѣмъ ближе онъ къ ней подъѣзжалъ. Его мучилъ вопросъ борьбы съ той смертельной опасностью, которая грозила всей Познани изнутри и снаружи — со стороны нѣмцевъ. Мучила и неизвѣстность его личнаго будущаго, гдѣ вдали ему грезился собственный домашній очагъ, согрѣтый любовью и уютомъ. Мучило то, что эти грезы не оформились еще у него въ какія-нибудь конкретныя представленія и что онъ все же чувствовалъ ихъ той силой, какую даетъ тринадцатилѣтній возрастъ и воспитаніе среди уютной семейной обстановки. Но какъ ни сложны были всѣ эти вопросы, они не лишили его сна. Порою въ коридорѣ слышался шумъ и шаги: это изъ клуба, помѣщавшагося въ гостинницѣ, выходили послѣдніе посѣтители. Но потомъ настала тишина невозмутимая и глубокая. Докторъ заснулъ и проснулся только въ полдень. Но тогда всѣ вопросы, которые мучили его, нахлынули съ удвоенной силой. Пока лакей съ той же снисходительной вѣжливостью, съ какой обращался съ нимъ вчера швейцаръ, занимался удаленіемъ пыли съ платья пріѣзжаго, Мечиславъ сталъ раздумывать съ чего начать свое пребываніе въ городѣ Пржемысла въ качествѣ постояннаго жителя, гражданина, врачевателя

тѣлъ и — по возможности — душъ. Ему на первыхъ шагахъ должны помочь родители, пріѣзда которыхъ онъ ожидалъ. Мелкіе помѣщики, которые, когда заболѣлъ отецъ Мечислава, отдали имѣніе въ аренду, они жили теперь съ его единственной сестрой Мариней въ Пуцкѣ, въ квартиркѣ изъ нѣсколькихъ комнатъ. Спѣшить туда, въ это новое гнѣздо, Мечиславу не хотѣлось: онъ слишкомъ хорошо помнилъ лучшія времена въ скромной, но родной деревенской обстановкѣ и потому охотно согласился, когда родители предложили ему, что они сами пріѣдутъ встрѣтить его въ столицѣ Великопольши, съ чѣмъ (какъ это явствовало изъ приписки матери) были связаны какія-то матримоніальные планы, должно быть, касавшіеся Марини. Эту Мариню, которую онъ видѣлъ рѣдко и неподолгу въ теченіе послѣднихъ лѣтъ и всегда въ коротенькомъ платьицѣ, онъ не могъ себѣ представить въ роли взрослой барышни, мечтающей о томъ же, о чемъ мечтаетъ онъ. Подростокъ, капризный и скучный въ своей обыденности, съ которымъ нельзя было ни о чемъ говорить, кромѣ какъ о происшествіяхъ будничной жизни — вотъ чѣмъ была для него сестра. Неужели таковы всѣ «сестры»? Онъ зналъ женщинъ съ тѣхъ поръ, когда кончилъ гимназію. Но учился онъ исключительно въ Германіи и только одинъ семестръ провелъ въ Парижской клиникѣ — и зналъ исключительно нѣмокъ всевозможныхъ типовъ — начиная съ сентиментальной Гретхенъ и кончая ультра-модернисткой, дочерью крупнаго чиновника, которая объясняла ему ньюансы въ картинахъ Беклина. Правда, зналъ онъ еще одну очень ловкую парижанку, которая нѣсколько мѣсяцевъ эксплуатировала его наивность. Но польки?—Ихъ онъ не зналъ. Мать его, изъ мелкой кашубской шляхты, была прекрасная женщина, но ни въ коемъ случаѣ не

свѣтская дама. Она ничего не видѣла и ничѣмъ не интересовалась, внѣ круга семьи и хозяйства, — и несмотря на все уваженіе, которое онъ къ ней питалъ, онъ не могъ ее считать въ своихъ глазахъ типомъ польской женщины, со всѣми традиціонными качествами ума и сердца— изысканнымъ цвѣткомъ культурной расы. О сестрѣ и говорить нечего. Съ другой стороны, всѣ его свѣдѣнія о полькахъ, добытыя путемъ личнаго опыта и случайныхъ знакомствъ, были также несовершенны. И тѣмъ больше было желаніе узнать этотъ типъ, о которомъ люди очень неглупые, первоклассные писатели и мыслители, говорили столько хорошаго и которому воздавали должное даже чужіе, враги.

Неужели все это были иллюзіи?

Его особенно интересовали тѣ женщины, которыхъ онъ видѣлъ лишь иногда и то издали, когда онѣ проѣзжали черезъ столицу Европы: тѣ барышни изъ польскихъ помѣщичьихъ домовъ, которыя своей красотой и манерами, по крайней мѣрѣ внѣшними, подтверждали всеобщее мнѣніе. Правда, тотъ общественный классъ, въ которомъ онъ выросъ критиковалъ ихъ, даже клеветалъ на нихъ и любилъ повторять лакейскія сплетни — что это «куклы и ломаки». Но у него было достаточно ума, чтобы видѣть, что всѣ эти разговоры вызываются главнымъ образомъ завистью и незнаніемъ. И на самомъ дѣлѣ, эти женщины для него, мужицкаго сына, были полны очарованія и прелести. Отецъ его, правда, въ молодые годы служилъ офицеромъ и приставлялъ къ своей фамиліи «фонъ», но только этимъ онъ и могъ лишь доказать свое дворянское происхожденіе. Впрочемъ, у отставного прусскаго офицера никто не спрашивалъ родословной. Быть можетъ, онъ дѣйствительно происходилъ изъ мелкой

кашубской шляхты, но во всякомъ случаѣ, шляхта эта, должно быть, настолько смѣшалась съ крестьянствомъ и настолько омужичилась, что Слушевскій всякій разъ, когда ему случалось анализировать себя, находилъ, что въ немъ преобладаютъ черты, присущія крестьянину,—нѣкоторая тяжеловѣсность, безпомощность и робость, которыя онъ такъ часто проклиналъ. Была въ немъ и подозрительность и чисто мужицкая односторонность, но ихъ онъ замѣчалъ въ себѣ не такъ отчетливо; отсутствіе настоящаго воспитанія приводило его часто къ тому, что онъ любилъ лѣзть со своими сужденіями обо всемъ, даже когда его не спрашивали. Тяжелая нѣмецкая философія, особенно Штирнеръ, и легкій диллетантизмъ французовъ, сводившійся къ тому, чтобы плевать на всякіе принципы, перемѣшались въ его головѣ, но все же въ немъ преобладали здоровыя понятія, которыя онъ впиталъ въ себя вмѣстѣ съ молокомъ матери и которыя основывались на двухъ краеугольныхъ камняхъ: любви къ семьѣ и странѣ.

Несмотря на всю тяжесть и гнетъ нѣмецкой культуры и нѣмецкой науки, Мечиславъ Слушевскій сумѣлъ сохранить въ своемъ сердцѣ горячее желаніе посвятить свои силы на служеніе родной землѣ, какъ сумѣлъ сохранить и врожденную ненависть поляка къ нѣмцу. Эта ненависть, отвращеніе и непріязнь вспыхнули въ немъ снова, когда онъ теперь, въ трамваѣ, ѣхалъ встрѣчать своихъ родныхъ на тотъ вокзалъ, который ночью казался ему однимъ изъ якорей, которымъ Германія уцѣпилась за польское дно. Кондукторъ трамвая, конечно, говорилъ только на государственномъ языкѣ. Мечиславъ вспомнилъ фактъ, о которомъ онъ недавно прочелъ въ газетахъ, когда какой-то нѣмецъ, обращаясь къ пассажирамъ-полякамъ, говорившимъ по-польски, крикнулъ:

«здѣсь по-польски говорить нельзя!». И такіе факты повторялись очень часто.

Онъ давно уже замѣчалъ, что германизація съ нѣкоторыхъ поръ идетъ необыкновенно ускореннымъ темпомъ. Благодаря суровымъ полицейскимъ карамъ, съ домовъ исчезли польскія вывѣски, исчезли дощечки съ польскими названіями улицъ, — здѣсь, въ самомъ богатомъ и оживленномъ районѣ города исчезли даже польскія фирмы. Когда Мечиславъ на углу улицы Вильгельма (раньше—Наполеоновской) ожидалъ подхода трамвая, онъ тщетно прислушивался къ говору толпы, стараясь услышать въ немъ родную рѣчь. И самая улица и площадь за ней, гдѣ въ одномъ углу стоялъ памятникъ одному изъ императоровъ, а въ другомъ красовался нѣмецккій театръ, была типичной нѣмецкой улицей съ домами, выстроенными въ рядъ и точно остриженными подъ гребенку. — Такую улицу можно было встрѣтить въ любомъ большомъ нѣмецкомъ городѣ. Публика въ трамвайномъ вагонѣ, въ который онъ сѣлъ, тоже почти исключительно состояла изъ нѣмцевъ: былъ обѣденный часъ, и чиновники всевозможныхъ учрежденій и служащіе конторъ спѣшили по домамъ. Накрапывалъ дождикъ, было холодно и вѣтрено. Мечиславъ былъ очень радъ, что ему удалось захватить мѣсто внутри вагона, куда всѣ старались спрятаться. Только два офицерика, затянутые въ мундиры, въ широкихъ рейтузахъ, безстрашно выставляли грудь навстрѣчу враждебному польскому вѣтру. Но этимъ они лишь исполняли предписанія военнаго шика, которыя позволяли полубогамъ-лейтенантамъ пользоваться демократическимъ трамваемъ лишь изрѣдка, въ случаѣ крайней необходимости, такъ сказать — налету. Кондукторъ далъ уже звонокъ и вагонъ долженъ былъ тронуться, какъ вдругъ на площадку вскочили двѣ дамы,

красивыя, изящныя, съ массой свертковъ и пакетовъ. Это, конечно, были всегда спѣшащія и всегда опаздывающія польки. Мечиславъ, видя, что никто изъ публики не подумаетъ уступить имъ мѣсто, всталъ. Старшая дама легкимъ кивкомъ головы поблагодарила его за то, что онъ, въ сущности, обязанъ былъ сдѣлать, и сѣла. Докторъ вышелъ на площадку, гдѣ оставалась другая дама, средняго роста брюнетка, немного полная, но съ необыкновенно гармоническими движеніями. Вспоминая изъ личнаго опыта тѣхъ Гретхенъ, съ которыми ему приходилось имѣть дѣло и помня совѣты парижанки, что съ женщинами выгодна только смѣлость, онъ сталъ пристально смотрѣть ей въ глаза. Но дѣвушка совершенно игнорировала его пристальные взгляды, какъ игнорировала и улыбки двухъ офицеровъ. Она мимикой успокаивала въ окно свою спутницу, которая волновалась за нее, что ей приходится стоять. Слушевскій замѣтилъ, что его, въ сущности, больше интересуетъ вопросъ, почему эти двѣ изящныя дамы, принадлежащія, несомнѣнно, къ лучшему обществу, ѣдутъ въ трамваѣ, откуда, куда и зачѣмъ ѣдутъ, — чѣмъ красота той, съ которой онъ стоялъ. Будучи самъ небольшого роста и потому предпочитая женщинъ высокихъ, онъ рѣшилъ, что она не въ его вкусѣ.

— Вы, должно быть, изъ провинціи? — спросилъ онъ вдругъ свою сосѣдку.

Она взглянула на него такъ, какъ смотрятъ на дикаря-китайца, или негра. Въ этомъ взглядѣ было все—и удивленіе, и отвращеніе, и презрѣніе, и безпощадная иронія.

И это былъ единственный отвѣтъ, котораго онъ удостоился, къ нескрываемому удовольствію военныхъ. Одинъ изъ нихъ, дѣлая видъ, что обращается къ товарищу сказалъ по адресу: «gnädiges Fräulein» комплиментъ, но Fräulein только закусила губы и продолжала смотрѣть

впередъ, поверхъ его головы, какъ будто передъ ней никого не было. На слѣдующей остановкѣ въ вагонѣ очистилось нѣсколько мѣстъ и прекрасная брюнетка вошла внутрь вагона съ необыкновенно изящными и полными достоинства движеніями.

И лишь когда онѣ слѣзли съ трамвая у вокзала, она сказала своей спутницѣ, — судя по сходству, должно быть ея сестрѣ, — такъ громко, что докторъ могъ разслышать: «забавны эти господа «интеллигенты»!

Онъ старался не терять ихъ изъ виду и въ то же время искалъ глазами своихъ. Вдругъ онъ увидѣлъ Мариню, которая подошла къ интриговавшимъ его дамамъ и стала здороваться. Да, это была Мариня, со вздернутымъ носикомъ и слегка выдающимися скулами. Она выросла и ея тонкая фигура въ сѣромъ платьѣ казалась очень стройной. Ему не придется краснѣть за нее въ присутствіи этихъ дамъ. Онъ узнаетъ кто онѣ, можетъ быть, даже будетъ имъ представленъ, — интересно, какъ вытянутся у нихъ лица. Онъ подошелъ къ родителямъ, которые отстали отъ дочери и сталъ съ ними здороваться. Замѣтилъ, что отецъ, котораго еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ можно было назвать красавцемъ, хотя красота и не была слишкомъ аристократична, страшно состарился. Виной этому была болѣзнь почекъ. И странно, — мать, которая всегда казалась старше его, какъ это часто бываетъ съ пожилыми женщинами, когда онѣ избавятся отъ хлопотъ съ маленькими дѣтьми и отъ бѣготни по хозяйству, помолодѣла и, казалось, расцвѣла осенней красотой. Онъ поцѣловалъ ея руку.

Послѣ первыхъ обычныхъ разспросовъ о здоровьѣ, о дорогѣ, мать, не дожидаясь вопроса, вдругъ заговорила про знакомыхъ Марини съ нескрываемымъ удовольствіемъ:

— Пани Жарковская, урожденная графиня Ужицкая,

а это ея сестра, Ядвига. Она училась вмѣстѣ съ Мариней въ монастырѣ и Мариня гостила у нихъ нѣсколько недѣль.

Пани Жарковская подошла къ нимъ, напомнила старухѣ Слушевской о томъ, что онѣ когда-то вмѣстѣ ѣздили въ Бреславль, одна за сестрой, другая за дочерью,— отецъ поклонился и поцѣловалъ ей руку, а Мариня обнявъ брата, стала представлять его не безъ нѣкоторой гордости:

— Мой братъ, докторъ Мечиславъ Слушевскій, прямо изъ Парижа.

Она слегла прилгнула, такъ какъ братъ былъ въ Парижѣ два года тому назадъ; впрочемъ, эта рекомендація никакого впечатлѣнія не произвела. Пани Жарковская подала Слушевскому только кончики пальцевъ, смѣривая холодными глазами того «господина изъ трамвая», котораго она, конечно, узнала. Панна ядовито улыбнулась, но протянула ему простымъ мужскимъ движеніемъ руку въ англійской перчаткѣ и пожала ее сильно, по-мужски.

— Она, должно быть, занимается спортомъ,—рѣшилъ докторъ, не зная можно ли ему отвѣтить на это пожатіе такимъ же сильнымъ пожатіемъ, или нельзя.

Въ порывѣ сестринскихъ чувствъ и желанія создать брату рекламу, влекущую паціентовъ, Мариня стала быстро разсказывать объ его научныхъ успѣхахъ, но дамы собрались уходить.

Вся платформа была заполнена галичанами, которые уходили на западъ въ поискахъ работъ и ожидали поѣзда, который долженъ былъ забрать съ собой весь этотъ «рабочій скотъ». Всѣ эти галичане безпомощно толпились, лѣзли куда ни попало, несмотря на надписи: «идти направо», «итти налѣво», забѣгали даже туда, гдѣ были надписи «входъ воспрещается». Желѣзнодорожные чи-

новники орали на это «польское стадо» и никакъ не могли привести въ порядокъ толпу, которая не понимала чуждаго ей языка. Въ ходъ были пущены ругательства и удары. Будь у этихъ чиновниковъ бичи, вся картина была бы живьемъ вырвана изъ «Хижины дяди Тома». Кто-то толкнулъ женщину съ ребенкомъ на рукахъ, которая не понимала чего отъ нея требовали — и женщина упала. Ребенокъ ударился головкой о выступъ стѣны, открылась рана, изъ которой сочилась кровь. Нѣсколько рукъ протянулось къ ребенку. Въ толпѣ раздался ропотъ. Какой-то старшій желѣзнодорожный чиновникъ сталъ пробирать виновнаго, а заодно и мать и послалъ за станціоннымъ докторомъ.

Въ это время подошелъ Слушевскій и предложилъ свои услуги.

Но станціонный чиновникъ, когда онъ назвалъ ему свою фамилію и сказалъ, что онъ докторъ, отстранилъ его рукой и не позволилъ подходить къ ребенку. «Для этого есть желѣзнодорожный врачъ, — потомъ эти люди заявятъ Богъ вѣсть какой искъ казнѣ за увѣчье».

— Но вѣдь я врачъ и знаю свои обязанности хорошо, а моего товарища здѣсь нѣтъ.

— Такое варварство возможно лишь въ Пруссіи! — вспылила панна Мариня, — наши депутаты узнаютъ объэтомъ.

— Пусть ваши депутаты узнаютъ о чемъ угодно, а вы барышня извольте считаться съ словами, — обратился къ ней чиновникъ. — Какъ ваша фамилія?

Панна Лужицкая вспыхнула и отвѣтила за Мариню понѣмецки, хотя и съ очень яснымъ польскимъ акцентомъ:

— Я графиня Лужицкая и прошу отдать мнѣ ребенка, я имъ займусь!

Въ странѣ, гдѣ парламентаризмъ является лишь пустой фикціей, титулъ всегда производитъ впечатлѣніе.

— Графиня, повѣрьте, я никакъ не могу... — началъ онъ уже гораздо вѣжливѣе.

Прибѣжалъ дежурный врачъ, молодой нѣмецъ съ непріятнымъ лицомъ.

— Вотъ, ребенокъ упалъ, разбился, осмотрите!

— Какъ, упалъ? — быстро возразила графиня, — я сама видѣла, какъ мать вмѣстѣ съ нимъ сшибли съ ногъ,— вѣдь такъ, докторъ?—обратилась она къ Мечиславу.

Желѣзнодорожный врачъ принялся за осмотръ. Услышавъ слово «докторъ», онъ поднялъ голову и спросилъ:

— Вы уже изслѣдовали паціента, товарищъ?

— Мнѣ не позволили, — отвѣтилъ Слушевскій.

— Вы здѣшній? Должно быть, вы здѣсь недавно, такъ какъ я ничего о васъ не слышалъ, — и онъ взглянулъ на Слушевскаго, какъ на самозванца.

Мечиславъ молча протянулъ ему свою карточку.

— Съ ребенкомъ ничего не будетъ, — утѣшалъ онъ,— кожа срастется, предполагать сотрясенія мозга нѣтъ основаній, впрочемъ — польскія головы такъ тверды, что ими можно стѣны пробивать! —и онъ разсмѣялся собственной остротѣ, нисколько не чувствуя всего ея цинизма. Съ такой же грубой наивностью нѣмецъ хлопаетъ по плечу француза и говоритъ: «А здорово мы васъ потрепали подъ Седаномъ?».

Дѣлать было нечего. Графиня вручила свою визитную карточку матери ребенка и обѣ дамы простились со Слушевскимъ.

На этотъ разъ Мечиславъ крѣпко пожалъ руку панны Лужицкой и она ему отвѣтила такимъ же крѣпкимъ по-

жатіемъ. Онъ почувствовалъ, что изъ ея руки къ нему передался какой-то электрическій токъ и между ними завязалась какая-то нить близости.

— А эта барышня молодецъ! — подѣлился онъ своими наблюденіями съ Мариней, — но и ты держала себя прекрасно, могла даже въ кутузку попасть!

— Ну, такъ что же? Полина Стычинская,—ты ее знаешь — она всегда спрашиваетъ о тебѣ въ письмахъ,— цѣлую недѣлю просидѣла за то, что учила дѣтей. Меня, слава Богу не накрыли!

III.

Старики Слушевскіе остановились не въ польскомъ «базарѣ», а въ другой польской гостинницѣ, гораздо болѣе скромной и носившей названіе «Французской». Здѣсь жили главнымъ образомъ ксендзы, арендаторы, мѣщане изъ провинціи. Всякій разъ, когда они пріѣзжали въ столицу, они тщательно избѣгали «Базара» не только потому, что не хотѣли поддерживать «шляхетскую» гостинницѣ останавливался кто-нибудь изъ помѣщиковъ, который почему-либо былъ недоволенъ «Базаромъ, но никогда не бывало наоборотъ. Въ этомъ смыслѣ солидарность мѣщанъ въ ихъ непріязни къ шляхтѣ была столь же незыблема, какъ и презрѣніе шляхты къ «хамамъ». Слушевскіе всегда останавливались въ этой гостинницѣ—это стало уже семейной традиціей съ тѣхъ поръ еще, какъ «Базаръ» гремѣлъ пирушками пановъ и крупныхъ капиталистовъ, которые очень не любили людей не своего круга. Теперь «Базаръ» былъ переустроенъ и расширенъ, но пановъ теперь уже не стало, и онъ всегда былъ почти пустъ. Правда, въ немъ, довольно впрочемъ рѣдко, происходили кое-какіе собранія и съѣзды. Но все же его соперникъ — «Французская» могла похвастаться нѣсколько большимъ оживленіемъ.

И вотъ здѣсь, въ антрактахъ между борщомъ, рыбой и жаркимъ, которые были поданы очень вкусно, хотя и

не совсѣмъ чисто, за тотъ же традиціонный талеръ,—рѣшались будущія судьбы молодого доктора. Въ сущности говоря, онѣ давно уже были рѣшены, согласно желаніямъ семьи и его собственнымъ планамъ. Онъ долженъ былъ обосноваться въ самой Познани. Тяжелый и плохо оплачиваемый трудъ провинціальнаго врача никогда особенно не улыбался ни ему, ни родителямъ, тѣмъ болѣе, что по теперешнимъ временамъ всѣ мѣста на правительственной службѣ — при уѣздныхъ управленіяхъ и больницахъ — для него, какъ для поляка, были недоступны. Правда, въ самомъ городѣ Позани было нѣсколько десятковъ тысячъ поляковъ и только нѣсколько десятковъ польскихъ врачей, но хотя польское и нѣмецкое общество жили совершенно обособленными жизнями, скорѣе нѣмецъ-врачъ могъ расчитывать на польскую кліентуру, чѣмъ наоборотъ. Что же оставалось дѣлать? Уѣзжать съ родины?

Да, это иногда случалось. Одинъ, будучи привязанъ къ университетской клиникѣ навсегда оставался въ Германіи и начиналъ заниматься частной практикой, другой женился на нѣмкѣ — и возвращаться домой ему было не такъ къ спѣху. Молодое поколѣніе, отчасти подъ вліяніемъ родителей, видѣвшихъ, что за послѣднія двадцать лѣтъ гнетъ и напоръ германизма и возросли чуть не вдвое, стало искать новыхъ путей. Было мѣсто, гдѣ полякамъ жилось сравнительно лучше, гдѣ тотъ фактъ, что они рождались поляками, не считался первороднымъ грѣхомъ— это была имперія Габсбурговъ. Тамъ тоже была Польша, только другая ея провинція, тамъ тоже можно было служить отчизнѣ, даже съ большей пользой и успѣхомъ. Къ счастью, консервативность натуры познанцевъ, та ихъ тяжесть на подъемъ, которая была искони имъ свойственна, нѣкоторыя затрудненія, связанныя съ перемѣной под-

данства, необходимость держать экзамены въ чужихъ университетахъ, сдерживали еще эту эмиграцію. Но все же газеты указывали на нее, какъ на очень опасное явленіе и называли ее «бѣгствомъ съ поста». Но на указанія газетъ и ихъ воззванія отвѣчалъ другой аргументъ, гораздо болѣе серьезный и грозный: голодъ. Неужели намъ умирать здѣсь съ голоду и безцѣльно жертвовать собой?

Мечиславъ еще не зналъ самой Познани. Окончивъ провинціальную гимназію онъ даже не заѣзжалъ въ нее, когда отправлялся домой на лѣтнія каникулы. Познань была ему не по пути. Въ послѣдніе годы онъ домой заѣзжалъ все рѣже и оставался тамъ все меньше и поэтому не могъ убѣдиться собственными глазами, какіе успѣхи дѣлаетъ германизація на «восточной окраинѣ». Нѣмецкія газеты то торжествовали, то приходили въ бѣшенство отъ того «сопротивленія», которое германизація встрѣчала во враждебномъ настроеніи поляковъ; польскія газеты тоже порой торжествовали, но большею частью называли имена «предателей» и взывали къ небу съ мольбой о справедливости и пѣли пѣсни на старый патріотическій ладъ. Но все же Слушевскій чувствовалъ какія-то недомолвки въ передовыхъ статьяхъ, которыя указывали что поляки не только не теряютъ, но даже пріобрѣтаютъ въ смыслѣ силы сопротивленія. На ряду съ этими вызовами, съ этими перчатками, которыя поляки бросали въ лицо германскому могуществу, на ряду съ систематическими ссылками на ежегодный приростъ населенія и на увеличеніе численности избирателей, на ряду съ подсчетами того пространства земли, которое удалось вырвать назадъ изъ нѣмецкихъ рукъ, на послѣдней страницѣ газетъ помѣщались кое-какія свѣдѣнія, напечатанныя мелкимъ шрифтомъ, которыя звучали какимъ-то страннымъ диссонансомъ. То нѣсколько десятковъ рабочихъ-поля-

ковъ, которые служили на желѣзной дорогѣ, подавали петицію о томъ, чтобы имъ позволено было замѣнить свои фамиліи нѣмецкими, то вдругъ обнаруживалось, что въ самыхъ коренныхъ польскихъ уѣздахъ огромныя помѣстья перешли въ руки нѣмцевъ. Польская и нѣмецкая статистика, если даже случалось брать только самыя приблизительныя цифры, приводила къ совершенно обратнымъ выводамъ. Неофиціальная польская статистика затруднялась зачастую невозможностью провѣрить достовѣрность офиціальныхъ источниковъ, а нѣмецкая статистика приводила самыя разнообразныя данныя, въ зависимости отъ того, что ей нужно было доказать: побѣду ли германизма, или притѣсненія нѣмцевъ со стороны поляковъ. И поэтому, академическіе выводы и той и другой стороны не имѣли ни для кого никакой цѣны.

Борьба за землю продолжалась безъ рѣшительнаго успѣха для той или другой стороны. Изъ Саксоніи и Америки приходили милліонныя мужицкія сбереженія: онѣ искали земли, до которой такъ жадны крестьяне всѣхъ національностей, когда имъ приходится бороться съ колонизаціей. Порою статистическія данныя за нѣсколько отдѣльныхъ лѣтъ приводили къ выводу, что побѣда въ этой борьбѣ — на сторонѣ поляковъ. Но это нисколько не измѣняло того непреложнаго факта, что уже давнымъ-давно большая половина, чуть не три пятыхъ земли въ Познани, была въ рукахъ нѣмцевъ; и только порою въ руки поляковъ попадалъ незначительный кусокъ земли, потеря котораго для нѣмцевъ сейчасъ же уравновѣшивалась пріобрѣтеніемъ въ какомъ-нибудь другомъ мѣстѣ. Измѣнилось развѣ лишь то, что мѣсто сжигавшагося съ поляками «честнаго нѣмца», который зачастую бывалъ одинъ на всю деревню, занимали колонисты, которые, вступая

во владѣніе новой землей, начинали съ того, что выметали всѣхъ, кто говорилъ на польскомъ языкѣ. И движеніе колонизаціи было похоже на какой-то крестовый походъ нѣмцевъ. Поляки порой подтрунивали надъ тѣмъ, что то одинъ, то другой нѣмецъ, которому правительство давало всевозможныя обѣщанія и субсидіи, бралъ субсидію, плевалъ на обѣщанія и покидалъ прекрасный уютный домикъ, который правительство отдавало ему за призрачный чиншъ, разсуждая, повидимому, что ему надо еще платить за то, чтобы онъ здѣсь жилъ. Но домики оставались и переходили въ другія нѣмецкія руки, уже болѣе бережливыя и трудолюбивыя, и росли эти домики, какъ грибы послѣ дождя, и все несчастное княжество Познанское покрылось ими какъ какими-то чуждыми наростами. И земля въ этихъ мѣстахъ была окончательно потеряна для поляковъ, а пространства ея зачастую занимали половину уѣздовъ. Такъ Гнѣзненскій уѣздъ, колыбель Бѣлаго Орла, колонизація заполнила совсѣмъ. Это стоило почти полмилліарда, но за то въ уѣздѣ жила не одна сотня тысячъ нѣмцевъ. Кролики радовались, что они такъ быстро размножаются.

Мечиславу случилось нѣкогда разговориться съ своимъ прежнимъ товарищемъ, котораго онъ встрѣтилъ въ Берлинѣ, и который былъ редакторомъ одной изъ провинціальныхъ газетъ. Онъ только что прочелъ тогда корреспонденію изъ хорошо знакомыхъ ему мѣстъ, гдѣ уже давно безповоротно исчезли послѣдніе признаки польской жизни; это былъ небольшой городокъ Быдгоскаго округа, гдѣ благодаря энергичнымъ «дѣйствіямъ» ландрата-германизатора и не менѣе ревностнаго германизатора-бургомистра, задыхалась, послѣдняя горсточка поляковъ, которые еще тамъ оставались. Корреспонденція эта звучала какъ фанфара: она говорила о пламенномъ наці-

ональномъ самосознанiи мѣстныхъ поляковъ и ихъ самооборонѣ. Все въ этой корреспонденцiи было не только преувеличено, но даже попросту вымышленно. Должно быть, эта была продѣлка какого-нибудь человѣка, которому стыдно стало за упадокъ родного города. Такъ по крайней мѣрѣ казалось, если сопоставить ее съ сообщенiями другихъ газетъ. Когда онъ разговорился объ этомъ съ редакторомъ, который лично зналъ тѣ мѣста, то редакторъ сталъ защищать неизвѣстнаго ему корреспондента и даже заявилъ, что пресса должна поддерживать и будить духъ народа, хотя бы цѣной не совсѣмъ точныхъ цифръ.

— Вѣдь мы знаемъ, и этого нельзя уже скрывать со времени послѣднихъ выборовъ, что, хотя количество избирателей поляковъ въ сѣверной части познанскаго княжества и растетъ, такъ какъ мы не дремлемъ, но количество нѣмецкихъ избирателей растетъ еще быстрѣй, и что въ этихъ маленькихъ городахъ всякое бываетъ, это намъ тоже извѣстно. Но горе не въ нихъ, горе въ большихъ городахъ, — горе съ Иновроцлавомъ, съ Гнѣзномъ! Нѣмецкая колонизацiя систематически окружаетъ кольцомъ ихъ стѣны, она попросту выгоняетъ нашихъ купцовъ и ремесленниковъ, она гонитъ туда колонистовъ, оснбвываетъ имъ магазины, даетъ кредитъ. Поляки въ ужасѣ, хотя это имъ уже не поможетъ, — и они начинаютъ гнуться передъ высокопоставленными властями, — случается даже, что они пишутъ другъ на друга доносы, изобличая другъ друга въ польскихъ симпатiяхъ. Это уже нравственное паденiе,—вещь гораздо болѣе грозная и опасная и въ будущемъ это будетъ еще хуже!

Но вмѣстѣ съ тѣмъ Слушевскiй видѣлъ и слышалъ, что какъ въ области сельскаго хозяйства, такъ и въ области торговли и свободныхъ профессiй, тысячи людей

еще находили хлѣбъ среди своихъ. Правда хлѣбъ этотъ чаще всего былъ черствый, приходилось его вырывать другъ у друга съ гораздо большимъ трудомъ, чѣмъ раньше, но все же люди жили, нѣкоторые даже жили безбѣдно. А потому онъ и не находилъ основаній слишкомъ мрачно смотрѣть въ будущее.

Впрочемъ онъ не лишенъ былъ легкомыслія—денегъ ему не приходилось до сихъ поръ зарабатывать самому: его дядя, ксендзъ, завѣщалъ ему довольно крупный капиталъ, большую часть котораго (родители объ этомъ не знали) онъ уже истратилъ въ университетскіе годы, но отъ котораго все же осталось около десяти тысячъ талеровъ. Суммы этой было совершенно достаточно, чтобы продержаться тѣ нѣсколько лѣтъ, въ которыя можно будетъ добиться значительной практики. Онъ могъ, совершенно не соприкасаясь съ утомительной, скучной и малодоходной практикой среди бѣдноты, спокойно ждать хотя бы нѣсколько лѣтъ того «золотого дождя», къ которому онъ стремился, заслужить довѣріе богатыхъ мѣщанъ, помѣщиковъ и горожанъ. Вѣдь у него была своя спеціальность—нервы, а спеціалисты всегда берутъ большіе гонорары.

Но необходимо было какъ можно скорѣй жениться. Неженатый врачъ не внушаетъ довѣрія. Но на комъ?

За сладкимъ этой темы коснулась, или, вѣрнѣе, начала ее сызнова Мариня. Она утверждала, что если ему надо жениться (будь она мужчиной, она бы, конечно, никогда бы этой глупости не сдѣлала) — то въ интересахъ его карьеры—жениться какъ можно скорѣй. И онъ не можетъ сдѣлать болѣе умнаго выбора, чѣмъ женившись на ея подругѣ Полинѣ Стычинской, которую онъ знаетъ давно и которая только этого и ждетъ. Родители съ этимъ соглашались—мать потому, что, какъ всякая мать,

она хотѣла поскорѣе увидѣть своего сына степеннымъ человѣкомъ, а отецъ потому, что Полина, дочь извѣстнаго виноторговца, была хорошей партіей.

— И о чемъ ты, вообще говоря, думаешь?—продолжала сестра, исполняя, повидимому, какую-то миссію, возложенную на нее подругой.—Вотъ кто-нибудь возьметъ и смахнетъ ее у тебя изъ-подъ носа. Подвернется какой-нибудь графъ! И чего это ты такъ кисло смотришь въ тарелку,—пудингъ превосходный!

— Я просто хочу спокойно его съѣсть, а потомъ тебѣ отвѣтить.

— Ну нѣтъ, за чернымъ кофе вы, мужчины, всегда тяжелѣете. Говори сейчасъ!

У Мечислава не было желанія сразу отказываться отъ этой партіи: онъ хотѣлъ ее оставить на всякій случай, но мысль о толстыхъ рукахъ будущей жены ему не улыбалась.

— Она могла бы быть красивѣе, — пробормоталъ онъ,—въ ней никакого изящества нѣтъ.

— Но у нея «монеты»!

Эти «монеты» не совсѣмъ пріятно отдались въ ушахъ молодого доктора, который не любилъ такъ грубо говорить о денежныхъ вопросахъ. Но вѣдь ему придется свыкнуться съ манерами и разговорами того общества, въ которомъ онъ думаетъ создать себѣ практику. Во всякомъ случаѣ онъ сказалъ, что не будетъ имѣть ничего противъ, если Мариня уговоритъ Полину встрѣтиться вечеромъ въ театрѣ и потомъ отправиться вмѣстѣ ужинать. А этими нѣсколькими часами, которые остались до вечера, онъ воспользуется, чтобы сдѣлать кое-какіе визиты, завязать и возобновить кое-какія знакомства.

IV.

Въ польскомъ театрѣ,—котораго не было видно съ Берлинской улицы, такъ какъ онъ ютился во дворѣ за огромнымъ доходныммъ домомъ,—освѣщенномъ лишь нѣсколькими анемически горѣвшими лампами, съ неизмѣннымъ стражемъ общественнаго порядка, въ каскѣ и при саблѣ, у входа,—было пусто. Играли какую-то пустую французскую пьесу съ необходимыми «сценами въ спальнѣ» и съ «кроватью», которая во вниманіе къ провинціальному составу зрителей была замѣнена кушеткой,—циничную и глупую. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ героинѣ приходилось раздѣваться, она ограничивалась тѣмъ, что вынимала шпильки изъ волосъ. Театръ былъ небольшой, но очень изящный. Немногочисленная публика слушала внимательно и смотрѣла съ удовольствіемъ.

Мариня, которая знала Познань лучше брата, такъ какъ провела въ ней цѣлую зиму,—отчасти для того, чтобы докончить образованіе, отчасти для того, чтобы повеселиться во время карнавала,—объяснила ему, почему театръ пустуетъ. Правда, раньше, этотъ театръ всегда былъ набитъ биткомъ (и Слушевскій это помнилъ), но теперь онъ бываетъ полонъ только по субботамъ, когда ставятъ новинки, или во время карнавала. Только субботніе спектакли и даютъ возможность театру коекакъ существовать, а въ будни даже жалко смотрѣть на актеровъ, которымъ приходится играть передъ пустымъ

заломъ. А между тѣмъ въ Познани—богатой и интеллигентной публики достаточно, и зрительный залъ, хоть кое-какъ, она бы могла заполнять. Но окрестные помѣщики пріѣзжаютъ въ Познань только по дѣламъ и, такъ какъ съ городомъ есть прекрасное сообщеніе по нѣсколькимъ желѣзнодорожнымъ вѣткамъ, то устроивши за день свои дѣла, они къ вечеру могутъ возвращаться домой. Дѣлаютъ они это отчасти изъ экономіи, которую демонстративно стараются подчеркнуть въ мелочахъ, оставаясь мотами въ болѣе важныхъ случаяхъ, отчасти потому, что для нихъ, избалованныхъ заграничными театрами, убогій и жалкій польскій театръ являлся очень плохой приманкой, которая искушаетъ развѣ лишь во время карнавала, когда они пріѣзжаютъ въ Познань на недѣлю, или двѣ.

— А все остальное время здѣсь всегда такъ, какъ сегодня!

Рядомъ съ нимъ, въ ложѣ сидѣла Полина Стычинская, въ бѣломъ платьѣ, которое являлось смѣлой фантазіей провинціальнаго вкуса на тему изъ эпохи реформъ: широкое, безъ таліи, которую и безъ того трудно было усмотрѣть въ фигурѣ Полины, оно было обильно усѣяно всевозможными бантами, помпонами и ленточками. Онъ сталъ осматривать глазами публику, радуясь, что это даетъ для разговора съ нею въ антрактѣ безобидную, отвлеченную тему. Онъ убѣдился, что толстый носъ панны Поли нисколько не сталъ тоньше, и менѣе чѣмъ когда-либо былъ расположенъ на ней жениться. За Полиной, въ глубинѣ ложи сидѣлъ ея отецъ—полный мужчина среднихъ лѣтъ съ багровымъ лицомъ, съ такимъ же толстымъ носомъ, какъ у дочери, съ той лишь разницей, что онъ былъ у него фіолетоваго цвѣта. Руки онъ держалъ на животѣ, и руки эти были безо-

бразны, съ толстыми кривыми пальцами. На одномъ изъ пальцевъ сверкалъ великолѣпный солитеръ, который заставилъ доктора, посмотрѣть на него внимательнѣе. Быть можетъ, онъ былъ слишкомъ великъ, какъ тяжела была и массивная золотая цѣпочка отъ часовъ со множествомъ брелоковъ, но все же представлялъ огромную цѣнность. На Полинѣ, кромѣ скромныхъ дѣвичьихъ серегъ изъ блѣдныхъ сапфировъ, была еще брилліантовая брошка, которую тоже ни въ чемъ нельзя было упрекнуть, но которая была-бы гораздо умѣстнѣе на груди у дамы. Она говорила, что это у нея память о покойницѣ-матери. Кромѣ поразительнаго физическаго сходства между отцомъ и дочерью, въ глаза бросилось еще и другое: они умѣли какъ-то инстинктивно и интуитивно понимать другъ друга безъ словъ, а если и говорили, то употребляли одни и тѣ же слова, одни и тѣ же выраженія. Отецъ съ гордостью и довольствомъ смотрѣлъ на дочь, о чемъ-бы она ни заговорила, дочь смотрѣла на него съ выраженіемъ полнаго довѣрія. И лишь во взглядахъ на искусство они, повидимому, расходились. Въ то время, какъ она несомнѣнно имъ интересовалась, высказывая довольно правильныя сужденія, папаша готовъ былъ говорить о чемъ угодно, хотя-бы о послѣднемъ транспортѣ вина, только не объ искусствѣ. На посѣщеніе театра онъ смотрѣлъ, какъ на непріятную обязанность порою—необходимость, порою—патріотическій подвигъ, или же, какъ сегодня—отеческій долгъ.

Со Слушевскимъ онъ держалъ себя очень сдержанно: разница въ лѣтахъ и въ ихъ общественномъ положеніи устраняла для нихъ возможность сойтись на чисто-товарищеской почвѣ, и въ то же время эта разница была слишкомъ незначительна, чтобы установить другія от-

ношенія—на почвѣ почтительности съ одной стороны и отеческой симпатіи съ другой.

— Что-то больно староватый воробей, тертый калачъ,—думалъ, должно быть, папаша, при видѣ жениха.

— Слишкомъ молодъ папаша, ничего пожалуй не дастъ, а ждать долго!..—острилъ, должно быть, въ душѣ молодой человѣкъ. И подозрительности доктора суждено было впослѣдствіи получить вѣскія основанія. А пока—онъ съ дочерью осматривалъ и считалъ публику.

Оказалось, что въ партерѣ вмѣстѣ съ дежурнымъ полицейскимъ офицеромъ было тринадцать человѣкъ, что дало поводъ ко всякимъ роковымъ предсказаніямъ о жизнеспособности театра. За портьерой средней ложи, прямо противъ сцены, виднѣлась опиравшаяся о барьеръ женская рука, необыкновенно красивой, точеной формы, въ свѣтло-сѣрой перчаткѣ. Полина сейчасъ же замѣтила, что у перчатки не хватаетъ одной пуговицы. Въ этой же ложѣ, у барьера, сидѣлъ молодой еще мужчина въ смокингѣ, то и дѣло зѣвавшій и такъ широко открывавшій при этомъ ротъ, съ ослѣпительно-бѣлыми зубами, точно онъ хотѣлъ проглотить весь театръ. Съ миной, выражавшей почти отчаяніе, онъ переводилъ свой лорнетъ съ мѣста на мѣсто. Лорнетъ на минуту остановился на ложѣ бель-этажа, гдѣ сидѣли Слушевскіе со Стычинскими, скользнулъ по сосѣдкѣ доктора и послѣ короткаго, повидимому, неутѣшительнаго экзамена остановился на самомъ докторѣ, на довольно долгое время. (Мариня, желая, повидимому, подчеркнуть передъ «свѣтомъ» совмѣстное появленіе подруги съ братомъ, посадила ихъ рядомъ, а сама сѣла за его спиной). Молодой человѣкъ изъ средней ложи отвелъ лорнетъ, но вскорѣ опять пристально уставился на доктора, сказалъ нѣсколько словъ

дамѣ за портьерой, предлагая ей лорнетъ, но дама, увы, не шелохнулась.

Видя, съ какимъ интересомъ Mариня съ Полиной слѣдятъ за каждымъ малѣйшимъ движеніемъ человѣка въ смокингѣ, Мечиславъ захотѣлъ подчеркнуть то, что его особѣ удѣляютъ столько вниманія и пошутилъ:

— Моя мужская красота, невольно приковываетъ взоры!

— Ну ты, коротконожка!—пошутила надъ нимъ Mариня, всегда гордившаяся тѣмъ, что она выше его ростомъ,—твоя мужская красота! Здѣсь въ Познани стоитъ показаться какому-нибудь новому человѣку, всѣ глазѣютъ на него, какъ на восьмое чудо. Здѣсь всѣ другъ друга знаютъ. Знаетъ насъ и этотъ господинъ въ ложѣ, панъ Эдуардъ Дуленскій, хотя онъ обычно меня и не узнаетъ. А вѣдь я съ нимъ танцовала даже когда-то.

— Какая честь!—съ кислой гримасой замѣтила панна Стычинская,—меня онъ такой чести никогда не удостаивалъ.

Мечиславъ чувствовалъ себя слегка задѣтымъ: несмотря на свои короткія ноги и нѣсколько неуклюжее туловище, онъ все же считалъ себя очень красивымъ мужчиной и особенно гордился правильными, хотя и не слишкомъ выразительными чертами лица. Но оставивъ въ покоѣ вопросъ своей наружности, онъ рѣшилъ собрать возможно больше свѣдѣній о той дамѣ изъ ложи, чью руку въ перчаткѣ онъ видѣлъ на барьерѣ. Чтобы удовлетворить свое любопытство, онъ выбралъ наиболѣе правильный психологическій путь: далъ возможность женщинамъ позлословить.

— Онъ сидитъ тамъ вѣрно съ какой-нибудь... дамой... — замѣтилъ онъ, пренебрежительно подчеркивая неопредѣленно-подозрительное удареніе на словѣ «дама».

Это подѣйствовало. Панны набросились на «даму», какъ индюки набрасываются на красное сукно, которымъ ихъ дразнятъ.

Въ теченіе нѣсколькихъ минутъ Слушевскій узналъ объ обладательницѣ прекрасной руки столько некрасивыхъ, позорныхъ и достойныхъ осужденія вещей, что невольно долженъ былъ отнестись съ недовѣріемъ къ тому, чтобы всѣ онѣ могли совмѣщаться въ одномъ лицѣ. Она была замужемъ, но съ мужемъ не жила, хотя и не получила развода. Между нею и мужемъ состоялось добровольное соглашеніе жить порознь. И поэтому, она снимала квартиру въ городѣ, въ то время какъ мужъ, который былъ значительно старше ея, то сидѣлъ у себя въ деревнѣ, то лѣчился отъ бѣлой горячки по всевозможнымъ лѣчебницамъ. Пани Маріэтта Грабовская (такъ ее звали), если вѣрить всему тому, что на перебой разсказывали о ней Мариня и Поля, была попросту чудовищемъ въ образѣ женщины, хотя образъ этотъ былъ даже очень «ничего себѣ». Она не только пренебрегала обязанностями жены, матери и гражданки, но со всѣмъ цинизмомъ старалась на каждомъ шагу показать, что ей на всѣ эти обязанности наплевать. По словамъ панны Поли являлось совершенно непонятнымъ, почему такую даму принимаютъ въ порядочномъ обществѣ, почему порядочныя женщины считаютъ возможнымъ встрѣчаться съ этой «грязной тряпкой» на балахъ и благотворительныхъ концертахъ, гдѣ она всегда, конечно, окружена толпой поклонниковъ. Но она такъ нахальна, что никогда ничѣмъ не стѣсняется. На одномъ изъ прошлогоднихъ баловъ, гдѣ было очень избранное общество (это не то, что на благотворительномъ балу, куда ради осуществленія благой идеи приходится пускать всякій сбродъ), жена доктора Самкевича и совѣтница Миллеръ, когда

Грабовская сѣла неподалеку отъ нихъ, чтобы отдохнуть послѣ вальса, демонстративно встали и пересѣли подальше и даже, когда на это никто не обратилъ вниманія, вышли со своими дочерьми изъ зала. Но все это кончилось тѣмъ, что какой-то дуракъ сострилъ: «Ну, слава Богу, въ залѣ стало просторнѣе танцовать!»

И Полина увѣряла, что ничто на свѣтѣ не заставитъ ее подать руку «этой дамѣ»—хотя-бы изъ этого вышелъ скандалъ.

Даже отецъ Слушевскій, который только изрѣдка издавалъ какіе-то нечленораздѣльные звуки, рѣшился вмѣшаться въ разговоръ, чтобы поддержать дочь, и заявилъ, что такія дамы могутъ себѣ «ѣздить въ Карсбрадъ», который въ его глазахъ былъ какой-то помойной ямой разврата, а не лѣчебнымъ курортомъ,—«но пусть они не отравляютъ чистой атмосферы познанской жизни».

— Дайте мнѣ руку въ знакъ того, что вы никогда не будете съ ней танцовать,—потребовала панна Полина и Мечиславу не оставалось ничего другого, какъ подтвердить этотъ договоръ пожатіемъ руки. А потомъ, подчиняясь врожденной склонности къ экспериментамъ юмористическаго свойства, онъ оставилъ свою руку на колѣняхъ своей союзницы, убѣждаясь, что у нея очень упругое тѣло, которое представляетъ гораздо большую цѣнность, чѣмъ лицо. Давши Мечиславу еще нѣсколько разъясненій о поведеніи пани Маріетты, панна Стычинская, казалось, не обратила никакого вниманія на эту нескромность и только глаза ея загорѣлись ярче.

Отецъ, наклонившись впередъ, тоже замѣтилъ фамильярный жестъ доктора и въ глазахъ у него отразилось не то что удивленіе, а скорѣе нѣчто вродѣ игривой веселости, точно онъ хотѣлъ сказать: «Ну, ну, сударь, знаемъ мы это», но лицо его тотчасъ приняло выраженіе

философскаго равнодушія, которое Слушевскій объяснилъ себѣ болѣе или менѣе правильно: «если этотъ молодчикъ не будетъ особенно настаивать на приданомъ»...

Представленіе близилось къ концу, но шло очень медленно и скучно. Мечиславъ отъ скуки сталъ еще разъ пересчитывать публику и оказалось, что вся она состояла не болѣе, какъ изъ сорока человѣкъ. Мариня увѣряла, что часто бываетъ меньше.

Она была не очень довольна полу-равнодушнымъ, полу-неприличнымъ поведеніемъ брата, за которое она сдѣлала ему строгій выговоръ, когда они остались одни въ коридорѣ и стали одѣваться.

— Хорошо еще, что вы подали другъ другу руку съ благой цѣлью,—заключила она, усматривая въ этомъ символъ будущаго соединенія рукъ передъ алтаремъ.

Послѣ спектакля опять возникъ вопросъ о томъ, куда пойти всей компаніей ужинать. Первоначально было условлено пойти въ Базаръ. Стычинскій хотѣлъ показать будущему зятю, что и онъ самъ, и его семья чувствуютъ себя среди шляхты, какъ у себя дома. Въ то же время будущій зять казался ему мужчиной настолько элегантнымъ, съ такими прекрасными, пожалуй, даже черезчуръ свѣтскими манерами, что ему хотѣлось похвастаться передъ своими покупателями, что онъ выдаетъ свою дочь замужъ за свѣтскаго льва. Но кое-что его въ то же время смущало. Онъ предполагалъ, что тамъ будутъ сидѣть Дуленскіе и еще одна помѣщичья семья, Властовскіе, относительно которыхъ онъ затруднялся, какъ ему поступить: раскланяться-ли какъ со своими покупателями, или держаться оппозиціонно, какъ со шляхтой. Онъ даже пожалуй предпочелъ-бы пойти въ старый винный погребъ Чиховича, но дамы не захотѣли. Тогда онъ предложилъ пойти во Французскую гостинницу, но встрѣ-

тилъ рѣшительное сопротивленіе со стороны дочери: тамъ жили Слушевскіе и поэтому могло показаться, что они ужъ слишкомъ навязываютъ имъ свой «товаръ». Онъ упомянулъ еще про нѣсколько ресторановъ средней руки, но Полина настаивала на томъ, чтобы итти въ Базаръ. И она хотѣла показать всѣмъ своего будущаго жениха, особенно въ пику всѣмъ тѣмъ дамамъ, которыя обычно не обращали на нее никакого вниманія.

Въ большомъ залѣ ресторана, несмотря на то, что было десять часовъ (представленіе кончилось очень рано), два лакея торопливо зажгли свѣтъ по требованію какой-то компаніи, которая пришла сюда раньше Слушевскихъ и Стычинскихъ. Обѣ группы очутились въ полумракѣ, который только теперь смѣнился яркимъ свѣтомъ. Всѣ обмѣнялись легкими поклонами—въ другой группѣ были Властовскіе — отецъ, мать, сынъ и дочь. Слушевскіе знали ихъ хорошо, но рѣдко бывая въ городѣ, рѣдко встрѣчались. Чуть замѣтные ироническіе взгляды дали понять Мечиславу Слушевскому, что Властовскіе не считаютъ ихъ «своими».

Это кольнуло доктора. По своему происхожденію и взглядамъ онъ считалъ себя принадлежащимъ къ шляхтѣ средней руки. Въ Германіи ему не разъ приходилось убѣдиться, какія преимущества даетъ приставка «фонъ»,—а здѣсь на родинѣ одно уже то, что прислуга въ гостинницѣ раздѣляла пріѣзжихъ на «пановъ» и «не пановъ», производило на него впечатлѣніе какого-то архаическаго раскола между классами. Онъ мало еще прожилъ въ родной странѣ,—а прежняя его жизнь здѣсь не давала матеріала для такихъ наблюденій: университетская скамья объединяла всѣхъ студентовъ-поляковъ въ Познани въ одну тѣсную семью и сглаживала между ними разницу ихъ имущественнаго и соціальнаго положе-

нія. Вотъ почему, несмотря на всѣ предупрежденія, которыя ему приходилось слышать раньше, онъ никакъ не ожидалъ, что расколъ между классами принялъ здѣсь такую явную, ничѣмъ неприкрытую форму.

Два лакея и два мальчика составляли весь штатъ прислуги въ ресторанѣ. Всѣ они занялись Властовскими, и только послѣ того, какъ Стычинскій, стучавшій все время по столу, наконецъ, вышелъ изъ себя и крикнулъ во все горло: «человѣкъ!»; старшій лакей грустно поклонился въ сторону Властовскихъ, какъ-бы давая имъ понять, что только страхъ передъ скандаломъ со стороны этого неотесаннаго гостя заставляетъ его на минуту ихъ покинуть, и подошелъ къ Стычинскому съ длинной картой кушаній, по просмотрѣ которой оказалось, что ничего кромѣ рубцовъ и котлетъ достать нельзя, такъ какъ всѣ другія блюда были лишь каллиграфическими украшеніями прейсъ-куранта.

Тутъ, повидимому, гостей не особенно ждали.

— Ну пусть будутъ рубцы,—все же согласился Стычинскій,—двѣ порціи, да побольше.

А за другимъ столикомъ слышался скорбный голосъ мрачнаго господина съ наполеоновской бородкой: «Рубцы я могу ѣсть и дома,—ничего нельзя достать въ этомъ Базарѣ, пусть бы лучше ресторанъ закрывали!»

— Если бы мы пришли на полчаса позже, онъ бы навѣрное былъ уже запертъ,—вторилъ ему сынъ, съ поблекшимъ лицомъ бонвивана.—Берлинъ въ это время только жить начинаетъ. Ну, и дыра!

— Что вамъ угодно будетъ выпить?—спросилъ старшій лакей, снова вернувшись въ Властовскимъ.

— Пива,—рѣшилъ глава дома. Сынъ поморщился.

— Ты бы хоть разъ, папа, поставилъ шампанское. Про насъ по крайней мѣрѣ въ газетахъ напишутъ!

Но дамы энергично запротестовали и попросили чаю,—впрочемъ отецъ повидимому не обратилъ вниманія на просьбу сына.

— Человѣкъ! — снова крикнулъ Стычинскій. — Пусть онъ за мои деньги прогуляется немножко,—обратился онъ къ своимъ.—Я бы выпилъ какой-нибудь хорошей водки, которую мы пили здѣсь во время промышленной выставки съ нашими гостями изъ Кракова. У меня вы ничего не берете, предпочитаете, чтобы какой-нибудь промотавшійся помѣщикъ у васъ на агентурѣ заработалъ?

— Мы выписываемъ прямо изъ Венгріи.

— Знаю, знаю,—а почему же вамъ своему человѣку не помочь, не дать чего-нибудь заработать? Ну да, вмѣсто того, чтобы поддерживать купеческое сословіе, они шляхту поддерживаютъ!...

И онъ старался убѣдить доктора въ справедливости своихъ упрековъ. Въ разговоръ вмѣшалась панна Полина и стала ему объяснять, что Властовскіе уже разорились, что отецъ, какъ хозяинъ, никуда не годится, что сынъ—мотъ и игрокъ, что ихъ имѣніе, Властово, навѣрное скоро будетъ продано колонистамъ. Послѣднюю фразу она сказала такъ громко и такъ вызывающе, что она раздалась по всей залѣ и старикъ Властовскій, который сидѣлъ подперевъ рукой голову и безсмысленными глазами смотрѣлъ въ прейсъ-курантъ, вдругъ поднялъ глаза—такіе страшные, скорбные и грозные, что панна Стычинская даже смутилась. Мечиславъ почувствовалъ мучительный стыдъ и необыкновенную жалость къ этому человѣку, котораго неизбѣжность уже отмѣтила своей печатью. И главное трудно было сказать, насколько этотъ человѣкъ былъ виноватъ.

Теперь Полина опротивѣла ему окончательно и на-

прасны были всѣ усилія Марини сгладить то непріятное впечатлѣніе, которое (она это чувствовала) произвела на брата выходка Полины. Впрочемъ и ей ея подруга была не очень симпатична, особенно благодаря своей рѣзкости. Но эти несчастныя деньги!

Разговоръ не клеился.

Дуленскихъ въ залѣ не было. Но когда по залу прошелъ лакей съ блюдомъ омаровъ и бутылкой шампанскаго и остановился у той двери, которая, по догадкамъ доктора, вела въ отдѣльный кабинетъ, у Мечислава мелькнула мысль, что, должно быть, прекрасная дама и сидитъ тамъ со своимъ братомъ. Онъ не выдержалъ и спросилъ у лакея,—тамъ ли она. Лакей подтвердилъ его предположеніе.

— А еще кто-нибудь съ ними есть?—спросилъ онъ съ женскимъ любопытствомъ.

— Господинъ адвокатъ Заклика.

— Ого-го!—вырвалось у него.

Панна Полина презрительно поморщилась:

— Этотъ человѣкъ могъ бы далеко пойти, если бы держался насъ, но вѣдь онъ баринъ, ему неудобно.

— Способный человѣкъ,—да только на плохомъ пути,—подтвердилъ старикъ Стычинскій.—Онъ, говорятъ, хочетъ среди Дульчинскихъ организовать какой-то семейный союзъ будто-бы для того, чтобы они могли отстоять землю. А на самомъ дѣлѣ, все это одна реклама.

Между тѣмъ Властовскіе уже собрались уходить и Слушевскій мысленно спросилъ себя, не попросятъ ли и ихъ удалиться, такъ какъ ресторанъ скоро должны были закрыть. Но, повидимому, папаша Стычинскій рѣшилъ сдаваться не сразу, такъ какъ передъ нимъ стоялъ уже второй графинчикъ, который долженъ былъ войти въ составъ обычной батареи. Въ это время вошелъ какой-то

запоздавшій гость, молодой человѣкъ, лѣтъ тридцати, блондинъ, очень скромно одѣтый, который, какъ разглядѣлъ докторъ сквозь окошечко въ перегородкѣ, за которой находилась гардеробная, принесъ съ собою маленькій чемоданчикъ.

Лакеи бросились къ нему съ необыкновенной предупредительностью,—онъ учтиво поздоровался съ Властовскими, Стычинскій поклонился ему, даже слегка приподнявшись.

— Графъ Зелинскій,—объяснилъ онъ Мечиславу.— У него въ чемоданчикѣ свѣжій воротничекъ и купчая крѣпость на имѣніе,—поспѣшила замѣтить дочь; все же она прибавила:—относительно него—теперь вамъ не придется морщиться, панъ Мечиславъ,—трудно сказать что-нибудь дурное. Развѣ лишь то, что онъ настоящій аристократъ.

— Его мать урожденная княгиня Заславская,—замѣтилъ старикъ Слушевскій.

— Прекрасный гражданинъ и полякъ, какъ и вся ихъ семья,—убѣжденно похвалила Мариня.

— Жаль только, что они ничего не пьютъ, ни венгерскаго, ни шампанскаго, развѣ лишь на свадьбѣ какой-нибудь,—критиковалъ Стычинскій,—ничего у нихъ не заработаешь.

И потому онъ такъ низко поклонился.

V.

На слѣдующій день рано утромъ Слушевскіе, отецъ и сынъ, отправились съ визитами. Людей занятыхъ легче всего было застать именно въ эту пору,—впрочемъ въ 12 часовъ они собирались на большой митингъ Національной Стражи, гдѣ долженъ бы быть весь городъ. Стража была основана по-чешскому образцу, для объединенія всего народа, или, во всякомъ случаѣ, той огромной части поляковъ, которые находились подъ прусскимъ владычествомъ. Она должна была защищать ихъ политическіе и экономическіе интересы. На самомъ же дѣлѣ она влачила жалкое существованіе.

Великая мысль, вложенная въ нее и взятая изъ сокровищницы политическихъ опытовъ и результатовъ братскаго народа, была проведена въ жизнь личностью, которая пользовалась слишкомъ малымъ вліяніемъ въ польскомъ обществѣ, разочарованномъ крушеніемъ политики уступокъ, или такъ называемой партіи «угодовцевъ». Во главѣ этой стражи стоялъ нѣкогда пользовавшійся благоволеніемъ Вильгельма II-го Іосифъ Косцельскій. Несомнѣнно, та политика, которою онъ руководилъ, дала Познани архіепископа поляка, Стоблевскаго, который занялъ архіепископскій престолъ послѣ нѣмца Диндера, дала она и нѣкоторыя облегченія въ германизаторской системѣ школьнаго образованія. Провалилась она благодаря польской болтливости,—императоръ не могъ простить своему любимцу его «измѣны».

Польское общество видѣло, что за тѣ временныя облегченія, которыя были ему даны, оно заплатило болѣе чѣмъ дорогой цѣной, но все же чуть не вручило свои судьбы въ руки этого человѣка—и если до этого не дошло, то лишь потому, что общество не было слишкомъ увѣрено, какова будетъ его политика въ будущемъ. Богъ знаетъ, какую рѣчь онъ скажетъ завтра? Косцельскій былъ вождь, который могъ своимъ патріотизмомъ привлечь къ себѣ рядовыхъ политическихъ дѣятелей, но не могъ снискать довѣрія въ болѣе серьезныхъ политическихъ умахъ.

Политика уступокъ потерпѣла крушеніе: «угодовцы» дѣйствительно довольствовались, или дѣлали видъ, что довольствуются правами, предоставленными «нѣмцамъ польскаго происхожденія» и взамѣнъ за отказъ отъ національныхъ правъ старались выторговать, все съ меньшимъ успѣхомъ, какія-нибудь временныя уступки въ политической и экономической жизни. Власть оказалась въ рукахъ радикальной партіи, девизомъ которой было: «долой миражи!»—не унижаться безцѣльно, не уступать ни единой пяди изъ того, что дали полякамъ человѣческіе и божескіе законы. Не уступать правъ націи, хотя и связанной терроторіально съ Пруссіей, но отличной отъ нея и имѣющей такое же право на существованіе, какъ и она,—защищать національныя права съ мужествомъ людей, которымъ не страшна смерть.

Тогда прежній руководитель «угодовцевъ» сдѣлалъ политическое сартомортале и занялъ позицію еще болѣе радикальную, чѣмъ та, которую занимала партія, стоявшая у власти. И вотъ онъ, который раньше совѣтовалъ своимъ соотечественникамъ лишь одно—тихо работать, ни чѣмъ не подчеркивая своей польской обособленности,

и возмущался крикомъ и шумомъ, который поднимали патріотическія газеты, придалъ проекту организаціи Національной Стражи такой видъ, точно это былъ проектъ возстановленія независимости польскаго государства въ границахъ германской монархіи. Новая національная организація должна была существовать параллельно съ государственными учрежденіями и должна была по мѣрѣ возможности вытѣснить ихъ и заступить ихъ мѣсто. Весь польскій народъ, подъ прусскимъ владычествомъ долженъ былъ быть соединенъ въ одно цѣлое, раздѣленъ на дисциплинированныя сотни и тысячи, во главѣ которыхъ должны были стоять комиссары и старосты. Должностныя лица національной организаціи должны были быть вмѣстѣ съ тѣмъ и польскими политическими властями и посредниками въ вопросахъ торговли и промышленности. Членскіе взносы должны были давать имъ возможность помогать польскимъ купцамъ и ремесленникамъ и подавать всѣмъ юридическую помощь въ тѣхъ дѣлахъ, въ которыхъ такъ или иначе была замѣшана политика. Должны были начать функціонировать третейскіе суды, у которыхъ польское общество могло бы находить защиту своихъ законныхъ интересовъ, и которыя должны были разрѣшать семейные споры при раздѣлахъ, споры по контрактамъ, словомъ — замѣнить собой коронные суды.

Эти блестящія, на первый взглядъ, идеи при ближайшемъ разсмотрѣніи были выполнимы только при двухъ условіяхъ: если бы нашлось идеально дисциплинированное общество, питающее полнѣйшее довѣріе къ своимъ главарямъ, которымъ оно могло бы передать всю широту правительственной власти,—и если бы нашлось государство, которое допустило бы существованіе такого новорожденнаго организма въ своемъ лонѣ. Трезвые познанцы сразу оцѣнили всю фантастичность этихъ

проектовъ и поняли, что они разсчитаны лишь на то, чтобы привлечь къ себѣ наиболѣе темныя массы. Впрочемъ, центральная національная власть въ рукахъ неудачнаго главаря партіи «угодовцевъ»—развѣ это было мысмо? Нѣмецкое общественное мнѣніе, которое въ первую минуту было нѣсколько смущено, сразу пришло къ убѣжденію, что передъ нимъ одно изъ тѣхъ многихъ польскихъ изобрѣтеній, которыя страдаютъ однимъ неизмѣннымъ недостаткомъ: не имѣютъ будущаго. И потому правительство не оказало даже особеннаго сопротивленія при зарожденіи этой организаціи и смотрѣло на нее какъ на всякую польскую организацію, неособенно милостиво, но зато и безъ всякихъ опасеній, хотя эта организація и привлекла къ себѣ нѣкоторую, небольшую, правда, часть польскаго общества. Во главѣ ея стояло нѣсколько личныхъ друзей основателя; были и такіе, которые всегда бѣгутъ туда, гдѣ слышится какой-нибудь шумъ и начинается какая-нибудь патріотическая работа — все равно какая, продуктивная или непродуктивная (хотя людей этого сорта въ княжествѣ Познанскомъ, пропитанномъ холодомъ нѣмецкой практичности, гораздо меньше, чѣмъ въ другихъ областяхъ Польши). Были тамъ и кое-кто изъ прежнихъ «угодовцевъ», главнымъ образомъ, люди, оскорбленные дѣйствіями той партіи, которая находилась теперь у власти и которая зачастую смѣщала людей дѣйствительно талантливыхъ и заслуженныхъ и замѣняла ихъ людьми безъ всякихъ заслугъ. Былъ здѣсь кое-кто и изъ крайней лѣвой, такъ называемой «народной партіи», которая видѣла въ новыхъ лозунгахъ приближеніе соціализма.

Но всѣ эти единичныя личности являлись выразителями самыхъ разнообразныхъ, иногда діаметрально противоположныхъ взглядовъ и не были ничѣмъ объедине-

ны. Они могли, самое большее, устроить нѣсколько митинговъ съ прекрасными рѣчами, составить болѣе или менѣе большіе списки дѣйствительныхъ членовъ, распредѣлить между собою отдѣльныя должности или замѣстить ихъ кѣмъ надо,—но создать какую-нибудь цѣльную организацію, которая могла бы разсчитывать на болѣе или менѣе продолжительное существованіе, они не могли.

Большинство членовъ народной партіи смотрѣло на этотъ новый экспериментъ, какъ на желаніе партіи уступокъ повернуть по всему фронту. Прежніе ея политическіе друзья упрекали ее въ тщеславномъ желаніи поддѣлаться подъ духъ времени. Помѣщичья партія смотрѣла на эту новую организацію съ чисто юмористической стороны и видѣла въ ней работу провинціальныхъ Робеспьеровъ. Послѣ года своего существованія Національная Стража вмѣсто тѣхъ нѣсколькихъ сотъ членовъ, на которые она разсчитывала, состояла всего лишь изъ нѣсколькихъ тысячъ, да и то на бумагѣ. Громадное большинство членовъ, заплативъ ежегодный взносъ въ одной марку, считали что сдѣлали все, что отъ нихъ требуется. Случалось даже что какой-нибудь крестьянинъ послѣ перваго же пограничнаго спора съ сосѣдомъ или послѣ того, какъ его жена поругалась съ кумой, отправлялся въ бюро юридической помощи Національной Стражи и въ отвѣтъ на заявленіе консультантовъ, что въ его дѣлѣ нѣтъ никакого политическаго оттѣнка, совалъ имъ въ носъ квитанцію объ уплатѣ членскаго взноса и требовалъ деньги обратно; случалось порой, что какой-нибудь ремесленникъ спрашивалъ въ газетахъ, куда дѣваются собранныя Стражей трудовыя деньги народа, «неужели на канцелярскіе расходы?».

Въ большинствѣ уѣздовъ ввести эту организацію не удалось, такъ какъ не было достаточнаго количества лю-

дей, которые согласились бы занять необходимыя должности — и мѣстный ландратъ напрасно поджидалъ появленія своего польскаго коллеги.

Правда, у основателя и предсѣдателя этой организаціи можно было видѣть торжественный адресъ, который ея члены преподнесли «Гетману Стражи».

Таково было положеніе дѣлъ до этого года.

Наконецъ, народная партія, которая всегда ворчала на неблагодарный трудъ — начинать сначала доведенную до половины и потомъ испорченную работу, поняла что, если отбросить ту рекламную шумиху, которою сопровождались всѣ выступленія національной организаціи, то среди всевозможныхъ политическихъ и экономическихъ организацій, которыя существовали въ княжествѣ Познанскомъ, именно эта организація, проведенная разумно, могла принести нѣкоторую вполнѣ реальную пользу во многихъ отрасляхъ своей дѣятельности. Особенно успѣшно дѣйствовало, напримѣръ, бюро юридической помощи.

И вотъ рѣшено было приступить къ избранію новаго президіума и новаго правленія національной организаціи. Этому вопросу и долженъ былъ быть посвященъ сегодняшній митингъ.

Въ такомъ освѣщеніи и предстала передъ Мечиславомъ Слушевскимъ исторія возникновенія Національной Стражи, когда онъ зашелъ къ старику доктору Броновичу и завелъ съ нимъ разговоръ на злобу дня. Къ доктору надо было попасть какъ можно раньше: утренній пріемъ продолжался у него съ восьми до девяти, потомъ онъ уходилъ къ больнымъ, а главное — на утреннемъ пріемѣ у него бывало всегда меньше народу, чѣмъ послѣ обѣда, когда пріемъ начинался снова.

Они пришли ровно въ восемь часовъ, и Мечиславъ, къ своему удовольствію, замѣтилъ, что въ пріемной народу далеко немного. Съ двумя паціентами, которые требовали помощи у старика доктора, онъ со свойственной ему рѣзкостью расправился довольно скоро, увѣряя ихъ, что они ничѣмъ не больны, — и гостей своихъ задержалъ нѣсколько дольше того часу, когда по его дневному росписанію онъ долженъ былъ начинать визиты къ больнымъ.

— Тутъ, видно, никто не умираетъ, — замѣтилъ довольно не кстати молодой докторъ. Старикъ смѣрилъ его пристальными глазами изъ-за очковъ.

— Ошибаетесь, коллега, умираютъ какъ и вездѣ и даже ругаютъ тѣхъ, кто имъ въ этомъ мѣшаетъ.

Старикъ Броновичъ жилъ въ давнишней дружбѣ съ отцомъ Слушевскаго и потому обошелся съ молодымъ товарищемъ очень любезно и радушно. Какъ это всегда бываетъ у очень порядочныхъ людей, онъ искренно хотѣлъ ему помочь, много говорилъ ему о мѣстномъ обществѣ и далъ ему нѣсколько полезныхъ совѣтовъ и указаній.

Мечиславъ слушалъ ихъ слегка иронически, такъ какъ хотя у Броновича была недурная практика, но все же, судя по тому, что разсказывали со всѣхъ сторонъ, Слушевскій думалъ, что практика эта гораздо больше. Броновичъ былъ хорошій врачъ, имѣлъ большія связи, такъ какъ родился въ Познани и женился на дочери помѣщика. Онъ принималъ горячее участіе въ политической жизни и будучи другомъ главаря народной партіи, редактора Шеманскаго, принадлежалъ именно къ этой партіи.

— А вы къ какой партіи принадлежите, коллега?

Слушевскій колебался, что отвѣтить, такъ какъ вопросъ этотъ былъ для него нѣсколько неожиданнымъ.

До польскихъ партійныхъ споровъ ему не было никакого дѣла, а такъ какъ онъ до сихъ поръ смотрѣлъ на нихъ еще изъ чужихъ краевъ, то они окончательно теряли для него всякій интересъ.

— Признаюсь, я еще не выбралъ, — отвѣтилъ онъ, наконецъ.

— Значитъ, по-вашему политическія убѣжденія выбираютъ какъ перчатки? Благодарю за такую систему. Насколько я помню себя въ молодости, у нашей молодежи всегда были убѣжденія и мы не разъ за нихъ страдали. Горе съ этой молодежью, — обратился онъ къ Слушевскому-отцу, желая обратить въ шутку свой упрекъ.

Мечиславъ сталъ защищаться и говорилъ, что прежде всего онъ полякъ, и что вопросъ о принципахъ и политическомъ устройствѣ общества для него является поэтому второстепеннымъ.

— Нѣтъ, — горячо перебилъ его старикъ, — въ молодости я помню, мы читали романы, читали мы и польскій романъ Хорецкаго «Алькадаръ». Тамъ тоже двое спорятъ по этому же вопросу. И тотъ, кто правъ (значитъ, я) говоритъ, что прежде, чѣмъ сажать деревья; нужно рѣшить сначала, какого рода деревья сажать.

Старикъ Слушевскій все же замѣтилъ, что раньше чѣмъ сажать деревья, надо разрыхлить землю.

— О, она у насъ и безъ того такъ разрыхлена, что гнить начинаетъ! — Броновичъ обрушился на деревенскихъ обывателей. — Вотъ возьмите, напримѣръ, семью моей жены — Властовскихъ. Тамъ уже въ традицію вошло, что каждая женщина должна немножко учить крестьянскихъ дѣтей, а каждый мужчина долженъ обязательно принадлежать ко всевозможнымъ сельско-хозяйственнымъ обществамъ, избирательнымъ партіямъ, платить всюду членскіе взносы, — и эта традиція соблюда-

ется такъ же нерушимо, какъ и привычка ходить въ церковь въ воскресеніе. Но все это одна лишь внѣшняя форма, одно лишь желаніе соблюсти приличія и поступать такъ, какъ поступаютъ другіе «уважающіе себя граждане». А когда Властово перейдетъ въ руки нѣмцевъ-колонистовъ и имъ за это хорошо заплатятъ, увѣряю васъ, они плакать не будутъ.

Мечиславъ вспомнилъ вдругъ страшные глаза старика Властовскаго, полные нѣмой боли, которые врѣзались ему въ память вчера вечеромъ. Онъ сталъ энергично возражать и разсказалъ свое впечатлѣніе.

Броновичъ слушалъ его не очень внимательно и неохотно.

— Самое большое—ему стыдно, что приходится вылетать въ трубу. Это самое уязвимое мѣсто ихъ самолюбія — быть хорошими хозяевами. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ Властово хотѣлъ купить мой пленянникъ, Визеръ. Хозяинъ онъ такой, что Властовскимъ съ нимъ не сравняться да и патріотъ онъ гораздо большій, чѣмъ Властовскіе, ручаюсь. Онъ происходитъ изъ семьи, которая издавна всѣмъ сердцемъ привязалась къ Польшѣ, гораздо больше, чѣмъ многія исконно-польскія семьи. Тогда еще на Властовѣ было не такъ много долговъ, у нихъ даже остался-бы порядочный капиталъ, (мой племянникъ и теперь даетъ имъ больше, чѣмъ стоитъ Властово), — но они хотятъ продать за такую сумму, какой ни одинъ полякъ не сможетъ имъ дать. Старикъ Властовскій, хотя онъ на видъ и бережливъ, любитъ еще великопанскій шикъ у себя дома, любитъ держать лакеевъ, егерей, хорошаго повара, любитъ, чтобъ все у него было, какъ у его богатыхъ сосѣдей, — а сынъ проигрывается въ карты. — А что касается вашего матеріальнаго будущаго, коллега, я думаю, что особенно мрачно

смотрѣть на него не приходится, такъ какъ у васъ есть своя «спеціальность».

Онъ произнесъ это слово съ нѣкоторымъ уваженіемъ. Мечиславъ, успѣвшій уже разглядѣть убогіе и примитивные врачебные инструменты и устарѣвшую библіотеку этого доктора, который по старинѣ лѣчилъ «отъ всѣхъ болѣзней», понималъ это уваженіе и перевелъ разговоръ на свою спеціальность, высказавъ нѣсколько новыхъ научныхъ воззрѣній. Но оказалось, что для старика нервныя болѣзни совсѣмъ уже не такая невѣдомая область, какъ думалъ первоначально Мечиславъ. Броновичъ тутъ же далъ ему очень полезный совѣтъ, не называть себя исключительно спеціалистомъ по нервнымъ болѣзнямъ, взять еще на себя внутреннія болѣзни, такъ какъ онѣ обнимали уже болѣе широкое и не столь ограниченное поле дѣятельности. Къ тому же Слушевскій ихъ изучалъ.

— Иначе люди готовы будутъ подумать, что ваша спеціальность — сумасшедшіе; у доктора Ковянувко, который лѣчитъ душевно-больныхъ, нѣтъ почти никакой практики. Очевидно, душевно-больные предпочитаютъ у насъ обходиться безъ докторовъ. Квартиру вы обязательно снимите въ центрѣ города: у насъ публика такая, что не захочетъ и лишнихъ пяти шаговъ сдѣлать. Вы сегодня будетъ искать? Ахъ, да! вы вѣдь идете на митингъ Стражи...

Когда онъ провожалъ гостей, онъ словно вспомнилъ что-то и сказалъ уже у самой двери:

— А главное — женитесь!

Мечиславъ видѣлъ на письменномъ столѣ фотографію какой-то молодой дѣвушки и догадался, что это дочь Броновича.Но она показалась ему еще некрасивѣе Полины. Все же онъ не могъ заподозрѣть простодушнаго

старика въ томъ, что онъ попросту предлагаетъ ему стать зятемъ. Это было, должно быть, одно изъ тѣхъ замѣчаній, которыми Броновскій думалъ помочь молодому товарищу.

— Вопросъ начинаетъ становиться животрепещущимъ! И онъ снова вспомнилъ о немъ, когда въ квартирѣ доктора Милецкаго изъ-за двери выглянула головка дѣвушки въ золотистыхъ кудряхъ.

— Пожалуйте, отецъ дома.

Милецкій былъ тоже человѣкъ пожилой и очень уважаемый въ городѣ. Онъ носилъ фамилію очень распространенную въ Великопольшѣ и происходилъ изъ богатой шляхетской семьи; практиковалъ онъ главнымъ образомъ въ деревнѣ. Извѣстенъ онъ былъ какъ прекрасный діагностъ. Кромѣ того, это былъ человѣкъ необычайно энергичный и дѣлавшій массу добра. Своимъ деревенскимъ паціентамъ онъ зачастую давалъ на лекарства и готовъ былъ отдать имъ послѣднюю пару сапогъ. Непрактичность—была его отличительной чертой.

Молодого товарища онъ встрѣтилъ необыкновенно сердечно.

— Очень похвально, когда молодые люди хотятъ работать, — а у насъ многое, многое можно сдѣлать: вотъ, напримѣръ, польскій медицинскій словарь безотлагательно требуетъ переработки,—это одна изъ самыхъ большихъ нуждъ нашего общества,—и онъ оборвалъ вдругъ, точно потерялъ нить въ этой мысли. Мечиславъ подумалъ, что есть нужды еще болѣе неотложныя, но молчалъ и ждалъ. Вдругъ молчаніе прервалъ голосъ доктора, который казалось очнулся отъ своей задумчивости и машинально пробормоталъ:

— Ну, такъ раздѣвайтесь!

Онъ забылъ, что передъ нимъ сидитъ гость и обращался къ воображаемому паціенту.

Онъ простился съ нимъ, увѣряя, что готовъ, чѣмъ только возможно помочь своему молодому товарищу,— но было несомнѣнно, что кромѣ симпатіи честнаго человѣка помощь эта врядъ ли дастъ ему что-нибудь реальное.

— А ты помни, — обратился онъ еще разъ къ старику Слушевскому, — не шути съ своимъ здоровьемъ,— нашъ ксендзъ архіепископъ тоже мнѣ вѣрить не хотѣлъ, пока я ему не сказалъ, что его самое большее хватитъ на годъ.

Отцу это предсказаніе повидимому было непріятно, такъ какъ, когда они выходили (Мечиславъ все время ждалъ, не увидитъ ли онъ головку съ золотистыми кудрями), старикъ сказалъ: «золотой человѣкъ, но пессимистъ».

До начала митинга Мечиславъ хотѣлъ еще побывать въ редакціи «Познанской Газеты» и представиться редактору, такъ какъ его предупредили, что онъ очень не долюбливаетъ, когда люди не воздаютъ должныхъ почестой его положенію мѣстнаго громовержца. Особенно настаивалъ на этомъ визитѣ Заклика, который былъ знакомъ съ редакторомъ и предлагалъ Мечиславу пойти съ нимъ. Отецъ вернулся домой.

Когда они подходили къ редакціи, Заклика указалъ своему другу на домъ, который стоялъ рядомъ. На немъ была надпись золотыми буквами:

«Восточный Колонизаціонный Банкъ».

— Помни, не ошибись какъ-нибудь и не зайди сюда.

— А застанемъ ли мы громовержца? Можетъ-быть лучше по телефону спросить?

— Побойся Бога, ты наживешь себѣ въ немъ врага на всю жизнь, такъ какъ телефонъ одинъ изъ его кошмаровъ!

— «Самъ» въ редакціи? — спросилъ Заклика, когда они вошли, и сталъ пожимать руки сотрудникамъ, представляя имъ своего товарища.

— Здѣсь, пишетъ.

— Передовую? Ну, какъ же, убилъ онъ Бюлова, или даровалъ ему жизнь?

— Хуже — письмо въ редакцію! Объ одичаніи мѣстной молодежи, — недавно на улицѣ онъ поскользнулся объ апельсинную корку.

— Ну, дѣлать нечего, рискнемъ перебить вдохновеніе, — надо будетъ только удвоить обычную порцію лести — онъ все проглотитъ!

Громовержецъ поднялъ свое олимпійское чело, покрытое морщинами заботъ, которое онъ подпиралъ рукою. Передъ нимъ лежали большія ножницы. Судя по его лицу, онъ несомнѣнно страдалъ болѣзнью печени. Какъ и всякому журналисту, ему пришлось многое перенести на своемъ тернистомъ пути, но отличительной его чертой было то, что онъ все принималъ на свой счетъ.

— А! мое вамъ почтеніе, господинъ адвокатъ, — поздоровался онъ милостиво съ Закликой, — кого это тамъ Богъ несетъ?

— Докторъ Мечиславъ Слушевскій, — окончилъ съ высшею наградой университетъ въ Берлинѣ и прослушалъ дополнительные курсы въ Сорбоннѣ. Намѣревается работать на родной нивѣ и поселиться въ Познани. Онъ счелъ своимъ долгомъ первый же свой визитъ нанести вамъ, господинъ редакторъ, зная вашу отзывчи-

вость и доброту .Безъ васъ, дѣйствительно, шагу нельзя ступить! — закончилъ Заклика свою рекомендацію.

— А, это очень хорошо, — на родной нивѣ? Запомню! А какова же ваша спеціальность, докторъ? Вѣдь есть отъ сердечныхъ болѣзней, отъ желудка, отъ головы,— хотя мнѣ такихъ совсѣмъ не нужно, — силился онъ сострить.

— Моя спеціальность нервы и внутреннія болѣзни.

— Нервы, — онъ взглянулъ на Мечислава нѣсколько подозрительно, — такъ это можетъ-быть и есть на-счетъ этого? — и онъ постучалъ пальцемъ по лбу.

— Не только насчетъ этого, — и во всякомъ случаѣ, если я вамъ могу быть чѣмъ-нибудь полезнымъ...

— Ну, ну, оставьте пожалуйста! — крикнулъ съ гнѣвомъ редакторъ, — что это вы себѣ думаете?

— Извините, — старался возможно скорѣе дополнить Мечиславъ, — но судя по желтому цвѣту лица, — вы извините докторскій глазъ, — вѣдь наша обязанность предупреждать, — у васъ можно предположить начало легкаго недомоганія...

— Печени, — знаю... Начало недомоганія! Вы это называете началомъ? Да помилуйте, вѣдь нужно быть изъ желѣза, чтобы переносить всѣ эти преслѣдованія, которыя сыплются на голову одного изъ самыхъ уважаемыхъ въ княжествѣ Познанскомъ людей.

«Одинъ изъ самыхъ уважаемыхъ въ княжествѣ Познанскомъ людей» со злостью вскрылъ ножницами лежавшій передъ нимъ конвертъ.

— Вы знаете, отъ кого? Да, вы ее знаете, — отъ этой бѣшеной бабы Зарудзской изъ Жемпловичъ. Я помѣстилъ корреспонденцію изъ Острова, очень хорошо написанную и очень патріотическую о какомъ-то любительскомъ спектаклѣ. Что-жъ, прекрасно, это содѣй-

ствуетъ посѣщенію массъ. А эта баба пишетъ, что тамъ потомъ были поставлены какіе-то безнравственные танцы, что во всемъ уѣздѣ страшное возмущеніе и что всѣ особенно возмущены статьей въ нашей газетѣ.

И вотъ она мнѣ пишетъ въ письмѣ на восьми страницахъ, что обязанность газеты — помѣстить необходимое разъясненіе и высказать осужденіе по поводу танцевъ. Я знаю, что это обязанность прессы — отмѣчать каждое общественное явленіе, отмѣчать то, что достойно похвалы или порицанія, но вся эта исторія будетъ такъ неумѣстна, что она отравляетъ меня вотъ уже второй день!

— Ну, баба, навѣрно, преувеличиваетъ, есть вещи поважнѣе. А редакціонная корзина — на что? Въ корзину это письмо!

— Легко вамъ говорить, — вы, молодежь, слишкомъ легко понимаете свои обязанности, а впрочемъ, если я ничего объ этомъ не напишу, то Зарудзская начнетъ мнѣ звонить по телефону, а это уже слишкомъ...

И дѣйствительно, раздался звонокъ телефона. Къ счастью, кто-то требовалъ затерявшійся на почтѣ № газеты. Редакторъ бросилъ трубку окончательно разстроенный. Онъ слишкомъ ревниво относился къ своей власти и не позволялъ никому изъ своихъ подчиненныхъ рѣшать самыя даже пустячныя дѣла и предпочиталъ упиваться горечью и желчью изъ-за всякой бездѣлицы.

— У меня есть извѣстіе для васъ и для газеты, — началъ адвокатъ, — и оно, увы, изъ вполнѣ авторитетнаго источника: его мнѣ сообщилъ мой прежній товарищъ, занимающій теперь очень отвѣтственный постъ. Принудительное отчужденіе земли въ правительственныхъ кругахъ уже рѣшено и проектъ объ этомъ уже заготовленъ.

— Я читалъ что-то объ этомъ въ шовинистскихъ га-

зетахъ, — отвѣтилъ редакторъ довольно небрежно, — все это проекты шовинистовъ. Они не посмѣютъ выступить съ такимъ проектомъ передъ лицомъ Европы!

— А я, къ несчастью, совершенно увѣренъ, что посмѣютъ, — вѣдь я знаю нѣмцевъ, я просидѣлъ среди нихъ нѣсколько лѣтъ и знаю, на что они способны, знаю, что они могутъ сдѣлать, холодно и систематически. Въ то же время обязанность прессы — предостерегать общество, чтобы дать ему возможность во-время приготовиться къ оборонѣ.

— Я нахожу это слишкомъ преждевременнымъ...

— Очень полезными въ данномъ случаѣ могутъ оказаться семейные союзы. Нужно только организовать ихъ возможно больше. Члены ихъ могутъ потомъ закладывать другъ у друга свои имѣнія за такія неслыханно высокія суммы, что колонизаторамъ придется платить бѣшенныя деньги; это во всякомъ случаѣ должно затруднить колонизаторскую работу.

— Знаю, — вы писали объ этихъ союзахъ, — только я что-то плохо это помню.

— Вотъ и надо бы затронуть этотъ вопросъ въ связи съ принудительнымъ отчужденіемъ, тѣмъ болѣе, что этотъ вопросъ не терпитъ отлагательства.

— Да видите ли, мнѣ говорилъ другой юристъ, что при принудительномъ отчужденіи на закладныя вниманія обращать не будутъ!

— Нѣтъ, будутъ, такъ какъ предѣлъ задолженности имѣній въ Германіи обычно всегда совпадаетъ съ предѣлами ихъ дѣйствительной стоимости. Главное дѣло — устраивать такъ, чтобы держателями послѣдней закладной являлись нѣмцы. Тогда можно ручаться, что ниже ихъ имѣнія въ цѣнѣ не упадутъ; другими словами, при-

нудительное отчужденіе останется неосуществимымъ проектомъ.

— А откуда же вы, молодой человѣкъ, возьмете нѣмецкія деньги?

— А вотъ откуда, господинъ редакторъ: если дѣло будетъ выгодно, то ихъ дастъ и нѣмецкій шовинистъ. Мало ли денегъ Штетинскій банкъ далъ подъ залогъ польскихъ имѣній, — а Національный банкъ, несмотря на постоянные протесты шовинистской печати, одалживаетъ деньги нашему банку Союзу Сберегательныхъ Товариществъ. Одинъ мой знакомый нѣмецъ такъ мнѣ и говорилъ со смѣхомъ: если у васъ есть какой-нибудь хорошій пріятель, такъ вы посовѣтуйте ему, пусть онъ возьметъ побольше денегъ подъ закладныя на свое имѣніе, но только пусть послѣдняя закладная будетъ нѣмецкая.— Основать банкъ, вродѣ нашего банка Взаимопомощи земельныхъ собственниковъ, но только гораздо болѣе мощный, который сосредоточитъ въ себѣ всѣ, или по крайней мѣрѣ большую часть лольскихъ имѣній и который явится посредникомъ въ дѣлѣ взаимнаго залога имѣній и будетъ добывать послѣднія закладныя изъ нѣмецкихъ денегъ. Это надо сдѣлать теперь, пока еще ноздно. Такой банкъ явится огромнымъ бревномъ, которое можно будетъ всадить въ колесо германизаторской машины. Колесу придется по крайней мѣрѣ немало намучиться, пока оно это бревно сломаетъ. А пока мы избѣжимъ того грознаго удара, который нанесетъ намъ законъ о принудительномъ отчужденіи!

Онъ говорилъ горячо и убѣжденно, но редакторъ слушалъ его такъ, какъ слушаютъ старыя и надоѣвшія сказки.

Слушевскій попробовалъ было возразить и началъ:

— Но оставляя въ сторонѣ вопросъ солидарности, эти нѣмецкія деньги...

Заклика нетерпѣливо перебилъ его:

— Безъ солидарности, хотя бы даже въ меньшемъ масштабѣ, не было бы банковъ взаимопомощи, не было бы сберегательныхъ товариществъ,—а что касается денегъ, стоитъ только нѣмцамъ посулить большіе проценты, они первые на это пойдутъ. Наконецъ, можно было бы начать и не съ Центральнаго банка. Законъ знаетъ еще акціонерныя общества. Въ числѣ членовъ такого общества можно было бы имѣть одинъ изъ нѣмецкихъ банковъ, но сдѣлать это такъ, чтобы членъ этотъ былъ безвредный, другими словами—допустить въ его руки лишь небольшое количество акцій, тогда онъ составилъ бы меньшинство. Тѣ реальныя выгоды, которыя можно было бы пообѣщать нѣмецкимъ акціонерамъ окупились бы сторицею.

— Я понимаю тебя, — подхватилъ Слушевскій, — обѣщанная нѣмцамъ кредиторамъ прибыль, или процентъ явились бы своего рода страхованіемъ народа противъ принудительнаго отчужденія или заставили бы правительство платить выше стоимости.

— Да, но это можно сдѣлать только теперь, такъ какъ, когда будетъ изданъ этотъ исключительный законъ, такого рода дѣятельность будетъ уже противной закону.

— А всетаки я объ этомъ отчужденіи ничего не напишу, — отвѣтилъ редакторъ, — зачѣмъ попусту пугать людей, — на это еще будетъ время.

. . . .

Въ залу Лямберта, самую большую залу въ Познани, валилъ толпой народъ: ремесленники, купцы окрестные крестьяне, мѣстная интеллигенція, пріѣзжіе изъ другихъ

городовъ княжества, ксендзы и помѣщики. Хотя послѣднихъ было немного, но все же они были. Подходившій народъ разбился на кучки, въ которыхъ слышался оживленный и серьезный разговоръ. Было несомнѣнно, что толпа прекрасно чувствовала всю важность момента, который долженъ былъ рѣшить вопросъ существованія организаціи, до сихъ поръ не бывшей ничѣмъ, но впослѣдствіи могущей стать чѣмъ-то очень важнымъ. Публика входила въ залъ, занимала стулья, оставалась стоять въ боковыхъ проходахъ и заполнила собою всю заднюю часть зала, гдѣ стульевъ не было. Народу набивалось все больше, но ни толкотни, ни давки не было: всѣ моментально подчинялись указаніемъ тѣхъ лицъ, которыя должны были слѣдить за порядкомъ. Когда полицейскій офицеръ, стоявшій у двери и ревностно наблюдавшій за тѣмъ, чтобы выполнены были всѣ полицейскія предписанія, нѣсколько преждевременно рѣшилъ, что залъ уже переполненъ, опоздавшая публика безъ сопротивленія хотя и съ неудовольствіемъ повернулась къ выходной двери.

Народу набралось около двухъ тысячъ. Толпа эта, несмотря на различіе взглядовъ и политическихъ убѣжденій, собралась здѣсь по доброй волѣ, чтобы послужить общественному дѣлу, — въ этомъ смыслѣ видъ ея импонировалъ. Она являла собобй наглядное доказательство національнаго самосознанія и политической зрѣлости великополянъ.

Мѣста на эстрадѣ занялъ президіумъ. Толпа съ любопытствомъ разглядывала его, такъ какъ эти люди должны были вдохнуть новую жизнь въ прежнюю организацію. Среди нихъ былъ депупапъ сейма — Фелиціанъ Неголевскій, котораго любили всѣ партіи за его открытый и честный характеръ, потомокъ извѣстнаго героя

Само-Сіерры и племянникъ того Неголевскаго, который разоблачилъ провокаціонный заговоръ Беренпрунга. Былъ здѣсь и другой депутатъ, которому вскорѣ суждено было занять одно изъ первыхъ мѣстъ въ польскомъ коло — членъ народной партіи, Владиславъ Сейда.

Предсѣдатель открылъ собраніе старо-польскимъ возгласомъ:

— Да славится имя Господне!

Но въ самомъ началѣ случился очень печальный инцидентъ. Поднялся одинъ изъ членовъ президіума, какой-то формалистъ, и вдругъ сказалъ:

— Если въ залѣ находится кто-нибудь изъ депутатовъ, или бывшихъ депутатовъ, мы просимъ сюда на эстраду.

Слушевскій замѣтилъ Властовскаго, который сидѣлъ вдали, въ мѣстахъ для публики. Онъ былъ когда-то депутатомъ. Теперь, не желая обращать на себя вниманія, тѣмъ болѣе что его фамилія трепалась всѣми газетами въ связи съ неизбѣжной продажей Властова, и онъ чувствовалъ себя до нѣкоторой степени виноватымъ, такъ какъ дѣйствительно вошелъ въ переговоры съ колонизаціонной комиссіей, онъ скромно сидѣлъ въ публикѣ. Услышавъ приглашеніе президіума, онъ страшно поблѣднѣлъ и тотчасъ покраснѣлъ. Публика впилась въ него глазами. Оставаться на мѣстѣ въ то время, когда вниманіе всего зала было обращено на него, значило расписаться въ трусости. А потому онъ всталъ и началъ пробираться къ эстрадѣ.

Но въ эту же минуту въ нѣсколькихъ мѣстахъ раздались крики:

— Продажная душа! Продажная душа! Долой торгашей! Позоръ!

— Господа прошу соблюдать тишину, — пробовалъ

было унять толпу, господинъ съ бакенбардами, который своимъ предложенiемъ и вызвалъ весь этотъ инцидентъ. Это первое правило всякихъ засѣданiй!

Его не слушали. Властовскiй повернулся и блѣдный какъ мѣлъ, направился къ выходу, среди разступавшейся передъ нимъ, какъ передъ зачумленнымъ, толпы. Полицейскiй офицеръ у двери предупредительно съ нимъ поздоровался.

Первымъ заговорилъ програмный ораторъ, и начались пренiя, которыя претекли спокойно и въ полномъ порядкѣ. Высказывались самыя разнообразныя мнѣнiя, иногда даiметрально противоположныя: одни считали Нацiональную Стражу панацеей отъ всѣхъ золъ, другiе отрицали всякiй смыслъ ея существованiя, одни требовали централизацiи, другiе децентрализацiи, — но пренiя все же носили очень дѣловой характеръ, опирались на факты и примѣры. Если откинуть дѣланный паѳосъ предсѣдателя, то всѣ рѣчи звучали трезво и реально. Искали конкретнаго выхода. Бюро юридической помощи, собиранiе судебныхъ матерiаловъ, которые могли бы составить надежную опору для будущихъ судебныхъ споровъ, секцiя польской культуры, какъ дополненiе къ Обществу народныхъ читаленъ, экономическая секцiя при справочномъ бюро переселенческихъ комиссiй, которое должно быть указывать полякамъ мѣста, гдѣ они могли найти кусокъ хлѣба — вотъ что можно было выдѣлить изъ тумана преувеличенныхъ обѣщанiй, вотъ что могло имѣть болѣе или менѣе практическое будущее. Пустая декламацiя, и споры, на которые люди тратили массу времени, смѣнились теперь тѣмъ, что дѣятельность огромной организацiи была передана въ руки нѣсколькихъ лицъ, которыя искренно хотѣли выполнить возложенную на нихъ задачу.

Участники митинга расходились спокойно и въ образцовомъ порядкѣ. Въ честь народной партіи, въ руки которой переходила отнынѣ Національная Стража, раздались привѣтственныя возгласы. Во всякомъ случаѣ изъ всего этого дѣла что-нибудь да выйдетъ, общественная жизнь потечетъ по нѣкоторому новому руслу — и тѣмъ, кто этого искренно хотѣлъ, эта мысль давала нравственное удовлетвореніе.

. . . .

Въ городскомъ казино, гдѣ докторъ очутился вечеромъ, только и разговоровъ было, что о митингѣ, о преніяхъ и резолюціяхъ. Казино это и было основано нѣкогда Потворовскимъ съ цѣлью объединенія и сближенія польской интеллигенціи. Участникъ познанскаго возстанія 48-го года, онъ отказался впослѣдствіи отъ всякихъ попытокъ завоевать для Польши независимость съ оружіемъ въ рукахъ и примкнулъ къ лозунгу, который слышится и понынѣ и извѣстенъ подъ именемъ «Органическаго труда». Теперь бюстъ Потворовскаго украшалъ одну изъ залъ клуба, но съ какимъ изумленіемъ и отвращеніемъ долженъ онъ былъ смотрѣть на то, что происходило въ нѣкогда основанномъ имъ клубѣ, вся жизнь котораго проходила у зеленыхъ столиковъ.

— Зачѣмъ онъ стоитъ здѣсь, если онъ не играетъ,— странный человѣкъ! — шутилъ одинъ изъ клубныхъ завсегдатаевъ, камергеръ Стажецкій. Слушевскій узналъ въ немъ того самаго господина, который съ хохотомъ убѣгалъ въ корридорѣ гостинницы отъ барона, швырявшаго въ него палкой. Будучи нѣмцемъ въ душѣ, какъ его отецъ и дѣдъ, тоже прусскіе сановники, онъ не принималъ накакого участія въ народной жизни, а если и принималъ, то далеко не въ пользу поляковъ. Сегодня онъ

громче всѣхъ вышучивалъ митингъ, прибѣгая къ своему излюбленному польско-нѣмецко-еврейскому жаргону.

— Скажите пожалуйста, собрались себѣ полячки и начали играть въ Польшу, — гевалтъ! Костельскому тамъ, въ сферахъ, этого не забудутъ! Неголевскій — это я еще понимаю. Его дѣдъ говаривалъ, что для него нѣтъ ничего милѣе запаха мужицкихъ овчинъ, — тоже духи на любителя! Польша должна воскреснуть? гдѣ? когда?! Я самъ полякъ, — и онъ ударилъ себя въ грудь кулакомъ, — но я всегда былъ противъ этихъ польскихъ бредней!

Его слушали безъ протеста, кое-кто даже аплодировалъ, кое-кто смѣялся. А если кто-нибудь начиналъ возмущаться, то его успокаивали: «оставьте вы это въ покоѣ. Юзикъ просто сумасшедшій, онъ только такъ говоритъ!». Мѣщанамъ онъ импонировалъ своимъ камергерскимъ званіемъ, былъ популяренъ и предпочиталъ просиживать въ Казино, а не въ шляхетскомъ клубѣ, тѣмъ болѣе, что тамъ по большей части было пусто. Эта пустота зачастую и заставляла помѣщиковъ, пріѣзжавшихъ изъ деревни и бывшихъ членами шляхетскаго клуба, когда они тамъ никого не заставали, отправляться въ Казино. Не дѣлали этого только нѣсколько ультра-аристократовъ, которые съ возмущеніемъ отталкивали отъ себя самую мысль о томъ, что они могутъ попасть въ компанію разночинцевъ. Постоянными посѣтителями въ Казино были врачи, адвокаты, инженеры, нѣсколько домовладѣльцевъ и помѣщиковъ. Большинство членовъ Казино были въ то же время членами шляхетскаго клуба. Былъ даже проектъ соединить эти два учрежденія, такъ какъ ихъ параллельное существованіе было не цѣлесообразнымъ. Но проектъ этотъ разбился объ упорное сопротивленіе шляхты.

Мечислава ввелъ въ Казино его товарищъ докторъ, котораго онъ встрѣтилъ на митингѣ. Слушевскому показалось страннымъ, что онъ видѣлъ кругомъ себя тѣхъ же самыхъ людей, которые были на утреннемъ митингѣ и, казалось, проявляли горячій интересъ къ тому общественному вопросу, ради котораго онъ былъ созванъ, такъ какъ многіе изъ нихъ даже говорили рѣчи. А здѣсь, всѣ они были настроены подъ общій камертонъ насмѣшливости, съ тою легкостью, которая невольно заставляла предполагать, что именно здѣсь они искренни, а тамъ только ломали комедію.

Онъ подѣлился этимъ наблюденіемъ со своимъ товарищемъ.

— Ну, всѣ эти митинги намъ уже не новость,—а здѣсь всѣ думаютъ о томъ, гдѣ жаренымъ пахнетъ!

— Скажите, а я у васъ этого жаренаго отнимать не буду?

Докторъ, къ которому онъ обратился съ этимъ вопросомъ, былъ старше его на нѣсколько лѣтъ и имѣлъ уже довольно порядочную практику.

— Попробуйте! А если вы говорите про практику здѣсь, — и онъ указалъ рукой на зеленые столики, — то это зависитъ отъ вашихъ способностей и счастья.

Доказать свои способности и счастье Слушевскому пришлось въ тотъ же вечеръ и въ этомъ же клубѣ. Такъ какъ онъ умѣлъ играть въ бриджъ, который входилъ здѣсь въ моду, то его пригласили составить партію пану Ворскому, который, скучалъ въ одиночествѣ, камергеру и барону Грабовскому.

Онъ выигралъ даже нѣсколько десятковъ марокъ — и игралъ въ прекрасномъ обществѣ.

VI.

Родители уѣхали, устроивъ сына въ новомъ гнѣздѣ. Квартиру удалось найти на улицѣ Викторіи, въ центрѣ города, недалеко отъ Вильгельмовской площади, гдѣ сосредоточивалась городская жизнь—и квартира эта оказалась гораздо дешевле, чѣмъ другія, на главныхъ улицахъ. Доктору не приходилось, правда, считаться съ каждой копѣйкой, такъ какъ у него были свои средства, а разъ процентовъ и такъ не хватало, то все равно надо было тратить капиталъ, — а рублемъ больше или меньше — это, въ глазахъ доктора, было уже безразлично. Но мать и сестра, которыя не знали о томъ, что проживаетъ капиталъ, разсчитывали каждый грошъ и очень гордились тѣмъ, что имъ удалось найти такую дешевую квартиру.

Кое-какая мебель у него была, кое-что ему дали изъ дому, кое-что пришлось прикупить, и, хотя обстановка въ его квартирѣ носила очень сборный и случайный характеръ, въ общемъ все же она была очень приличной и въ спартанской Познани могла показаться даже изысканной. Мечиславъ разсчитывалъ, что на его паціентовъ это будетъ производить очень пріятное впечатлѣніе, а это, въ его глазахъ, было главное. Особенно измучился и измаялся онъ съ польскими столярами. Живя по сосѣдству со своими западными коллегами, они все же никакъ не могли отрѣшиться отъ своей національной неаккуратности. Но такъ какъ польскіе ремесленники всѣ, по боль-

шей части, вышли изъ среды того народа. которому, по словамъ Сенкевича, сама мать-земля подаетъ примѣръ неаккуратности, то съ этимъ приходилось мириться. Передать же заказы нѣмцамъ Слушевскому, какъ онъ ни бѣсился порой, и въ голову не пришло. Впрочемъ это было даже невозможно, такъ какъ польскія газеты неукоснительно печатали фамиліи тѣхъ, кто нарушалъ давно установившійся принципъ: свой къ своему. Ремесленники великолѣпно это знали и по возможности старались извлечь изъ своего положенія какъ можно больше выгодъ.

Наконецъ, вся мебель была разставлена по мѣстамъ, въ воротахъ и на входной двери были прибиты дощечки:

«Докторъ Мечиславъ Слушевскій, практикующій врачъ».

«Dr. M. von Sluszeski, praktischer Artz.».

Внизу, опять-таки на двухъ языкахъ, было добавлено:

«Внутреннія и нервныя болѣзни».

Все это выглядѣло очень недурно и эффектно.

Нѣсколько очень дорогихъ машинъ и аппаратовъ для электризаціи, массажа, свѣтолѣченія невольно внушали посѣтителямъ уваженіе. И прежде всего, они являлись предметомъ вниманія, восторга или зависти со стороны посѣщавшихъ его товарищей.

— Вотъ такъ инструменты, чортъ дери! у публики глаза на лобъ вылѣзутъ,—восторгался докторъ Бушкевичъ.

— Ну, ну! и великолѣпіе же у васъ, товарищъ, — удивлялся Броновичъ, а Мечиславъ улыбался, вспоминая тѣ жалкіе инструменики, которые онъ видѣлъ у него.

Иные признавались въ простотѣ души, что понятія не имѣютъ, для чего служатъ «всѣ эти исторіи», а Милецкій, пустивъ нечаянно максимальный электрическій токъ, чуть не убилъ себя и хозяина.

Въ «Познанской Газетѣ», пріѣздъ доктора Слушевскаго была помѣщена особая замѣтка, въ которой говорилось,

что онъ «окончилъ университетъ съ высшимъ отличіемъ» и «пріѣхалъ потрудиться на родной нивѣ».

За это «отличіе» Слушевскій даже слегка разсердился на Заклику, такъ какъ экзамены онъ, на самомъ дѣлѣ сдалъ удовлетворительно, но безъ всякихъ отличій.

— Да развѣ тебѣ когда-нибудь приходилось читать, чтобы какой-нибудь полякъ сдавалъ экзамены иначе, какъ съ высшимъ отличіемъ? Мнѣ, по крайней мѣрѣ, никогда этого не случалось!—отвѣтилъ ему адвокатъ.

И даже съ паціентами дѣло обстояло не такъ уже плохо. Нѣсколько человѣкъ къ нему отослалъ Броновичъ и это были какъ разъ тѣ, которыхъ онъ увѣрялъ, что они ничѣмъ не больны и только Господа Бога гнѣвятъ своими жалобами. «Вотъ, гидротерапія, или массажъ, пожалуй вамъ повредить не могутъ», — напутствовалъ онъ ихъ при этомъ. Милецкій прислалъ къ нему нѣсколько бѣдняковъ, которые заплатить не могли, но могли зато пѣть гимны познаніямъ и добротѣ молодого доктора среди своихъ. Наконецъ появилось и нѣсколько настоящихъ паціентовъ которыхъ къ Слушевскому привлекла не то замѣтка въ газетѣ, не то указаніе на спеціальность на дощечкѣ у воротъ.

Работа, словомъ, у него была,—на это онъ пожаловаться не могъ. Зато развлеченій было гораздо меньше, и онъ попросту не зналъ, что дѣлать со своими вечерами. Театръ, въ сравненіи съ тѣми, которые онъ видѣлъ въ европейскихъ столицахъ и даже большихъ провинціальныхъ городахъ, былъ такъ ужасенъ, что для человѣка съ маломальски развитымъ квусомъ, онъ былъ невыносимъ. Ни семейнаго уюта, о которомъ онъ мечталъ на университетской скамьѣ, ни настоящей общественной жизни вокругъ него не было. Однажды, вспомнивъ приглашеніе Броновича — заходить къ нему безъ всякихъ церемоній, онъ

собрался къ нему вечеромъ и былъ очень любезно принятъ. Все же въ томъ, какъ его встрѣтили, чувствовалось какое-то недоумѣніе и неувѣренность — какъ держать себя съ этимъ гостемъ. И Мечиславъ понялъ, что хотя его семья была очень дружна съ Броновичами, все же его визитъ казался здѣсь чѣмъ-то не вполнѣ умѣстнымъ. Дома была и дочь Броновича. Нѣмецкій обычай позволяетъ обращать вниманіе на барышню только тогда, когда на нее «имѣются виды»; замужняя женщина—собственность мужа. Броновичъ со всею наивностью показалъ, что и онъ и онъ пропитанъ этимъ принципомъ.

— Ну, ну, а мнѣ говорили другое... Значитъ, вы уже утѣшились послѣ отказа панны Стычинской? — спросилъ онъ удивленно.

Это укололо Слушевскаго. Очевидно, городскія сплетни уже соединили его съ Полиной и то, что они больше не появлялись вмѣстѣ, было истолковано, какъ отказъ съ ея стороны.

Онъ счелъ болѣе благоразумнымъ и отсюда убраться по-добру, по-здорову, чтобъ не рисковать новыми сплетнями.

Работать надъ своимъ дальнѣйшимъ теоретическимъ образованіемъ, корпѣть надъ книжками послѣ пріема паціентовъ, или (что̀ его еще болѣе утомляло) послѣ нѣсколькихъ часовъ ожиданія ихъ, ему не хотѣлось. Оставалось только казино, куда онъ былъ принятъ членомъ, и Шляхетскій Клубъ, куда его записалъ Ворскій, плѣненный его умѣніемъ играть въ бриджъ. Тамъ онъ и проводилъ вечера, то за карточнымъ столикомъ, то въ нудныхъ разговорахъ на злобы дня.

Рѣшилъ онъ принять участіе и въ общественныхъ дѣлахъ. Записался въ члены Національной Стражи, Общества Избирателей, народныхъ читаленъ и всевозможныхъ

благотворительныхъ обществъ. Но дѣло ограничилось тѣмъ, что онъ внесъ свой членскій взносъ — и больше отъ него ничего не потребовали. Быть можетъ, тамъ дѣйствительно нечего было дѣлать, быть можетъ во всѣхъ этихъ учрежденіяхъ, уже давно налаженныхъ и функціонировавшихъ съ точностью часовъ, работы было вообще мало, а ту, которая и была, уже распредѣлили между собой наиболѣе ревностные или тщеславные члены.

Такъ по крайней мѣрѣ ему показалось, и это было не далеко отъ истины.

Онъ какъ-то говорилъ объ этомъ съ Полиной, съ которой — о, ужасъ! — ему пришлось однажды въ воскресенье гулять по площади Вильгельма. Въ этотъ часъ тамъ играла военная музыка, какъ во всѣхъ нѣмецкихъ городахъ. Играла она именно тѣ композиціи, которыя особенно пригодны для духовнаго оркестра и для гулянія. Онъ встрѣтилъ ее съ какой-то ея теткой въ костелѣ св. Мартина, гдѣ «интеллигенція» обыкновенно занимала мѣста недалеко отъ алтаря. Стычинская кивнула ему головой и онъ не могъ къ ней не подойти, не рискуя ея оскорбить. И хотя она, (какъ она писала Маринѣ) была раздражена его медлительностью, она все же не считала свое дѣло проиграннымъ и, представивъ его своей спутницѣ, увлекла его за собой. Онъ долженъ былъ ей разсказать, что онъ дѣлалъ все это время, какъ устроился и вообще все, что его касалось. Когда онъ не безъ нѣкоторой гордости упомянулъ про то, что онъ сдѣлалъ уже первые шаги на поприщѣ общественной дѣятельности, дѣвушка пренебрежительно махнула рукой:

— Отъ нечего дѣлать и это хорошо, — но вѣдь все равно, если бы васъ даже выбрали депутатомъ, вы бы не смогли имъ быть, такъ какъ вамъ этого не позволитъ ваша докторская практика, а на депутатское жалованье въ

Берлинѣ и не проживешь. Я вамъ посовѣтую лучше завязать сношенія съ промышленными сферами, или записаться въ члены одной изъ сберегательныхъ кассъ. У васъ есть кое-какія деньги, вы купите акціи, чтобы попасть потомъ въ правленіе или наблюдательный комитетъ; тутъ вы убьете двухъ зайцевъ: исполните свой потріотическій долгъ и кое-что заработаете. Папа во всѣхъ этихъ обществахъ участвуетъ, — стоитъ мнѣ попросить, и онъ васъ проведетъ.

Совѣтъ былъ неплохъ и первую часть этой программы докторъ выполнилъ, но для него было слишкомъ ясно, что ему, какъ неизвѣстному человѣку, нельзя напрашиваться въ члены, хотя бы даже какой-нибудь ревизіонной подкомиссіи, — а потому его безъдѣліе продолжалось.

Мысль о домашнемъ очагѣ не переставала его мучить. Онъ, чувствовалъ, что жениться ему необходимо, во-первыхъ, для того, чтобы расширить практику, а во-вторыхъ, просто отъ скуки.

— Ни одна честная дѣвушка на шею вамъ первая не бросится, — увѣряла его Полина. — «А не честныхъ въ Познани нѣтъ», — шутилъ онъ мысленно.

Ахъ, эта Полина... Собственно говоря, послѣ всего того, что между ними произошло, послѣ всѣхъ этихъ недвусмысленныхъ намековъ со стороны окружающихъ, ему слѣдовало взять и сдѣлать предложеніе. Но онъ никакъ не могъ рѣшиться. Будь она хоть немного красивѣе. По крайней мѣрѣ у нея здоровый цвѣтъ лица. Куда же, чортъ возьми, дѣвались тѣ красивыя польки, о которыхъ онъ такъ много читалъ и о которыхъ ему съ восторгомъ разсказывали даже нѣмцы. Тѣ нѣсколько дамъ и барышень, которыхъ ему показали въ городѣ и которыя принадлежали къ мѣстному обществу, ни въ коемъ случаѣ не могли претендовать на красоту. Да, въ сравненіи съ какой-нибудь

панной Лужицкой, или Милецкой (жаль, что она рыжая) онѣ скорѣе походили на горничныхъ. Единственное исключенiе составляли жены двухъ мѣстныхъ докторовъ. Почему же ему жениться на женщинѣ опредѣленно некрасивой? Вѣдь не такъ ужъ приспичило ему получить ея деньги? Послѣднее обстоятельство кажется примимала въ соображенiе и панна Полина, и этимъ объяснилось, что она не прерывала съ нимъ знакомства, несмотря на то, что онъ, такъ медлилъ. Она принадлежала къ типу тѣхъ чувственныхъ и лишенныхъ всякихъ сантиментальностей дѣвушекъ, которыя въ такихъ случаяхъ всегда говорятъ себѣ: «не онъ, такъ другой, — найдется же кто нибудь, хотя я предпочитаю этого». Мечиславъ во всякомъ случаѣ рѣшилъ подождать карнавала. Потомъ уже крышка захлопнется. Врожденный познанскiй консерватизмъ былъ причиной того, что ему не хотѣлось искать жены внѣ своей провинцiи, какъ не хотѣлось бы жениться на дѣвушкѣ безъ приданаго и связей. Объ этомъ ультиматумѣ, который онъ самъ себѣ поставилъ, онъ написалъ Маринѣ.

«Вы, мужчины, всегда одинаковы, — отвѣтила ему сестра, — вы, какъ дѣти, не знаете чего хотите. А кромѣ того съ твоей стороны некрасиво, — извини, что я должна сказать тебѣ это прямо въ глаза, — некрасиво такъ водить за носъ дѣвушку, которая тебѣ довѣряетъ. Ты этимъ оттолкнешь ее и она выйдетъ за другого».

Но письмо это, несмотря на всю его милую и наивную рѣзкость, ни въ чемъ его не убѣдило. Онъ зналъ, чего хотѣлъ, а въ любовь панны Полины, которая могла бы довести ее сердечной катастрофы, онъ слишкомъ мало вѣрилъ. Наоборотъ, подвернись ей подъ руку какой-нибудь графъ, кто знаетъ, чтобы изъ этого вышло. Письмо Полины къ сестрѣ, которое она со свойственной женщинамъ

непослѣдовательностью и подъ величайшимъ секретомъ переслала брату, говорило ей нѣчто совершенно другое.

«Если твой несносный М. меня не хочетъ, то пусть онъ знаетъ, что я, ни минуты не раздумывая, выйду за другого», писала она. Эта угроза говорила скорѣе о постоянствѣ ея чувства.

Стоялъ декабрь, карнавалъ, былъ уже недалеко,—можно было переждать.

Въ этомъ смыслѣ онъ и отвѣтилъ Маринѣ, приглашая ее пріѣхать на карнавалъ, къ чему у нея не было особенной охоты. Она продолжала тайкомъ учить дѣтей. Тосковала по лѣту, когда подъ видомъ прогулокъ дѣтей можно было собирать гдѣ-нибудь на лугу, или въ лѣсу и тамъ съ ними заниматься.

Между тѣмъ случились два событія, которыя напомнили Мечиславу, что и онъ живетъ на аренѣ борьбы и гнета, и что тотъ желѣзный обручъ, которымъ нѣмецкое государство съ величайшей заботливостью сдавило своихъ польскихъ подданныхъ, душитъ и его. Прежде всего пришла повѣстка изъ полицейскаго бюро о томъ, что на него наложенъ штрафъ за не прописку. Это былъ, конечно, пустякъ и отъ полицейскихъ властей зависѣло, наказать ли его за такое упущеніе по отношенію къ властямъ, или нѣтъ. Въ довершеніе всего, комиссаръ того полицейскаго округа, въ которомъ жилъ Слушевскій, пригласилъ его явиться лично, ссылаясь на какой-то параграфъ, который позволялъ властямъ лично знакомиться съ тѣми, кто впервые пріѣзжалъ въ какой-нибудь городъ съ намѣреніемъ поселиться здѣсь навсегда. Ни въ одномъ изъ городовъ Германіи, гдѣ ему приходилось раньше жить, ничего подобнаго съ нимъ не случалось. Но когда онъ посовѣтовался съ Закликой, тотъ категорически заявилъ ему, что надо итти. Въ конституціонномъ государствѣ нельзя, конеч-

но, таскать мирнаго обывателя по полицейскимъ участкамъ, отнимать у него время, и заставлять разыгрывать роль «подданнаго» только для того, чтобы полицейскій чинъ могъ доставить себѣ удовольствіе убѣдиться, дѣйствительно ли у него носъ расположенъ по серединѣ лица. Но если есть какой-нибудь важный поводъ (судить о степени его важности предоставляется личному усмотрѣнію чиновнику), или если этого требуетъ общественная безопасность, то гражданина можно привести съ полиціей. Сопротивляться же въ этомъ случаѣ— значитъ сопротивляться властямъ, а это карается нѣсколькими мѣсяцами тюрьмы.

И онъ отправился.

Полицейскій комиссаръ принялъ его очень вѣжливо. Не было никакого сомнѣнія, что онъ попросту захотѣлъ проявить всю полноту своей власти. Зная по паспорту имя и фамилію Слушевскаго, онъ только разспрашивалъ его, въ какихъ городахъ онъ жилъ раньше и не принадежитъ ли онъ къ какимъ-либо обществамъ, напримѣръ къ обществу Національной Стражи.

— Впрочемъ, вы на этотъ вопросъ можете не отвѣчать, — прибавилъ онъ.

Мечиславъ не видѣлъ основанія утаивать свою принадлежность къ этому обществу, такъ какъ оно было вполнѣ легально разрѣшено.

— А васъ уже внесли въ списокъ членовъ? — разсмѣялся комиссаръ. Конечно нѣтъ, вѣдь тамъ у нихъ польскіе порядки. Мнѣ опять придется васъ оштрафовать, ужъ лучше бы вамъ выйти изъ этого общества.

Доктора разсмѣшило это предложеніе выйти изъ состава членовъ только потому, что ему могъ грозить штрафъ, съ другой стороны его раздражалъ и этотъ видъ

политической пропаганды, которую разрѣшалъ себѣ полицейскій чиновникъ; онъ стиснулъ зубы и ничего не отвѣтилъ ему на этотъ вопросъ.

— Вы офицеръ запаса и у васъ выйдутъ съ этимъ непріятности, — грустно улыбнулся ему полицейскій при прощаніи.

Дѣйствительно, на слѣдующій день его вызвали къ мѣстному коменданту съ требованіемъ немедленно явиться. Коменданта, стараго заслуженнаго маіора, онъ уже зналъ, такъ какъ согласно требованію военнаго устава ѣздилъ къ нему представляться въ первый же день своего пріѣзда въ Познань. Теперь онъ засталъ его страшно разозленнаго.

— Господинъ лейтенантъ, я получилъ необыкновенно печальное извѣстіе, что вы, прусскій офицеръ, состоите членомъ этой... какъ ее... Стражи. Я не знаю лично, какія цѣли преслѣдуетъ эта новая польская выдумка, но мнѣ очень грустно, что одинъ изъ членовъ офицерскаго корпуса дошелъ до того, что полиція обращаетъ на него наше вниманіе. Надѣюсь, черезъ двадцать четыре часа услышать отъ васъ, что вы вышли изъ этого общества, принадлежать къ которому для офицера непозволительно. На этотъ разъ я оставляю все это дѣло безъ послѣдствій, такъ какъ увѣренъ что вы провинились, не зная условій мѣстной жизни. Впрочемъ, вамъ не мѣшало бы знать, чортъ возьми, что офицеръ его королевскаго величества принадлежать къ какимъ-то тамъ соціалъ-демократическимъ или польскимъ обществамъ не можетъ.

Слушевскій зналъ о существованіи этого правила въ конституціонномъ государствѣ, которое требовало отъ своихъ подданныхъ, чтобы всѣ они безъ исключенія служили на военной службѣ и въ случаѣ, если у нихъ есть образовательный цензъ, старались дослужиться до офи-

церскаго чина, строго карая тѣхъ, кто отъ этого уклонялся,—и въ то же время лишало ихъ свободы обыкновенныхъ гражданъ. Онъ не зналъ лишь того, что благодаря послѣднему митингу, на которомъ былъ избранъ новый составъ правленія Стражи, она попала уже въ категорію тѣхъ обществъ, которыя запрещены, если не юридически, то морально. На это послѣднее обстоятельство онъ не указалъ своему начальнику.

— Ну, въ концѣ-концовъ я вовсе не требую, чтобы вы ходили изъ этой проклятой Стражи со всѣми формальностями,—я знаю шовинизмъ вашихъ соотечественниковъ и понимаю, что это можетъ угрожать вашей практикѣ. Выверните́сь отъ нихъ подъ какимъ-нибудь первымъ попавшимся предлогомъ — намъ совершенно нежелательны скандалы въ арміи. Я продлю вамъ срокъ и буду ждать вашего рапорта о томъ, что вы это дѣло прикончили въ томъ духѣ, въ какомъ это намъ желательно. Онъ поднялъ два пальца къ виску:—Благодарю васъ, господинъ лейтенантъ.

Аудіенція была кончена.

Привычка къ солдатской выправкѣ настолько сильно укореняется въ человѣкѣ, которому пришлось служить въ прусскихъ войскахъ, что Слушевскій выйдя отъ коменданта, машинально маршировалъ черезъ площадь Вильгельма съ тѣми движеніями автомата на пружинахъ, которые всегда можно наблюдать въ солдатахъ во время маршировки. Полина, которая всегда гуляла здѣсь въ это время, съ улыбкой остановила его. Онъ машинально поздоровался. Куда? Откуда? Зачѣмъ? Чего это ему вздумалось одѣть военный мундиръ? Ужъ не собирается ли онъ просить разрѣшенія о вступленіи въ бракъ? Впрочемъ, разрѣшенія должны просить только офицеры состоящіе на дѣйствительной службѣ, а вѣдь онъ въ запасѣ «всегда въ

запасѣ». На свое положеніе отвергнутой невѣсты, которая ждетъ, не случится ли партія получше (такъ она сама опредѣляла свое положеніе), она смотрѣла не то съ раздраженіемъ, не то съ насмѣшкой. Онъ разсказалъ ей про свои непріятности.

— Ну такъ чего же вы такъ возмущаетесь. Надо будетъ выйти изъ Стражи.

— Вы мнѣ это совѣтуете?

— Конечно, всѣ эти господа — мерзавцы, — сказала она,—но вѣдь вы должны согласиться, что отъ этой Стражи больше шума, чѣмъ пользы. То же самое и мой отецъ говоритъ. — А какъ къ вамъ идетъ военный мундиръ! Какъ много значитъ для нѣмцевъ самое слово лейтенантъ. Этотъ чинъ вамъ пригодится въ вашей карьерѣ.

Разставшись съ нею онъ встрѣтился съ камергеромъ, который стоялъ въ обществѣ господина въ грязномъ воротничкѣ, нѣкогда помѣщика Макоцкаго, и дѣлалъ смотръ красивымъ женщинамъ, проходившимъ по улицѣ.

— А, докторъ—что это вы, на войну собрались?

Онъ и ему разсказалъ свои приключенія. Ему вспомнилось, что у камергера большія связи, что онъ часто гуляетъ по улицѣ подъ руку съ начальникомъ полиціи и, если онъ захочетъ, то сможетъ его выпутать изъ этой исторіи такъ, что волки будутъ сыты и овцы цѣлы. Но оказалось, что все это иллюзіи и камергеръ тотчасъ эти иллюзіи разбилъ.

— Чего же вы хотите: быть одновременно польскимъ Робеспьеромъ и прусскимъ лейтенантомъ. Благодарите Бога, что эти нѣмцы еще такіе порядочные люди.

Правда, онъ вспомнилъ, что когда Вильгельмъ Второй, послѣ извѣстной своей рѣчи о дерзости поляковъ, пріѣхалъ въ Познань и все польское общество требовало отъ тѣхъ, кто занималъ прусскія придворныя должности что-

бы они выбрали между придворнымъ лакействомъ и національнымъ достоинствомъ, въ то время, какъ министерство двора требовало отъ нихъ того же отъ имени императора, преслѣдуя телеграммами тѣхъ, кто думалъ удрать,—этотъ самый камергеръ, на котораго глаза польскаго общества были обращены съ особеннымъ вниманіемъ, такъ какъ у него съ нимъ были давнишніе счеты, рискнулъ первый явиться ко двору, хотя въ его карету градомъ сыпались камни, когда онъ проѣзжалъ въ толпѣ. Вспомнилъ Мечиславъ, что другой камергеръ, Жултовскій, въ тотъ же день вернулъ министерству двора свой камергерскій мундиръ.

Къ несчастью Мечислава онъ въ этотъ день, гуляя въ своемъ мундирѣ, встрѣтилъ почти всѣхъ своихъ близкихъ и далекихъ знакомыхъ. Одни смотрѣли на него какими-то странными глазами, другіе чуть не съ презрѣніемъ отворачивались. Пани Маріета Грабовская выходила съ братомъ изъ какого-то магазина. До сихъ поръ онъ лишь изрѣдка видѣлъ ее на улицѣ и сегодня въ первый разъ за все время столкнулся съ нею въ двухъ шагахъ, пораженный ея высокой, стройной и изящной фигурой и лицомъ необыкновенной красоты. У нея были пышные свѣтлые волосы и глаза слегка затуманенные, съ поволокой, На лицѣ ея вдругъ отразилось любопытство и она такъ пристально взглянула на Слушевскаго, что онъ невольно по-солдатски сталъ во фронтъ. Тогда она отвернулась, не глядя на него и зная, что онъ на нее смотритъ, позволяла ему упиваться контурами ея фигуры и изящными движеніями.

Вскорѣ онъ имѣлъ счастіе увидѣть пани Марьету у себя въ пріемной. Она пришла за совѣтомъ. Общее разстройство нервовъ, безсонница. Она была одна, безъ брата. Когда онъ началъ ее изслѣдовать, очень старательно

выстукивая и выслушивая, она смотрѣла на него съ холоднымъ любопытствомъ. Когда же докторъ провелъ по ея тѣлу слегка дрожащими пальцами, она пристально посмотрѣла ему въ глаза, какъ тогда на улицѣ, но въ ту же минуту спокойно застегнула лифъ и сказала съ оттѣнкомъ высокомѣрія, что отъ дальнѣйшаго изслѣдованія она отказывается.

Объ этомъ визитѣ на слѣдующій день зналъ уже весь городъ. Онъ догадался объ этомъ по молніеносному взгляду Полины, отъ которой онъ удралъ, боясь какъ бы ему не пришлось еще разъ выслушать ея мнѣніе объ этой «грязной тряпкѣ».

Но еще больше разсердилъ его Заклика.

— Знаешь, пани Грабовская утверждаетъ, что ты дуракъ.

И онъ расхохотался, повидимому, вспомнивъ тотъ комизмъ, съ которымъ пани Марьета должно быть разсказывала ему свой визитъ.

«Дуракъ. Вотъ это мило. Я ей покажу это во время карнавала», подумалъ онъ.

Что же касается вопроса о томъ, выходить ли ему изъ Стражи или нѣтъ, то ему совѣтовали разно.

— Неужели вы можете колебаться, — плюньте вы на свой лейтенантскій мундиръ.

Другіе говорили ему:

— Тутъ ужъ вамъ придется спросить у своей совѣсти.

Но находились и такіе, которые совѣтовали другое:

— Уступите вы имъ, вѣдь вы докторъ и у нихъ найдутся тысячи поводовъ вамъ повредить.

Кто-то, между прочимъ, замѣтилъ ему, что быть можетъ въ интересахъ Стражи не слишкомъ разглашать весь этотъ инцидентъ. Къ числу ея членовъ принадле-

житъ очень много запасныхъ, хотя правда, и не имѣющихъ офицерскаго чина. Какъ бы не подумали, что Слушевскій своимъ уходомъ провоцируетъ ихъ, тоже заставляя уйти. Кончилось тѣмъ, что онъ рѣшилъ вычеркнуть свою фамилію изъ списковъ членовъ Стражи. Часть знакомыхъ обрушилась на него за это, часть похвалила. У него осталось такое впечатлѣніе, что при первой же попыткѣ воспользоваться своими гражданскими правами, онъ почувствовалъ уже на себѣ желѣзную прусскую лапу.

Визитъ другого паціента доказалъ ему, что отъ врачей порою требуютъ вещей самыхъ разнообразныхъ. Старуха Маріянна, которая нанялась къ нему кухаркой и горничной въ одно и то же время, и чьи обязанности сводились только къ тому, что она прибирала комнаты и приводила въ порядокъ книжки на письменномъ столѣ, доложила ему однажды о приходѣ «графа» Властовскаго. Какъ мѣстная уроженка она знала всѣ наиболѣе извѣстныя фамиліи въ городѣ, а Властовскихъ простонародье величало графами. Продажа Властова колонистамъ была уже совершившимся фактомъ. Говорили, что Властовскій хотѣлъ на первое время, пока не уляжется общественное возмущеніе, уѣхать заграницу, но оказалось что у сына было столько долговъ, что мысль о путешествіи пришлось оставить и Властовскіе въ буквальномъ смыслѣ очутились на улицѣ вмѣстѣ со своимъ сыномъ, неисправимымъ игрокомъ.

Сынъ каждый вечеръ бывалъ въ Казино, гдѣ его не только оправдывали, но даже просто брали подъ свою защиту, въ пику всѣмъ «проклятымъ газетамъ», которыя называли Властовскихъ измѣнниками.

Все же Слушевскій слышалъ, что Зелинскій за обѣдомъ въ Базарѣ защищалъ принципъ,—который, правда никогда на дѣлѣ не осуществлялся—что людямъ продаю-

щимъ землю въ руки нѣмцамъ, не слѣдуетъ подавать руки. Признавая, что въ дѣлѣ Властовскихъ есть смягчающее вину обстоятельство, онъ все же ставилъ въ примѣръ тѣ великопольскія семьи, которыя порвали всякія сношенія со своими родственниками, продавшими землю колонистамъ въ то время, какъ большинство негодовало на то, что газеты публикуютъ о такихъ продажахъ и заносятъ имена виновныхъ въ такъ называемую «Черную Книгу».

Властовскій всѣмъ этимъ былъ страшно удрученъ. Свой визитъ у Мечислава онъ попросту началъ съ вопроса, отвѣтствененъ ли человѣкъ въ томъ, что онъ дѣлаетъ въ состояніи крайняго нервнаго раздраженія. Онъ самъ не знаетъ, какъ подписалъ купчую крѣпость.

Мечиславу стоило большого труда успокоить этого человѣка, доведеннаго до отчаянія, который подъ защитой его докторскаго авторитета, искалъ публичнаго возвращенія.

Ему было очень жаль несчастнаго старика, но несмотря на это, онъ былъ уже такъ пропитанъ атмосферой провинціальнаго города, гдѣ соблюденіе такъ называемой врачебной тайны, какъ и всякой тайны встрѣчаетъ попросту осужденіе—и тайна эта немедленно прорывается наружу, то за утренней прогулкой, то за чашкой послѣ-обѣденнаго кофе, то за карточнымъ столикомъ въ клубѣ, — что онъ не счелъ себя обязаннымъ хранить въ секретѣ визитъ Властовскаго.

— Скажите, пожалуйста,—крикнулъ ему Стажецкій,—сталъ бы я обращать вниманіе на всѣ эти крики и скандалы. Глупости! А вотъ, вы мнѣ скажите, докторъ, чего хотѣла отъ васъ прекрасная Маріетта? Я еще вмѣшаюсь въ это дѣло, такъ какъ я ея родственникъ: мы черезъ какую-то бабушку породнились.

Мечиславъ былъ подозрителенъ и, не зная еще этого типа женщинъ, которыя подаются легче всего тогда, когда кажутся неприступными, — все болѣе утверждался въ убѣжденіи, что прекрасная дама только шутитъ надъ нимъ и рѣшилъ не обращать больше на нее вниманія.

VII.

На маленькомъ кусочкѣ польскаго неба, втиснутаго подъ куполъ мощной Германіи, начали собираться тучи, которыя становились все гуще и все чернѣе. Наконецъ разразилась бѣда: на польскую землю хлынулъ градъ германскихъ постановленій и распоряженій, который проникалъ въ самые сокровенные тайники общественной и частной жизни и въ корнѣ истреблялъ всѣ проявленія польской мысли и польскаго духа. Исключительные законы стали подкапываться подъ самые незыблемые устои національной жизни. Нити той сѣти законовъ и предписаній, которой полицейское государство (какимъ Пруссія стала со временъ Фридриха Великаго, когда она начала руководить каждымъ шагомъ своимъ подданнымъ, точно это были маленькія дѣти) опутало всѣхъ жителей «Западнаго рубежа», стали похожими на толстыя веревки—и польское общество должно было безпомощно метаться въ нихъ, какъ рыба на пескѣ подъ ударами рыбака-пруссака. Оно онѣмечивалось, если не по языку, то по духу.

Нельзя сказать, чтобы оно само не было въ этомъ виновато. Отрѣзанное отъ той части Польши, которая осталась подъ властью Россіи, оно не пробовало за послѣдніе пятьдесятъ лѣтъ сохранить или создать заново тѣ звенья, которыя дали бы ему возможность имѣть постоянное общеніе съ зарубежной польской мыслью, той мыслью, ко-

торой не могли остановить никакія стѣны. Оно потеряло общеніе съ остальной частью страны, провинціализировалось и жило въ тѣсномъ кругу мѣстныхъ интересовъ и стремленій. Давно уже слегъ въ гробъ въ княжествѣ Познанскомъ его послѣдній великій сынъ, генералъ Домбровскій, не только великій солдатъ и вождь, но и великій дипломатъ и просвѣщенный политикъ. Рожденный въ Познани отъ матери нѣмки, онъ всю свою жизнь сердцемъ Польши считалъ Варшаву и стремился къ ней, мыслью, словомъ, оружіемъ и трудомъ. Но внуки его уже измельчали. Правда, и они еще продолжали мечтать о единой Польшѣ, не растерзанной на части—но этотъ милый имъ призракъ былъ уже отъ нихъ какъ-то дальше, и скрывался отъ нихъ подъ туманомъ времени. Они уступили окружающей обстановкѣ и, хотя быть можетъ безъ злой воли и лишь подъ давленіемъ политической зависимости, дали возможность проникнуть въ Познань тѣмъ нѣмецкимъ вліяніямъ, которыя были чужды ихъ братьямъ съ востока.

Во второй половинѣ XIX вѣка, въ годы непосредственно слѣдовавшіе за Познанскимъ возстаніемъ 1848 г. національная идея проснулась опять отъ того летаргическаго сна, въ который она погрузилась подъ систематическимъ гнетомъ германизаторской политики, подъ давленіемъ огромнаго множества политическихъ процессовъ и исключительныхъ законовъ, ограничивавшихъ права поляковъ. Гогенцоллерны въ то время пожинали уже плоды своей давновидной политики: fortiter in re, suaviter in modo! Поляки поступали на правительственную службу, охотно шли въ дипломатическій корпусъ и, въ войска, гдѣ въ концѣ-концовъ непремѣнно онѣмечивались. Число польскихъ фамилій, которыя стали передѣлываться на нѣмецкій ладъ, все росло. Многіе граждане той эпохи лучше и охотнѣе говорили по-нѣмецки, чѣмъ по-польски.

Движеніе 48 года, хотя оно и было чисто-мѣстное, связанное съ нѣмецкой революціей — все же подняло національное самосознаніе поляковъ. Именно тогда и раздался лозунгъ—всѣми силами спасать уцѣлѣвшее еще національное достояніе — духовное и матеріальное, — умножать его тихимъ и ревностнымъ трудомъ, поднять уровень мѣщанъ, просвѣщать простой народъ. И огромныя массы познанской интеллигенціи напрягали всѣ свои силы для достиженія этихъ цѣлей. И цѣли эти были въ значительной степени достигнуты какъ ими, такъ и слѣдующимъ поколѣніемъ. Простой народъ, надъ развитіемъ котораго немало потрудились въ такъ называемыхъ «крестьянскихъ кружкахъ», сталъ настражѣ всего «своего»—польскаго, участіе въ кассахъ взаимнаго кредита и торговыхъ предпріятіяхъ подняло матеріальное положеніе мѣщанъ и не дало ему отстать отъ общаго экономическаго роста Германіи. Поляки перестали, какъ бывало раньше—съ легкимъ сердцемъ продавать свою землю нѣмцамъ; случаи продажи имѣній за долги становились все рѣже, даже больше—помѣщики стали уклоняться отъ того земельнаго кредита, который предлагали имъ нѣмцы и который главнымъ образомъ былъ расчитанъ на «польское легкомысліе».

На аренѣ умственной жизни Познани появились такіе люди, какъ Чешковскій, Козьмянъ, появилась цѣлая плеяда поэтовъ, эпигоновъ Мицкевича. И если случалось, что какой-нибудь помѣщичій сынокъ, нетвердый въ польской грамотѣ, подписывая протоколъ избирательнаго Собранія, писалъ «храфъ» вмѣсто «графъ», его безпощадно высмѣивали, если же онъ совершалъ какой-нибудь непатріотическій поступокъ, онъ попадалъ подъ общественный бойкотъ.

Но когда не стало главарей этого движенія, пользо-

вавшихся огромнымъ вліяніемъ въ обществѣ, некому было заступить ихъ мѣсто. Некому было вести за собой общество, некому было руководить общественнымъ мнѣніемъ, и этого не смогли сдѣлать ни польскіе депутаты въ парламентѣ, ни высшая національная власть въ Познани—провинціальный избирательный комитетъ— и ужъ, конечно, менѣе всего—клубы, въ родѣ «шляхетскаго» и «обывательскаго».

Правда, разъ налаженный механизмъ продолжалъ двигаться по прежнему пути съ той систематичностью, которую познанцы, не безъ пользы для себя, позаимствовали у нѣмцевъ. Но нѣкогда живыя идеи свободы и служенія родинѣ постепенно вымирали и отъ нихъ оставалась лишь внѣшняя форма.

И вотъ, вмѣсто людей, которые раньше со всѣмъ рвеніемъ и пламеннымъ энтузіазмомъ работали надъ воспитаніемъ «младшихъ братьевъ», людей которые прекрасно знали исторію родной земли и завѣты великихъ ея сыновъ, появились другіе, новые. Правда, и они не уклонялись отъ обязанности посѣщать крестьянскіе сходы, но смотрѣли на это, какъ на какую-то обязательную традицію, соблюдать которую заставлялъ прежде всего страхъ передъ общественнымъ осужденіемъ. Польская духовная культура являлась для нихъ дѣломъ лишь терпимымъ, поскольку она не мѣшала главной задачѣ— «заботамъ о поднятіи матеріальнаго благосостоянія какъ отдѣльныхъ личностей, такъ и всего общества».

«Матеріальное благосостояніе» для этихъ людей являлось ихъ главнымъ идеаломъ, забота о немъ составляла высшую гражданскую добродѣтель, которая могла даже оправдывать отсутствіе всякихъ другихъ добродѣтелей. Мѣркой, которой они мѣрили общество и его отдѣльныхъ представителей, являлось количество нако-

пленныхъ денегъ, независимо отъ того, какимъ путемъ они накоплены. Эта глубоко провинціальная черта вылилась въ княжествѣ Познанскомъ въ девизъ: «въ богатствѣ—сила»,—девизъ, съ энтузіазмомъ подхваченный людьми, которымъ онъ пришелся особенно по душѣ, и которые, набивая свои карманы, занимали мало-по-малу видное положеніе въ обществѣ. И познанцы не безъ гордости и не безъ упрека указывали на этотъ девизъ сосѣднему Царству Польскому, которое никакъ еще не могло оправиться отъ экономической катастрофы, вызванной возстаніемъ 1863 года.

— У этихъ бѣдняковъ изъ-за Торна, дураковъ или вѣтренниковъ, ничего, кромѣ «духовнаго богатства», и не осталось!

Именно въ эту эпоху, когда почва была достаточно подготовлена, на Познань посыпалось золото нѣмецкой колонизаціи—страшное искушеніе для людей, для которыхъ около этого металла и сосредоточивались всѣ жизненные интересы. И, одно за другимъ, польскія имѣнія стали переходить въ руки нѣмецкихъ колонистовъ.

Когда, въ числѣ первыхъ, одинъ изъ наиболѣе уважаемыхъ въ Познани людей, нѣкій Мельжинскій продалъ колонистамъ свой Рынскъ, его даже не стали осуждать за эту «удачную» финансовую операцію: во-первыхъ, у него было слишкомъ много земли и ему трудно было ее удержать, а, во-вторыхъ, подходящаго покупателя среди поляковъ найти было нелегко. Когда онъ умеръ, газеты посвятили ему спеціальныя статьи, гдѣ называли его—гордостью Княжества Познанскаго. Примѣру Мельжинскаго послѣдовали сотни помѣщиковъ и, прежде чѣмъ наиболѣе здоровая въ духовномъ смыслѣ часть польскаго общества успѣла опомниться, прежде чѣмъ она открыто заявила, что продажа земли въ руки нѣм-

цевъ—есть измѣна національному дѣлу, которая не можетъ быть оправдана отговоркой, что это единственный путь спастись отъ разоренія,—огромное количество земли было уже судорожно зажато въ рукахъ нѣмцевъ и не было никакой надежды, что эта земля можетъ перейти обратно къ полякамъ.

Тогда въ познанскомъ обществѣ началась лихорадочная дѣятельность, направленная противъ колонизаціи. Обстоятельства благопріятствовали.

Изъ Саксоніи и изъ Вестфаліи стали стекаться талеры, сбереженные польскимъ мужикомъ, чью неисчерпаемую силу сумѣла оцѣнить нѣмецкая промышленность и нѣмецкое сельское хозяйство, и даже больше—не могло безъ нея обойтись. И хотя многіе изъ польскихъ крестьянъ постепенно онѣмечивались, углублялись въ самое сердце Германіи и начинали тамъ работать, но все же всѣ они покидали родныя мѣста съ единственной завѣтной мечтой—накопить на чужбинѣ деньги и купить потомъ кусокъ земли у себя дома. И большинству это удавалось: деньги приходили къ тѣмъ, кто оставался дома—къ брату, или къ зятю, приходили порою къ мѣстному священнику, когда семьѣ нельзя было довѣрять, или когда ея не было. Талеры, лежавшіе раньше завязанными въ мѣшочки на днѣ сундуковъ, теперь стали стекаться въ польскія сберегательныя кассы, которыя благодаря пропагандѣ ксендзовъ и помѣщиковъ стали пользоваться все большею популярностью въ народѣ. Особенно дѣятельнымъ въ смыслѣ повсемѣстной организаціи сберегательныхъ кассъ явился ксендзъ Вавжинякъ, доморощенный экономистъ, который устраивалъ эти кассы по всему княжеству Познанскому, ѣздилъ ихъ ревизовать и держалъ ихъ въ образцовомъ порядкѣ. Населеніе мелкихъ городовъ Познани тоже богатѣло;

съ увеличеніемъ покупательныхъ силъ окрестнаго крестьянства польскіе купцы находили все большій рынокъ для сбыта своихъ товаровъ. Для того, чтобы они могли дѣлать болѣе дешевыя оптовыя закупки, имъ нуженъ былъ кредитъ и, разъ дѣла шли хорошо, этотъ кредитъ имъ охотно могло открыть любое учрежденіе, въ томъ числѣ и сберегательныя кассы, которыя понемногу стали принимать характеръ банковъ взаимнаго кредита.

Вскорѣ онѣ занялись еще одной операціей, которая дала блестящіе политическіе и финансовые результаты— «парцеляціей», то-есть продажей земли крестьянамъ мелкими участками. Польскій Земельный банкъ былъ для этой операціи учрежденіемъ слишкомъ тяжеловѣснымъ, дѣятельность его была слишкомъ связана рамками устава, который стоялъ настражѣ капитала акціонеровъ и не допускалъ никакого риска. Банки взаимнаго кредита въ этомъ смыслѣ были гораздо подвижнѣе и имъ легче было приняться за новую работу, во главѣ которой стали люди съ большой дѣловой инціативой.

Съ другой стороны, крестьяне и на собственную руку скупали земли какъ у своихъ, такъ и у нѣмцевъ. Вообще надо замѣтить, что сельское хозяйство въ Германіи находилось въ необыкновенно благопріятныхъ условіяхъ. Правительство обезпокоенное ростомъ соціализма, прилагало всѣ усилія къ тому, чтобы имѣть возможность опереться на классъ земельныхъ собственниковъ, который въ силу вещей являлся элементомъ наиболѣе консервативнымъ, и предоставляло ему всякія выгоды. Русская граница для ввоза скота была закрыта подъ предлогомъ мнимой эпизоотіи, скотъ поэтому былъ очень въ цѣнѣ и познанскіе волы тысячами угонялись въ Берлинъ. При содѣйствіи правительства, какъ утверждали соціалисты, въ Германіи возникъ водочный синдикатъ,

защищенный высокими пошлинами со стороны границы, который произвольно нормировалъ цѣны на спиртъ. Почти въ каждой познанской усадьбѣ былъ традиціонный водочный заводъ. Куявская и костянская земли одинаково успѣшно производили и свеклу и пшеницу— размножились сахарные заводы, которые давали огромные дивиденды. Дѣйствительность доказала полную лживость тѣхъ зловѣщихъ предсказаній, которыя дѣлали самые знаменитые нѣмецкіе экономисты, въ родѣ Шмоллера: будто земля въ Германіи, благодаря конкуренціи сельско-хозяйственныхъ продуктовъ, привозимыхъ изъ другихъ частей свѣта, гдѣ они собираются съ гораздо меньшими затратами, обязательно должна упасть въ цѣнѣ и стать предметомъ, имѣющимъ цѣнность только въ глазахъ любителя и дающимъ, какъ пастбища въ Англіи, не больше 2% дохода. Случилось какъ разъ наоборотъ: сельское хозяйство стало очень выгоднымъ дѣломъ, попросту золотымъ дномъ. Отъ заграничнаго ввоза Германія заслонилась высокими таможенными пошлинами и вся ея политика была направлена на то, чтобы поддерживать сельское хозяйство. Соціалисты жаловались на искусственное вздорожаніе продуктовъ первой необходимости, отъ котораго страдало главнымъ образомъ фабричное населеніе—но въ интересы государства не входило поддерживать соціалистовъ.

Княжество Познанское, страна почти исключительно сельско-хозяйственная, широко использовала всѣ эти обстоятельства, шире даже, чѣмъ чисто-нѣмецкія провинціи. Благодаря тѣмъ закупкамъ, которыя производились нѣмецкой колонизаціей, цѣна на землю здѣсь стала расти, росъ вмѣстѣ съ ними и кредитъ, столь необходимый для современнаго интенсивнаго хозяйства. Когда же помѣщики стали разбивать землю на мелкіе участ-

ки и продавать ее крестьянамъ, это привело къ соперничеству польскаго и нѣмецкаго покупателя, и цѣны на землю еще подскочили. Тотъ, кто получилъ по наслѣдству землю, стоившую нѣкогда 100 талеровъ—десятина, зналъ, что во всемъ Княжествѣ Познанскомъ онъ десятины дешевле 200 талеровъ не найдетъ. Благодаря необыкновенно благопріятнымъ условіямъ сбыта сельскохозяйственныхъ продуктовъ, землю было выгодно покупать даже по такой высокой цѣнѣ, такъ какъ она давала очень высокій процентъ дохода. Всѣ, у кого были сбереженія, всѣ, кто не боялся воспользоваться кредитомъ, покупали землю, стараясь не упустить время.

Борьба покупателей—нѣмцевъ и поляковъ продолжалась, и успѣхъ склонялся то на ту, то на другую сторону, съ тою лишь разницею, что земли, попадавшія въ руки колонистовъ, были навсегда потеряны для поляковъ. Постоянныя спекуляціи съ землей имѣли ту отрицательную сторону, что развращающе вліяли на нравственность польскихъ массъ. Земля, на которую можно было въ любой моментъ найти покупателя, (и не только среди нѣмцевъ-колонистовъ), въ глазахъ многихъ стала «ходкимъ товаромъ», который можно въ любую минуту размѣнять на деньги или обмѣнять на другой такой же ходкій товаръ. Словомъ, на землю многіе стали смотрѣть, какъ на процентную бумагу, стоимость которой опредѣляется въ зависимости отъ приносимаго ею дохода. Это подрывало ту исконную любовную связь, которая спаиваетъ человѣка съ кускомъ земли, на которой онъ родился, и которая залита кровью и потомъ его отцовъ: постоянная купля-продажа имѣній укореняла тотъ взглядъ на нихъ, что они—лишь доходная статья.

Но вотъ на пути осуществленія тѣхъ сдѣлокъ, въ ре-

зультатѣ которыхъ польскія земли переходили въ руки нѣмцевъ, появилось одно препятствіе: общественное возмущеніе. Правда, оно существовало и раньше, но проявлялось больше на словахъ: общественное мнѣніе оправдывало «предателей», если для этого былъ хотя какой-нибудь поводъ. Но постепенно это возмущеніе вкоренялось все больше, и откровенная продажа земли нѣмцамъ стала теперь затруднительной. Появились на сцену услужливые агенты, посредники и подставныя лица, hommes de paille, сначала «честные нѣмцы», а потомъ и поляки—разорившіеся помѣщики и прожигатели жизни. Теперь уже не всегда можно было констатировать несомнѣнную виновность продавца-поляка. Часто случалось такъ, что какое-нибудь имѣніе переходило отъ одного фиктивнаго владѣльца къ другому и третьему. Колонизаціонная комиссія, чтобы не портить своихъ дѣлъ въ будущемъ, соглашалась ждать нѣсколько мѣсяцевъ, пока, наконецъ, въ ипотечную книгу не вносилась роковая запись: «собственникъ—королевская колонизаціонная комиссія». Бывшему собственнику приходилось только пожертвовать нѣсколькими тысячами изъ своего кармана—и онъ избѣгалъ скандала.

Но съ другой стороны продолжалась и продажа земли крестьянамъ мелкими участками. Въ шовинистической нѣмецкой прессѣ все настойчивѣе стали раздаваться голоса, которые требовали отъ правительства взяться за самое радикальное средство: за принудительное отчужденіе. Прусское правительство со свойственной ему систематичностью перешло отъ одного кощунственнаго надруганія надъ человѣческими и божескими законами въ другому: дѣйствіе колонизаціоннаго устава, дававшаго правительству возможность тащить изъ польскихъ кармановъ деньги и обращать ихъ въ орудіе противъ тѣхъ

же поляковъ смѣнилось теперь закономъ, ограничивавшимъ право поляковъ селиться на пріобрѣтенномъ ими кускѣ земли. Было издано особое постановленіе, которое требовало, чтобы въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, когда полякъ захочетъ построить домъ на пріобрѣтенной имъ землѣ, онъ испрашивалъ на это разрѣшенія у колонизаціонной комиссіи. Проектъ закона о принудительномъ отчужденіи къ тому времени былъ уже готовъ—но общественное мнѣніе нѣмцевъ не было еще достаточно къ нему подготовлено, и десяткамъ правительственныхъ и полу-правительственныхъ газетъ было поручено его «обработать». На казенныя деньги издавались сотни брошюръ и памфлетовъ о польской опасности—авторамъ и издателямъ ихъ правительство оказывало самую широкую поддержку.

И все же въ польскихъ усадьбахъ, надъ которыми нависла новая гроза, царило спокойствіе.

Домъ Лужицкихъ въ Липнѣ былъ однимъ изъ тѣхъ «дворцовъ», которые были такъ модны въ познанскихъ помѣщичьихъ усадьбахъ въ 50-хъ годахъ. Построенный съ претензіей на панскую роскошь, онъ былъ слишкомъ роскошенъ для владѣльца нѣсколькихъ сотъ десятинъ и въ то же время былъ лишь миніатюрой тѣхъ магнатскихъ резиденцій, которымъ онъ подражалъ. Домъ былъ длинный, двухъэтажный, съ башенкой, на которой даже торчала палка для флага, въ родѣ тѣхъ флаговъ, которые вывѣшивались въ феодальныхъ замкахъ въ тѣ дни, когда владѣлецъ бывалъ дома. Къ счастью, самый флагъ повидимому забыли повѣсить и торчала одна только палка, слегка грустная и смѣшная. Издали ее можно было еще принять за громоотводъ.

Всѣ комнаты, за исключеніемъ прихожей, которая особымъ выступомъ выходила за линію фасада, были

расположены такъ, какъ этого требовали традиціи польскихъ господскихъ усадебъ. Правое крыло занимала мужская половина, гдѣ находился кабинетъ хозяина съ отдѣльнымъ входомъ для дѣловыхъ посѣтителей. Въ лѣвомъ крылѣ помѣщался будуаръ хозяйки, спальня, дѣтская, комната для прислуги и женское хозяйство. Комнаты были расположены амфиладой, въ серединѣ которой находилась столовая и двѣ гостиныя, большая и маленькая. Все это было разсчитано на эффектъ въ пріемные дни, когда комнаты, освѣщенныя à giorno, начиная съ кабинета вплоть до спальни, сливались въ одно большое свѣтлое пространство. Но въ смыслѣ жизненныхъ удобствъ такое расположеніе комнатъ стояло ниже всякой критики. Для того, чтобы перейти изъ одной комнаты въ другую, приходилось порою совершать цѣлое путешествіе, изъ конца въ конецъ дома.

Дѣдъ теперешняго владѣльца, Наполеонъ Лужицкій, котораго когда-то величали еще «паномъ подчашимъ», офицеръ польской арміи тридцатыхъ годовъ, человѣкъ очень изящный и остроумный, который въ жизни своей сдѣлалъ одну только неостроумную вещь—построилъ этотъ домъ въ Липнѣ,—называлъ путешествіе изъ кабинета въ спальню, куда его не всегда впускала красивая, но капризная супруга—«шествіемъ въ обѣтованную землю», или «тернистымъ путемъ». Этотъ Наполеонъ Лужицкій, участникъ возстанія 30 года, навсегда остался гордостью семьи, и память о немъ благоговѣйно передавалась изъ поколѣнія въ поколѣніе. Благодаря своей женитьбѣ на богатой и красивой паннѣ Пелагіи Слонимской, онъ сумѣлъ придать блескъ и своему роду. Слонимскіе, правда, не были магнатами, но насчитывали въ роду нѣсколькихъ сенаторовъ, нѣсколькихъ воеводъ и нѣсколькихъ каштеляновъ и даже, какъ высшее укра-

шеніе рода, одного канцлера. Конечно, имъ нельзя было равняться съ тѣми родами владѣтельныхъ князей, которые нѣкогда держали въ рукахъ судьбы Рѣчи Посполитой, и въ исторіи они никогда не играли особенно выдающейся роли, но въ Познани, гдѣ не было особенно знатныхъ родовъ, ихъ родъ стоялъ очень высоко. Панъ Наполеонъ Лужицкій не могъ бы сдѣлать такой блестящей партіи, если бы не то обстоятельство, что панна своими капризами спугнула всѣхъ жениховъ—и онъ въ концѣ-концовъ добился побѣды и въ то же время принялъ мученическій вѣнецъ. Онъ взялъ за женой большое приданое и покрылъ имъ расходы по постройкѣ своего дома, такъ что Липно избѣжало продажи съ молотка,—участи многихъ познанскихъ имѣній. Все же хозяинъ онъ былъ не такой умѣлый, какъ теперешній владѣлецъ Липна, панъ Владиміръ, который, пользуясь благопріятными условіями, поставилъ хозяйство въ своемъ имѣніи на очень высокую ногу—и былъ сравнительно богатымъ человѣкомъ. Но дѣтей у него было цѣлыхъ одиннадцать душъ, изъ нихъ девять дочерей. Старшій сынъ, конечно, долженъ былъ остаться хозяиномъ Липна, а для младшаго нужно было что-нибудь купить и потому отецъ, овдовѣвшій нѣсколько лѣтъ тому назадъ, былъ очень озабоченъ тѣмъ, чтобы пристроить дочерей, изъ которыхъ всѣ почти были красивы, но относительно которыхъ нельзя было сказать навѣрное, сможетъ ли имъ отецъ дать обычныя сто тысячъ марокъ, какъ это было принято въ богатыхъ семьяхъ. Самая старшая изъ нихъ, Елена, нѣсколько лѣтъ тому назадъ вышла замужъ за пана Адама Жарковскаго—но блестящей партіи она не сдѣлала, такъ какъ ея мужъ владѣлъ только одной деревней, которая осталась отъ тѣхъ нѣсколькихъ десятковъ имѣній, которыми владѣли

когда-то Жарковскіе; къ тому же имѣніе было плохое и требовало постоянныхъ затратъ. Но онъ былъ порядочный человѣкъ и они любили другъ друга съ дѣтства.

Теперь очередь была за Ядвигой; за ней слѣдовала Франя, такая красивая, что красотой своей она затмевала обѣихъ старшихъ сестеръ, и если бы открылась «вакансія», она уже въ этомъ году могла бы «показаться на кругу»—по выраженію ея шурина, завзятаго лошадника. Но насколько легко сошло замужество Елены, такъ какъ она вышла замужъ послѣ перваго же карнавала, постольку Ядвига, по выраженію того же шурина, «бѣжала уже второй разъ»—и оба раза безрезультатно.

— Тебѣ, Ядвига, во что бы то ни стало, хочется взять «дерби»,—язвилъ онъ, злясь на то, что ему столько разъ уже приходилось попусту прилагать руку ко всевозможнымъ матримоніальнымъ проэктамъ,—вотъ ты увидишь, что останешься съ носомъ, будешь жить у насъ, и я сдѣлаю тебя экономкой, такъ какъ ты кофе готовишь лучше Елены.

— Да дѣйствительно, было бы жаль, если бы такое сокровище пропало даромъ,—иронизировала Елена— «пани Слонимская», какъ ее называли иногда въ семьѣ, подчеркивая ея сходство съ бабушкой, капризы которой были легендой семьи.

Ядвига хотя и уступала сестрѣ въ красотѣ, но представляла собою необыкновенно аристократическій типъ и это, быть можетъ, невольно мирило съ нею шурина. Во всякомъ случаѣ онъ простилъ ей, что она не захотѣла выйти замужъ за жениха, котораго при посредствѣ знакомыхъ выписали изъ далекой Волыни и который былъ такъ богатъ, что за его деньги можно было купить нѣсколько самыхъ лучшихъ познанскихъ имѣній. Лично онъ не былъ симпатиченъ Жарковскому,

такъ какъ былъ внукомъ эконома и, несмотря на его европейскую полировку и свѣткость, которой можно было позавидовать, Жарковскій подозрѣвалъ, что въ домашней жизни онъ, должно быть, человѣкъ очень тяжелый, и если его поскоблить хорошенько, то въ немъ можно докопаться до татарина. Онъ былъ уже не молодъ, къ тому же кутила, о которомъ говорили, что онъ у себя на родинѣ держитъ настоящій гаремъ—а потому отпускать Ядвигу такъ далеко, лишать ее опеки семьи только изъ-за денегъ никому не улыбалось. Отецъ былъ бы болѣе всего радъ выдать дочь гдѣ-нибудь въ Познани или ужъ въ крайнемъ случаѣ въ Галиціи; Волынь же была для него какой-то миѳической страной, о которой по его мнѣнію никто ничего не зналъ. Правда, кто-то не такъ давно говорилъ ему, что ему приходилось ѣздить по дѣламъ наслѣдства въ Кіевъ и что это вполнѣ культурная страна, но...

— А вдругъ у него все когда-нибудь конфискуютъ, вѣдь тамъ всѣ подъ Богомъ ходятъ!—замѣтила старая учительница, которая воспитывала всѣхъ дочерей и которая теперь жила въ домѣ въ качествѣ dame de compagnie, панна Текля; она была въ Россіи во время возстанія 63-го года. Было бы слишкомъ смѣлымъ утверждать, что побѣдило именно ея мнѣніе, но во всякомъ случаѣ, когда Ядвига съ небыкновеннымъ тактомъ повела дѣло такъ, что не допустила своего жениха до формальнаго объясненія, и онъ исчезъ съ горизонта, почти всѣ въ семьѣ, не питая особенной симпатіи къ «старому ловеласу», привѣтствовали это криками радости. Ядвига такъ и спровадила этого «медвѣдя».

— Il n'y a pas des ours en Wolhynie,—поправила панна Текля. Французскимъ языкомъ въ Липнѣ пользовались, впрочемъ, не изъ-за моды, а ради практики, и барышни,

особенно старшія, любили говорить на немъ другъ съ другомъ, помня, что свободное владѣніе этимъ языкомъ и чистота акцента необходимы въ томъ кругу, къ которому онѣ принадлежатъ.

— Si, si, il y en a pourtant en Russie, — упорствовала одна изъ младшихъ барышенъ.

— А ты вообще когда-нибудь видѣла медвѣдя? — торжествовала младшая.—Развѣ, что тѣхъ, которые съ ряжеными ходятъ.

— Ne vous querellez pas, mes enfants,—унимала воспитательница.

Но тогда противъ нея возсталъ хоръ дѣтскихъ голосовъ. Ей пригрозили тѣмъ, чего она боялась, пуще огня: «boule de neige»...

Это была страшная угроза, одно воспоминаніе о которой приводило въ ужасъ старушку-учительницу. Такъ называлась любимая когда-то игра барышенъ Лужицкихъ, которую ввела наиболѣе изобрѣтательная изъ нихъ, панна Котя, и состояла она въ слѣдующемъ: когда, въ воскресенье или въ праздникъ, дѣвушекъ одѣвали въ бѣлыя платья, сильно накрахмаленныя по деревенской модѣ, верхомъ наслажденія для барышенъ было сильно закружиться на одномъ мѣстѣ, такъ что накрахмаленныя юбки принимали видъ горизонтальнаго круга, и прежде, чѣмъ онѣ успѣютъ опасть,—сѣсть на землю. Къ отчаянію панны Текли, эта неприличная и безнравственная, какъ она ее называла, игра держалась очень долго и упорно въ Липнѣ, и несчастной учительницѣ пришлось обратиться къ высшей инстанціи въ домѣ, къ отцу. Когда, наконецъ, изъ трагическаго разсказа панны Текли онъ понялъ въ чемъ дѣло (онъ былъ человѣкъ очень серьезнаго нрава и вѣчно былъ занятъ мыслями о своихъ дѣлахъ), то, какъ онъ потомъ говорилъ, онъ

сразу не могъ рѣшить, разсердиться ли ему или расхохотаться. Но когда дѣвочки гурьбой бросились къ нему на шею, онѣ сейчасъ же добились отцовскаго прощенія. Но «boules de neige» отнынѣ были запрещены. Все же панна Текля, которая не очень вѣрила, что ея ученицы разсчитывая на снисходительность отца, который ихъ баловалъ и портилъ въ свободные отъ занятій часы, не нарушатъ когда-нибудь этого запрещенія, жила подъ вѣчнымъ страхомъ, что онѣ могутъ осуществить свою угрозу. Это дѣйствовало ей на нервы, и она шла на всякія уступки. Впрочемъ, хореографическія упражненія мало-по-малу прекратились сами собой, и только самыя маленькія дѣвочки пробовали порой гдѣ-нибудь въ темномъ углу заняться традиціонной игрой. Такъ утверждалъ шуринъ, который часто просилъ устроить ему представленіе à la sisters Barrisson. За это онѣ его наказывали тѣмъ, что надували губки.

Этотъ шуринъ, впрочемъ, былъ самымъ желаннымъ участникомъ дѣтскихъ игръ. Красивый, не слишкомъ интеллигентный, онъ такъ и остался тѣмъ лейтенантомъ, какимъ служилъ въ гвардіи. Съ нимъ всѣ дѣвушки поочередно танцовали, какъ съ первымъ «мужчиной»; онъ имъ, правда, часто невыносимо надоѣдалъ, но былъ въ то же время высшей инстанціей въ вопросахъ мужского вкуса, лентъ и причесокъ.

Въ общемъ въ Липнѣ было весело. И хотя каждый годъ неизмѣнно четыре сестры уѣзжали на лѣто въ Вроцлавъ, но тѣ, что оставались дома, вносили въ него оживленіе, и панъ Лужицкій готовъ былъ простить отцу, что домъ этотъ такъ непрактично выстроенъ.

Одна Ядвига не подчинялась вліянію шурина, хотя онъ тоже былъ участникомъ ея дѣтскихъ игръ. Съ тѣхъ поръ, какъ она разбила его второй матримоніальный проектъ

на этотъ разъ съ женихомъ, уроженцемъ Познани, они даже немного поссорились. Женихъ этотъ былъ—Феликсъ Жентицкій, почти совершенный идіотъ, о чемъ не могло быть двухъ мнѣній. Его называли декадентомъ, но не въ томъ смыслѣ, въ какомъ принято называть людей съ гипертрофіей умственныхъ способностей, — его называли такъ скорѣе за ярко выраженное физическое вырожденіе. Панъ Жентицкій могъ служить прекраснымъ примѣромъ того, что значатъ деньги, дающія возможность людямъ, обиженнымъ природой, вращаться въ кругу людей совершенно нормальныхъ. Онъ росъ слабымъ, болѣзненнымъ ребенкомъ и съ такимъ огромнымъ трудомъ поддавался развитію, что врачи и учителя, которымъ платили огромныя деньги, порою совершенно отказывались сдѣлать что-нибудь съ такимъ неподатливымъ матеріаломъ. Путемъ огромныхъ усилій, путемъ огромныхъ тратъ его довели, наконецъ, до такого состоянія, что недостатки его воспитанія и образованія бросались въ глаза не настолько, чтобы онъ не могъ быть терпимымъ въ обществѣ. Несмотря на вѣчныя, иногда отвратительныя проявленія его немощи и слабости, его заставляли читать и этимъ путемъ постигать, хотя и не безъ труда, самыя элементарныя вещи. Въ обществѣ онъ былъ верхомъ той дрессировки, которой можно добиться отъ полу-животнаго. Онъ даже занимался хозяйствомъ и управлялъ имѣніемъ, которое въ княжествѣ Познанскомъ считалось однимъ изъ самыхъ большихъ, такъ какъ въ немъ было около 4000 десятинъ. Правда, это удавалось ему только потому, что родители приставили къ нему очень честнаго и способнаго управляющаго.—Даже самъ шуринъ когда-то неосторожно выразился про него, что это «совершеннѣйшій идіотъ». Но въ то же время онъ являлся одной изъ лучшихъ партій въ Познани—о немъ вздыхали не столько барышни, сколько ихъ

родители. Между обоими семьями произошло предварительное соглашеніе, и Жентицкій появился въ домѣ Лужицкихъ уже какъ женихъ, которому особенно покровительствовалъ Жарковскій. За Ядвигой онъ сталъ ухаживать съ неуклюжестью медвѣдя, обнаруживая при этомъ, съ какимъ трудомъ ему вбили въ голову правила свѣтской полировки. И Ядвига съ первыхъ же шаговъ съ негодованіемъ разбила пружину всей этой махинаціи шурина, несмотря на то, что въ этомъ случаѣ ей пришлось уже бороться съ упорствомъ отца.

Старикъ Лужицкій самъ женился по любви, испытавъ потомъ много домашняго счастья. Онъ признавалъ, что въ супружескихъ отношеніяхъ любовь имѣетъ огромное значеніе, такъ какъ даетъ возможность людямъ жить не только другъ подлѣ друга, но и другъ съ другомъ. Но онъ держался того, очень распространеннаго, мнѣнія, что любовь у женщины можетъ притти и потомъ, если она не зародилась сразу. Держаться этого взгляда его заставляло главнымъ образомъ то, что дочерей у него было очень ужъ много; на женщинъ онъ смотрѣлъ какъ на существа низшаго порядка, съ желаніями и мечтами которыхъ можно считаться, когда это необходимо и выгодно, но можно и не считаться. Онъ считалъ, что предоставилъ Ядвигѣ достаточную долю свободы, разъ позволилъ ей отвергнуть уже одну блестящую партію и потому думалъ, что относиться такъ легкомысленно къ другой такой же партіи ей уже нельзя. Онъ сознавалъ, что о чувствѣ къ такой карикатурѣ на мужчину, какой былъ панъ Феликсъ не можетъ быть и рѣчи, но вѣдь жалость должна быть лучшимъ украшеніемъ женщины, а къ тому же нужно помнить и о долгѣ: долгъ этотъ—завести домашній очагъ и работать на благо родины. Что касается этой послѣдней работы, то Ядвига не безъ основанія утверждала, что если

она за нее не возьмется, на ея мѣсто найдутся десять другихъ. Она не чувствуетъ себя способной играть роль пани Валевской. Сравненіе это было нѣсколько смѣло, но зато установило за Ядвигой репутацію интеллигентной и остроумной дѣвушки.

Шуринъ, услышавъ это историческое сравненіе, которое ему сначала должна была растолковать жена, пришелъ въ бѣшенство, а отецъ, которому льстила репутація, установившаяся за дочерью, сказалъ, что такія остроумныя сравненія могутъ привлечь къ Ядвигѣ другихъ молодыхъ людей, подумывающихъ о женитьбѣ.

— Очень намъ нужны умныя жены!—проворчалъ шуринъ.

Но несмотря на все, Ядвига поставила на своемъ.

Но вотъ подходилъ карнавалъ и вопросъ о замужествѣ Ядвиги опять становился на первую очередь. Жарковскіе составили очень добросовѣстный списокъ молодыхъ и пожилыхъ мужчинъ изъ помѣщичьей среды, проживавшихъ какъ въ княжествѣ Познанскомъ, такъ и въ западной Пруссіи, которые могли бы оказаться кандидатами въ мужья. Но потомъ постепенно, вычеркивая изъ этого списка тѣхъ, о комъ было достовѣрно извѣстно, что жениться у нихъ нѣтъ никакого желанія, или что они женятся только тогда, когда имъ преподнесутъ княжескую митру вмѣстѣ съ милліонами, оказалось, что въ спискѣ этомъ нѣтъ никого, на кого бы можно было разсчитывать навѣрняка.

— Мужчины теперь вообще не женятся,—подтверждала пани Елена.

— Только я дурака сваялъ, — проворчалъ ея мужъ. Впрочемъ, ему было очень хорошо подъ башмакомъ у жены, которая была гораздо умнѣе его и водила его на поводу, самымъ незамѣтнымъ для него образомъ. Какъ и

многія женщины, она смотрѣла на своего мужа, какъ на лошадь съ норовомъ, которая иногда брыкается, но если умѣть съ ней обращаться — исполняетъ все, что отъ нее требуютъ.

Въ одно изъ снѣжныхъ январскихъ воскресеній въ Липно пріѣхали Жарковскіе. Они жили не очень далеко отъ Лужицкихъ и бывали у отца регулярно, если только всѣ лошади вдругъ не начинали хромать, что́ у Жарковскаго, какъ у завзятаго лошадника, случалось нерѣдко. Пріѣзжали они обыкновенно въ воскресенье къ обѣду, который въ этотъ день неизмѣнно подавался на часъ позже, чѣмъ въ будніе дни, т. е. въ два часа. Передъ обѣдомъ, если у зятя было какое-нибудь дѣло къ тестю, они запирались въ его кабинетѣ, такъ какъ Лужицкій говорилъ, что въ присутствіи дѣтей о дѣлахъ говорить неприлично. Но такъ какъ нѣтъ такого польскаго дома, въ которомъ самые интимные вопросы не разрѣшались бы именно за обѣдомъ и вслухъ, несмотря на присутствіе постороннихъ, то и на этотъ разъ вопросъ о замужествѣ Ядвиги былъ поднятъ въ антрактѣ между супомъ и жаркимъ. Постороннихъ не было, но все-таки съ шуриномъ, вмѣсто его жены, которая осталась кормить второго ребенка, пріѣхалъ его отецъ. Онъ уже давно передалъ сыну хозяйство, которое велъ не очень умѣло и даже, когда сынъ женился, перевелъ имѣніе на его имя и остался жить съ нимъ, порой надоѣдая ему слегка, но пользуясь въ домѣ очень большимъ уваженіемъ. Онъ былъ уже старикъ, но сохранилъ слѣды былой красоты. Въ молодости былъ гулякой, поздно женился, вскорѣ потерялъ жену, а потомъ и большую часть ея приданаго, въ чемъ онъ чувствовалъ себя очень виноватымъ передъ сыномъ и что, главнымъ образомъ, и заставило его отписать сыну имѣніе. Онъ былъ гораздо умнѣе и интеллигентнѣе сына и гораздо образованнѣе. Зналъ

исторію княжества Познанскаго, зналъ исторію выдающихся познанскихъ родовъ, какъ свои пять пальцевъ, много путешествовалъ когда-то и говорилъ на превосходномъ французскомъ языкѣ, въ то время какъ сыну легче давался нѣмецкій. Все же Ядвигѣ онъ не былъ родственникомъ и, несмотря на давнишнюю дружбу Жарковскихъ съ Лужицкими, онъ былъ не вполнѣ подходящимъ слушателемъ такого деликатнаго разговора. Такъ по крайней мѣрѣ думала Ядвига, когда старикъ вмѣстѣ съ сыномъ и хозяиномъ дома вышелъ изъ кабинета и, садясь за столъ такого сейчасъ же выдалъ предметъ тѣхъ таинственныхъ разговоровъ, которые имѣли мѣсто въ кабинетѣ

— Ядвига, ты собираешься выѣзжать въ нынѣшнемъ карнавалѣ?

— Это зависитъ отъ папы, — отвѣтила она.

— Скажите пожалуйста, какое смиреніе при столь независимомъ характерѣ! — съязвилъ шуринъ.

— Ну, дѣти не ссорьтесь.

— Mon fils aime trop sa femme pour être aimable même envers ses belles soeurs,—пошутилъ старикъ Жарковскій.

— Qui n'est pas sage n'aura pas de dessert, — раздался голосъ Коти.

— Taisez vous, mes enfants; — остановила пани Текля.

— Тише, курочки, проговорилъ вдругъ тринадцатилѣтній Стась тономъ мужского превосходства. И тотчасъ сдѣлалъ счастливый переходъ въ разговорѣ, потребовавъ отъ шурина согласиться съ нимъ, что монте-кристо его младшаго брата не можетъ быть названо ружьемъ въ сравненіи съ той берданкой, которую ему подарили на Рождество. Онъ убилъ изъ нея кота за сто сорокъ шаговъ и скоро будетъ такъ стрѣлять, какъ панъ Бродницкій, лучшій стрѣлокъ въ княжествѣ. А когда онъ выростетъ, онъ

будетъ драться на дуэли, какъ дѣдъ этого самаго пана Бродницкаго, убившій трехъ пруссаковъ.

Эта исторія, которую старикъ Жарковскій не разъ разсказывалъ дѣтямъ, походила скорѣе на легенду, но коечто въ ней все же походило на правду: удалый польскій шляхтичъ велъ нѣкогда на собственную руку партизанскую войну съ нѣмцами, вызывая каждаго попадавшагося ему пруссака-офицера на поединокъ, который всегда кончался для офицера смертью. Жилъ онъ недалеко отъ границы и поединки происходили всегда на чужой территоріи — откуда пруссакъ уже не возвращался. Не вернулся однажды съ такого поединка и панъ Бродницкій, — но имя его жило въ легендѣ.

Уязвленное самолюбіе Густава заставило его прибѣгнуть къ поддержкѣ шурина. Но шуринъ, вмѣсто того, чтобы заступиться за него, съ упорствомъ ограниченныхъ людей, вернулся къ прежней темѣ.

— Знаешь, Ядя, — серьезно, не согласишься ли ты, чтобы въ нынѣшній карнавалъ тебя замѣтила Франя? Ей восемнадцать лѣтъ, она уже взрослая.

— Merci pour le compliment, — поспѣшила отвѣтить за сестру Франя, — мнѣ не такъ къ спѣху. Впрочемъ, не хорошо когда двѣ сестры выѣзжаютъ вмѣстѣ, — прибавила она съ миной опытной въ этихъ дѣлахъ женщины.

— Гм... Тогда тебѣ, пожалуй придется долго ждать!

— Не бойся... Рано, или поздно у меня будетъ шуринъ № 2, такой же милый, какъ ты.

— Я не зналъ, что Ядя наждается въ услугахъ адвоката, — пробормоталъ онъ, не безъ основаній подозрѣвая сестеръ въ томъ, что онѣ всегда солидарны, даже въ своей оппозиціи по отношеніи къ нему.

— A propos, — прибавилъ онъ, — можетъ быть ты, Ядя, запишешься въ партію народниковъ и выйдешь за какого-

нибудь адвоката или ветеринара? Вкусы бываютъ разные!

— Или за доктора, — поспѣшила закончить Ядвига,— возможно... Только бы онъ былъ порядочный человѣкъ.

Отецъ поднялъ голову.

— Я въ этомъ не вижу необходимости, — коротко сказалъ онъ.

— Но вѣдь жена доктора Броновича — урожденная Чишевская, она изъ прекрасной семьи — продолжала защищаться Ядвига, но лишь теоретически, такъ какъ ни о какомъ докторѣ она не думала и ее лишь задѣлъ тонъ отца, которымъ онъ давалъ ей понять, что она сказала глупость.

— У нея не было приданаго, — выручилъ отца зять.

— Ну, это не аргументъ, во всякомъ случаѣ... — начала она.

Но отецъ раздраженный еще тѣмъ, что раньше наговорилъ ему зять на тему bas bleu, рѣзко перебилъ ее:

— Во всякомъ случаѣ дѣти должны слушаться родителей.

— Ты, папа, очевидно все еще считаешь меня ребенкомъ...

— И вдобавокъ, глупымъ! — вырвалось у отца, который очень рѣдко горячился, и восклицаніе котораго, поэтому, особенно обидѣло дочь. Она поблѣднѣла, слезы навернулись у нея на глаза и она невольно сдѣлала такое движеніе, точно хотѣла встать изъ-за стола.

Когда серьезнымъ и мягкимъ по натурѣ людямъ случится вспылить, они легко переходятъ границы.

— Что? Уходить изъ-за стола? Я не выношу капризовъ въ домѣ! Ты — моя дочь и должна меня слушаться! Этого еще не хватало! — кричалъ отецъ.

Глаза Ядвиги наполнились слезами. Старикъ Жарковскій безпокойно сидѣлъ на стулѣ, не зная, принять ли ему

участіе въ этой непріятной сценѣ, или промолчать. Но въ то же время трудно было пропустить все это мимо ушей.

— Enfin, mon cher — началъ онъ, — puisque mademoiselle Hêdwige...

Ядя больше ничего не слышала. Встала и автоматически направилась къ двери. Она вспомнила лишь потомъ, что въ эти нѣсколько минутъ у нея мелькнула ужасная мысль: а вдругъ отецъ побѣжитъ за ней, схватитъ ее за руку и посадитъ на мѣсто. Она не стыда боялась, а того, что это будетъ невѣроятно грубо. И даже, закрывъ за собою дверь, она остановилась на минуту, чувствуя, что у нея кружится голова, и все еще не понимая: неужели могло случиться, что этотъ добрый, любимый отецъ крикнулъ на нее такимъ ужаснымъ голосомъ. Вѣдь, дѣйствительно, она не сказала ничего ни хорошаго, ни дурного— попросту ничего! И слезы ручьемъ полились у нея изъ глазъ. За дверью она слышала голосъ шурина:

— Ну, и характерецъ! Нечего сказать! — и отправилась въ спальню покойной матери, которую ей, какъ старшей въ домѣ дочери, отвели отдѣльно отъ другихъ сестеръ, спавшихъ вмѣстѣ съ панной Теклей наверху.

Рой мыслей, которыя раньше лишь изрѣдка мелькали у нея въ головѣ, закружился теперь надъ ея бѣдной головой, какъ черныя птицы. Впервые въ жизни съ такой неодолимой отчетливостью всталъ передъ нею вопросъ о ея будущемъ замужествѣ. Правда, она и раньше думала о немъ, какъ думаютъ всѣ молодыя дѣвушки, считая его естественнымъ и необходимымъ событіемъ жизни,—судьбой, предопредѣленіемъ и счастьемъ женщины Но никогда эти мысли не были вполнѣ конкретны, какъ не были конкретны и представленія о томъ мужчинѣ, который современемъ долженъ будетъ стать для нея всѣмъ. Эта фигура смутно рисовалась ей на фонѣ дома, на фонѣ

того домашняго очага, который, какъ женщинѣ, надо будетъ создать и который надо будетъ охранять. Но фонъ этотъ, въ ея представленіи, не очень отличался отъ той обстановки, въ которой, напримѣръ, жила ея старшая сестра въ Деджинѣ — среди домашнихъ занятій, труда и кое-какихъ развлеченій порою. И фигура будущаго мужа въ этой обстановкѣ казалась ей чѣмъ-то необходимымъ, но въ то же время не имѣющимъ никакихъ реальныхъ формъ.

Въ этомъ смыслѣ ея философія походила на тотъ приговоръ, который произнесла надъ собою ея маленькая сестренка, четырехлѣтняя Котя:

— Когда я выйду замужъ...

— А какіе усы будутъ у твоего мужа, Котикъ? — спросили ее.

— Усы? Большіе!

Теперь, впервые, будущій спутникъ ея жизни, господинъ и повелитель, всталъ передъ нею какъ реальное существо. Господинъ, повелитель? Развѣ мужъ Елены — ея повелитель? Правда, судить что-нибудь объ усахъ будущаго мужа и вообще о его физическихъ качествахъ, она никакъ не могла, но понимала, что онъ долженъ будетъ обладать многими достоинствами—и физическими и духовными, чтобы возбудить въ ней чувство и чтобы она могла сказать сама: «я твоя, только твоя до смерти!»

Ядвига не была изнѣженнымъ, тепличнымъ растеніемъ, она была просто деревенской дѣвушкой, со здоровымъ тѣломъ и доброй душой — и мужчина, который бы не былъ мужчиной, который не обладалъ бы всѣми проявленіями мужской силы, даже тѣми, которыя въ глазахъ женщины часто кажутся грубыми, не могъ бы вызвать въ ней ничего, кромѣ пренебреженія. Если бы онъ даже выругал-

ся какъ нибудь, подъ сердитую руку, если бы даже сдѣлалъ какую-нибудь чисто мужскую глупость, впутался въ какую нибудь полу-геройскую, полу-сумашедшую исторію, все это было бы ничего: только бы онъ не былъ размазней и нулемъ, только бы онъ былъ добръ, деликатенъ съ ней. И только не былъ бы неуменъ, какъ мужъ Елены, такъ какъ даже самое тщательное воспитаніе не можетъ скрыть этого недостатка. Во всякомъ случаѣ, сама же Елена, которая была гораздо снисходительнѣе ея и которая любила своего мужа почти материнской любовью, особенно за его веселый и общительный характеръ, говорила, что гастроли Дася въ салонахъ у сосѣдей не всегда кончались для него благополучно. И вдругъ отецъ высказалъ передъ нею ту мужскую грубость, которой она менѣе всего отъ него ожидала. Впервые въ жизни она взглянула на него критикующими глазами. Она вспомнила, что, несмотря на всю его мягкость, у него не разъ случались непріятныя столкновенія съ прислугой, съ сосѣдями. Вспомнила она и то слово, которое она случайно подслушала изъ разговора знакомыхъ про ея отца: безтактный.

У двери раздался отцовскій голосъ:

— Ядя!

Онъ нажалъ ручку двери и открылъ. Она увидѣла его широкое блѣдно-кирпичнаго цвѣта лицо, на которомъ явно отражалась нерѣшительность и неувѣренность.

— Ну? Кончила ты дуться? — голосъ его звучалъ гораздо мягче, чѣмъ самая форма вопроса. Она подошла къ нему и поцѣловала его руку. Онъ обнялъ ее, повидимому, обрадовавшись, и лаская ея волосы, сталъ другими словами повторять ей то, что она слышала за обѣдомъ: объ обязанности дѣтей слушать родителей, (которые вѣдь

только и думаютъ о благѣ дѣтей), о нежелательности такихъ сценъ, какъ сегодня, въ присутствіи младшихъ дѣтей.

Чтобы пойти отцу навстрѣчу и помочь ему не уронить своего авторитета, (чѣмъ онъ главнымъ образомъ и былъ озабоченъ), она не сказала отцу ни слова про то, что онъ обидѣлъ ее въ присутствіи всей семьи и предложила:

— Въ наказаніе, я буду ужинать въ своей комнатѣ, хорошо?

— Ты слишкомъ взрослая, чтобы тебя наказывать, но такъ, пожалуй, будетъ лучше. А ты избѣгнешь новаго столкновенія съ Дасемъ. Впрочемъ, онъ во многомъ правъ.

Онъ поцѣловалъ ее въ лобъ.

— Завтра утромъ я ѣду въ городъ, у меня дѣло въ судѣ — хочешь проѣхаться со мной?

Это была великая милость: отецъ чаще всего бралъ съ собою маленькую Котю, которая веселила его своими проказами, а самое путешествіе по хорошей санной дорогѣ, съ надеждой встрѣтить кого-нибудь изъ знакомыхъ было очень заманчивой вещью въ той тихой обстановкѣ, въ которой приходилось жить въ деревнѣ зимой. Но во всякомъ случаѣ — съ ней опять обошлись какъ съ ребенкомъ.

VIII.

Братство трехъ буквъ, организація основанная тремя нѣмецкими патріархами, разбогатѣвшими на польской землѣ — Гаусеманомъ, Кеннеманомъ и Тидесманомъ, такъ называемая «Ге—Ка—Т'а», союзъ направленный къ оборонѣ восточныхъ границъ Прусской монархіи, насчитывавшій сотни тысячъ членовъ во всей Германіи, съ центральными отдѣленіями въ Берлинѣ, Лейпцигѣ и Висбаденѣ,— всѣми мѣрами и средствами стремившійся истребить поляковъ и путемъ самой подлой лжи привить нѣмцамъ ненависть ко всему польскому — назначило общее собраніе своихъ членовъ въ зоологическомъ саду въ Познани. Это дало возможность польскимъ газетамъ сдѣлать нѣсколько сравненій изъ области зоологіи и даже изъ міра не очень рѣдкихъ животныхъ, но такъ какъ восклицаніе, вырвавшееся когда-то изъ души одного польскаго мужика: «ишь, набралось ихъ, что свиней у корыта», каралось долголѣтнимъ заключеніемъ, то о стадѣ «гекатистовъ» приходилось выражаться съ большой осторожностью, ибо оно находилось подъ защитой и опекой королевской прокуратуры. Нѣмецкая пресса была уже давно подкуплена. Для этой цѣли предназначались проценты съ тѣхъ огромныхъ капиталовъ, которые въ 1866 году были конфискованы у богатаго ганноверскаго короля. Она вѣчно указывала нѣмцамъ, что поляки тайкомъ оттачиваютъ косы, чтобы рубить ими спокойныя нѣмецкія шеи. О томъ

же говорили добровольные, но далеко не безкорыстные агитаторы. И въ результатѣ получилось, что весь прусскій народъ фактически состоялъ изъ гекатистовъ. То что прежде всего было политикой правительства, которую оно вело помимо воли и даже противъ воли большей части народа, захватывало теперь все болѣе широкіе круги, какъ нѣкая общая мысль, какъ нѣкое массовое безуміе. Прусская либеральная партія, партія богатыхъ собственниковъ вестфальскихъ рудниковъ и прирейнскихъ мануфактуръ, несмотря на фиговый листокъ своего либерализма, была всегда враждебно настроена противъ поляковъ, во имя всенѣмецкаго единства. Она была практичнѣе въ свихъ планахъ, послѣдовательнѣе и всегда не очень считалась съ тѣмъ, что даже въ политикѣ обязательно, какъ простое приличіе. Партія эта все больше переходила на службу правительству, ибо, по ея мнѣнію, несмотря на всѣ ошибки экспансивнаго императора, политика желѣзнаго канцлера приносила все большіе плоды и все увеличивала мощь Германіи. Отказавшись отъ оппозиціи, она пріобрѣла право участія въ правительствѣ. Впрочемъ путь къ орденамъ и титуламъ, столь желанный для разбогатѣвшихъ купцовъ, былъ одинъ: благосклонность императора. Царствующій же императоръ не выносилъ оппозиціи, когда ему случалось провозгласить какой-нибудь новый лозунгъ, какъ, напримѣръ, — обузданіе «наглости поляковъ». Имперскій канцлеръ, человѣкъ изъ гутаперчи, фонъ-Бюловъ, впослѣдствіи графъ и князь, «дорогой Бернардъ», засидѣлся на своемъ посту, несмотря на всѣ ссылки на непостоянство монарха по отношенію къ сановникамъ, которыхъ онъ очень быстро выбиралъ и очень быстро бросалъ, какъ не нужныя игрушки. Съ ловкостью обезьяны, всякій разъ, когда Вильгельмъ произносилъ какую-нибудь слишкомъ рискованную рѣчь, онъ

заслонялъ его своей широкой грудью, затянутой въ сюртукъ великолѣпнаго покроя, и всегда въ своихъ настольныхъ книгахъ умѣлъ подыскать такую цитату, которая заставляла народныхъ представителей по меньшей мѣрѣ хохотать. А вѣдь кто смѣется, тотъ готовъ простить. Центръ, каменная стѣна нѣмецкихъ католиковъ, въ которую безсильно ударялъ желѣзной рукой первый канцлеръ воскресшей Германіи, нѣкогда вѣрный союзникъ поляковъ, теперь, по окончаніи «культуркампфа», когда прекратились жалобы на преслѣдованіе западныхъ и южныхъ католиковъ, потерялъ всякій смыслъ своего существованія. Онъ держался еще, но скорѣе въ силу традиціи. Людей идеи уже не стало. Не разъ случалось, что центръ при голосованіи распадался, его лидеры при малѣйшемъ столкновеніи интересовъ старались стать на сторону правительства. Когда въ Силезіи, которая всегда усиливала партію центра польскими депутатами, возобновилось польское движеніе, это еще больше оттолкнуло партію отъ фракціи, а вмѣстѣ съ нею отъ польскаго общества. Усиливалось это еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что движеніе это возникло на чисто соціалистической почвѣ. Соціалисты въ вопросахъ международной политики, шли рука объ руку съ поляками. Но большинство избирателей-соціалистовъ, которые боролись съ правительствомъ, оставались въ то же время заядлыми нѣмцами, а главное, благодаря общему экономическому благосостоянію страны и улучшенію условій быта простого фабричнаго рабочаго, партія эта становилась все менѣе требовательной и все болѣе филистерской. Оставались еще истинные эпигоны 1848 года, вольнодумцы. Но ихъ вліяніе становилось все менѣе замѣтнымъ, его отнимали съ одной стороны мощные либералы, съ другой—соціалисты. Старѣли тѣ политическіе дѣятели, которые вели нѣ-

когда народъ на баррикады противъ абсолютизма. Миккель, прусскій министръ финансовъ, очень удивился, когда ему напомнили его революціонную молодость. И лишь очень немногіе, какъ напримѣръ экономистъ Брентано, изъ всей клики профессоровъ, поэтовъ и мыслителей, которые теперь ломали себѣ головы надъ изобрѣтеніемъ новыхъ аргументовъ, оправдывающихъ философію «Ausrotten» находили въ себѣ гражданское мужество спорить, но ихъ голосъ не находилъ никакого отклика въ предѣлахъ Пруссіи. Всѣ партіи, всѣ общественные классы нѣмецкаго народа давали теперь государству гвардію «гекатистовъ».

Слушевскому было интересно познакомиться съ этими людьми поближе. Пользуясь тѣмъ, что въ нѣмецкихъ кругахъ его не знали, онъ рѣшилъ отправиться на это «генеральное собраніе». И отправился. То, что онъ слышалъ тамъ, казалось, переносило его попросту въ эпоху средневѣковаго варварства. Въ рѣчахъ ораторовъ слышалась такая рассовая ненависть, которую не могла обуздать никакая культура. Они состязались другъ съ другомъ въ изобрѣтеніи самой невозможной клеветы на польскій народъ, рисовали яркія, почти дѣтски-наивныя картины «польской опасности» и предлагали проектъ, какъ съ ней бороться. Профессоръ университета, прибывшій изъ Берлина, кстати обнаружившій въ своей рѣчи вопіющую неосвѣдомленность о мѣстныхъ условіяхъ познанской жизни, визгливымъ голосомъ лейтенанта бросалъ въ толпу точно слова команды; странный конгломератъ философіи Ницше и Гартмана. Онъ грозилъ гибелью тѣмъ, кто осмѣливается бунтовать противъ народа властелиновъ, тѣмъ неблагодарнымъ, которые не умѣютъ оцѣнить благодѣяній культуры, насаженной нѣмецкимъ геніемъ въ бѣдной и почти дикой странѣ. Ибо

только этой культурѣ поляки обязаны своимъ теперешнимъ расцвѣтомъ и благосостоянiемъ. Но вотъ, плоды этой культуры они хотятъ обратить противъ тѣхъ, кто ее насаждалъ съ такимъ тщанiемъ и такой заботливостью.

— Собаку, которая укуситъ руку своего благодѣтеля, убиваютъ на-смерть. Горе тому, кто возстаетъ противъ нѣмецкой стопы, которая, ступивъ на землю, освящаетъ ее однимъ своимъ прикосновенiемъ. Только нѣмецкiй трудъ, только нѣмецкое трудолюбiе...—Всѣ эти слова слышались въ каждой фразѣ профессора.

А если бы этому профессору указали, что въ тотъ моментъ, когда Познань перешла въ прусское владычество, число школъ, открытыхъ усилiями Четырехлѣтняго Сейма, было больше, чѣмъ теперь, и что онѣ находились въ гораздо лучшемъ состоянiи, профессоръ бы навѣрное даже не повѣрилъ.

Толпа съ нимъ соглашалась: «очень правильно!» Гремѣли рукоплесканiя.

Потомъ отставной маiоръ, одинъ изъ крупнѣйшихъ земельныхъ собственниковъ въ Познани, согрѣвая сердца слушателей воспоминанiями о Седанѣ и о томъ, какъ въ Версали засверкала корона нѣмецкаго императора на челѣ Гогенцоллерна, утверждалъ, что полемъ битвы нынѣ стали восточныя границы и что побѣдителямъ надменныхъ галловъ нельзя отдохнуть раньше, чѣмъ падетъ или сложитъ оружiе послѣднiй врагъ. А оружiемъ этимъ является нынѣ земля, которую по безконечной добротѣ своей, правительство оставило польскому народу подъ однимъ только условiемъ, чтобы онъ снялъ съ себя польскiй тулупъ и надѣлъ славный прусскiй мундиръ. Лживая славянская натура, конечно, не выполнила этого условiя. Полякамъ предоставили возмож-

ность временно пользоваться мѣстнымъ языкомъ, въ надеждѣ, что они сами предпочтутъ ему прекрасную и гибкую нѣмецкую рѣчь—они, конечно, и этого не сдѣлали.

— Но вѣдь не можемъ же мы допустить (это было бы позоромъ для культурнаго народа!), чтобы въ нашей странѣ звучали такія слова, въ которыхъ только и слышится: прже, крже...

Эта острота, которой ораторъ обнаружилъ знакомство съ польскимъ языкомъ, привела слушателей въ веселое и благодушное настроеніе.

Ораторъ не былъ музыкаленъ и понятія не имѣлъ о томъ, что рѣчь свою онъ произнесъ такъ, точно стругалъ доски. Онъ вспоминалъ еще о своемъ участіи въ великой войнѣ, которая кровью и желѣзомъ спаяла великую Германію. О тѣхъ полякахъ, которые принимали въ ней участіе, о тѣхъ «Барткахъ», которымъ, когда они шли въ атаку, играли польскій народный гимнъ и которымъ, наслѣдникъ прусскаго престола бросалъ единственныя польскія слова, какія онъ зналъ: «впередъ, дѣти!»—ораторъ, конечно, благоразумно умолчалъ.

Говорили еще учитель гимназіи и судья. Но эти рѣчи были только слабымъ отблескомъ того, что говорили предыдущіе ораторы, которыхъ толпа провожала восторженными криками и рукоплесканіями. Собраніе постановило резолюцію: обратиться къ правительству съ предложеніемъ принять противъ поляковъ самыя энергичныя мѣры и послать всеподданнѣйшую телеграмму императору.

Съ пѣніемъ «Wacht am Rhein» толпа двинулась на улицу. Полицейскіе передъ ней почтительно разступались и понемногу она расползлась по многочисленнымъ пивнымъ онѣмеченной Познани.

Мечиславъ ушелъ изъ этого собранія подъ такимъ непріятнымъ и гнетущимъ впечатлѣніемъ, что даже, когда онъ, быстро переодѣвшись, поднимался по лѣстницѣ въ бальный залъ «Базара», онъ не могъ отъ этого впечатлѣнія отдѣлаться.

Генеральное собраніе «гекатистовъ» происходило вечеромъ. Это было сдѣлано для того, чтобы дать возможность многочисленнымъ чиновникамъ принять въ немъ обязательное участіе,—и хотя оно началось ровно въ восемь, но сильно затянулось и лишь къ одиннадцати часамъ Слушевскій поспѣлъ на балъ. Это было ему отчасти непріятно: онъ опаздывалъ на первый большой балъ въ Познани. До сихъ поръ, онъ бывалъ лишь на небольшихъ вечеринкахъ въ частныхъ домахъ, гдѣ, при свѣтѣ стеариновыхъ свѣчей, онъ и сдалъ экзаменъ въ своихъ не слишкомъ выдающихся хореографическихъ талантахъ.

Ему сказали, что поляки въ Познани бываютъ пунктуальны—и на балахъ, которые назначаются въ 9 часовъ, въ 10 всѣ бываютъ уже въ сборѣ. Впрочемъ, этотъ балъ устраивало городское казино, и, по предположенію доктора, здѣсь должны были быть, главнымъ образомъ, городскія сферы, которыя, онъ уже зналъ довольно хорошо, а потому самый балъ не слишкомъ интересовалъ его. Онъ вообще былъ того мнѣнія, что кружиться, обнявшись съ какой-нибудь незнакомой дамой по всему залу—верхъ идіотизма и, если онъ не уклонялся отъ этой обязанности, то только потому, что боялся, какъ бы на это не посмотрѣли косо. Еще бы полъ-бѣды, если бы дама, съ которой приходилось танцовать, была всегда симпатична. Но вѣдь чаще всего Слушевскому приходилось вздохнуть полной грудью только тогда, когда

онъ сажалъ ее на стулъ, продѣлавъ нѣсколько туровъ, а самъ поспѣшно отходилъ въ сторону.

Съ этой точки зрѣнія ему было совершенно безразлично, что пришлось опоздать къ началу бала. Онъ ожидалъ, впрочемъ, что ему будетъ за это выговоръ. Такъ и случилось съ первыхъ же шаговъ. Въ коридорѣ передъ заломъ былъ устроенъ буфетъ съ крѣпкими напитками, и стояло нѣсколько столиковъ. Это было нѣчто вродѣ отдѣльнаго «купэ для курящихъ». Тамъ сидѣло нѣсколько мужчинъ, по большей части старики, и когда докторъ хотѣлъ быстро пройти мимо нихъ, лишь издали поклонившись, онъ услышалъ громкій голосъ отца панны Полины:

— Гдѣ же это вы пропадали? Вальсъ уже кончили.

Въ глазахъ широкой публики Слушевскій слылъ неудачнымъ претендентомъ на руку Полины, и хотя ея отецъ, какъ она это сама сказала Мечиславу, не очень восторженно смотрѣлъ на возможность ихъ брака, но все же ему хотѣлось, чтобы у его дочери на балу былъ «свой» кавалеръ.

Слушевскій объяснилъ, гдѣ онъ былъ.

— Зачѣмъ же вы туда ходили? Что же, очень они ругались? Ну, это не ново, и они совсѣмъ не такъ страшны! Вѣдь и съ ними можно жить, слѣдуетъ только избѣгать столкновеній!

Мечиславу было нѣсколько странно слышать это послѣ всей той бѣшенной лжи и клеветы, которую онъ слышалъ на собраніи «гекатистовъ», и послѣ той резолюціи, которую собраніе приняло. И самое собраніе произвело на Слушевскаго такое впечатлѣніе, что все, что на немъ говорилось, было заранѣе подготовлено и потому грозило чѣмъ-то очень серьезнымъ. Но онъ не сталъ

возражать, видя, что сидѣвшіе со Стычинскими господа одобрительно закивали головами.

Передъ дверью на столикѣ лежалъ большой подносъ для сбора пожертвованій на благотворительныя цѣли. На диванѣ и стульяхъ у столика сидѣло нѣсколько дамъ-патронессъ. Слушевскій забылъ захватить съ собой мелкія деньги, и въ бумажникѣ у него было лишь нѣсколько стомарочныхъ билетовъ. Поздоровавшись со знакомыми дамами, онъ вынулъ ассигнацію, попросилъ получить десять марокъ и дать ему девяносто сдачи. Толстая пани Миллеръ, жена совѣтника юстиціи, бывшаго судьи, мать двухъ дочерей, изъ которыхъ одна была еще барышней, исполняла роль кассирши; тщательно отсчитывая Мечиславу сдачу, она просила его хорошенько провѣрить. Она познакомилась съ нимъ на одной вечеринкѣ, гдѣ ея дочь въ отсутствіи Янины, была самой богатой невѣстой и играла роль царицы бала. Отсчитавъ девяносто марокъ, она задержалась на минутку, а потомъ подсунула ему пятимарочный билетъ такъ, чтобы этого не могли замѣтить сосѣдки: «Возьмите, вѣдь у васъ у самого не слишкомъ много!»

Въ этомъ было что-то хорошее, добродушное и почти материнское; о томъ, что Мечиславъ истратилъ большую часть своего капитала, въ Познани уже давно знали. Прежде всего это выпытала у него панна Полина; онъ признался ей въ этомъ откровенно, разсчитывая, что эта откровенность должна сыграть ему въ руку. Онъ зналъ, что она ему не простила бы, если бы все это открылось послѣ свадьбы. И дѣйствительно, онъ достигъ ожидаемаго эффекта, но зато это открытіе произвело самое отвратительное впечатлѣніе на ея отца и, кажется, окончательно отшатнуло его отъ доктора. Впрочемъ, молодой докторъ, у котораго оставались еще кое-какія

деньги, который пользовался репутаціей способнаго человѣка и происходилъ изъ шляхетской семьи, могъ считаться хорошей партіей въ тѣхъ кругахъ, гдѣ ему приходилось вращаться. И все-таки отецъ въ минуты откровенности заявилъ дочери:

— Ты за свои, или вѣрнѣе, за мои деньги, можешь купить что-нибудь получше.

Полина и это передала Мечиславу по телефону.

— Ну, а если я себя не продамъ?

— Ну, стоитъ мнѣ только серьезно захотѣть...

Передъ дамами, сидѣвшими у кассы, мужскіе фраки образовывали живую стѣну, которую то и дѣло приходилось разгонять по порученію дамъ, которымъ изъ-за фраковъ не было видно танцующихъ. Кадриль мобилизовала всѣхъ, за исключеніемъ этихъ нѣсколькихъ дамъ и тѣхъ мужчинъ, которые оказались сверхъ комплекта. Докторъ скользнулъ въ толпу зрителей и сталъ искать глазами знакомыхъ. Танцовало паръ сорокъ, и все-таки зала не была еще полна, такъ какъ она могла вмѣстить вдвое больше. Танцами дирижировалъ коллега Мечислава, докторъ Бушкевичъ, славившійся своими хореографическими талантами. Онъ дирижировалъ по-французски и пользовался этимъ языкомъ довольно своеобразно.

— Les mesdamés èn avant!

— Les meussieurs én retour!

— Отчаяніе съ этимъ сбродомъ,—жаловался онъ въ антрактѣ Слушевскому, въ которомъ, какъ въ парижанинѣ, думалъ найти родственную душу,—ни слова не понимаютъ по-французски.

И черезъ минуту въ залѣ опять раздался голосъ дирижера:

— Господа, назадъ, вѣдь я же человѣческимъ языкомъ говорю!

Отчаяніе дирижера было понятно Слушевскому. Самъ онъ когда-то, еще гимназистомъ бралъ уроки танцевъ и теперь ему съ большимъ трудомъ приходилось вспоминать тайны этой науки. Большинство танцующихъ, особенно мужчинъ, метались изъ стороны въ сторону, отъ стѣны къ стѣнѣ, руководствуясь, главнымъ образомъ, минутнымъ вдохновеніемъ, которое не всегда раздѣлялось другими парами. Въ отвѣтъ на замѣчаніе дирижера раздавалось злобное ворчаніе.

На балу было много лицъ, которыхъ Слушевскій не зналъ. Какъ ему говорили раньше, сюда должна была пріѣхать интеллигентная молодежь изъ провинціи: врачи, адвокаты, помѣщики. Доктору, который не лишенъ былъ претензіи на изящество (не совсѣмъ справедливой) непріятно было смотрѣть на фраки нѣкоторыхъ мужчинъ, которые висѣли на нихъ, точно съ чужого плеча, и походили на одежду, къ которой ея обладатель не привыкъ и на которую онъ смотритъ нѣсколько недовѣрчиво. У дамъ, одѣтыхъ въ скромныя провинціальнаго покроя платья, зачастую можно было найти драгоцѣнные камни, которые удивительно не подходили другъ къ другу по цвѣту. Только у нѣкоторыхъ дамъ, урожeнокъ Познани, которыхъ Слушевскій уже зналъ, туалеты были хотя и скромные, но все же со вкусомъ. Полина была снова въ бѣломъ дѣвичьемъ платьѣ, которое очень неудачно оттѣняло желтый цвѣтъ ея лица и было опять невозможно сшито. Къ своему удивленію, онъ увидѣлъ ее въ объятіяхъ пана Эдварда Дуленскаго. Своимъ безусымъ лицомъ, съ очень нѣжными и тонкими чертами, своимъ безукоризненнымъ фракомъ, сшитымъ, вѣроятно, у какого-нибудь вѣнскаго или парижскаго

портного, превосходными жемчужными запонками въ крахмальной рубашкѣ, онъ рѣзко отличался отъ большинства танцующихъ. Но откуда онъ взялся? Правда, онъ былъ членомъ Казино, и докторъ не разъ его тамъ видѣлъ, но никогда не встрѣчалъ его въ обществѣ мѣстныхъ горожанъ. Эту загадку разрѣшила ему панна Полина, когда послѣ кадрили—у которой, какъ у всего на свѣтѣ, бываетъ свой конецъ — онъ подбѣжалъ къ ней поздороваться, раньше, чѣмъ съ другими. Она это замѣтила и, повидимому, осталась довольна. Когда онъ объяснилъ ей причину своего запозданія, она сказала, что оставила ему первую мазурку, которая давала кавалеру право и обязанность вести свою даму къ ужину. Это было не совсѣмъ ему на руку; приходилось опять слишкомъ подчеркивать тѣ намѣренія, на которыя онъ до сихъ поръ все еще не могъ рѣшиться. Но ему пришлось смириться передъ ловкостью Полины, которая, вопреки всѣмъ ея увѣреніямъ, старалась все же отрѣзать ему путь къ отступленію.

— Помогите мнѣ убѣдить пана Дуленскаго, что это невозможно...—обратилась она къ нему, возвращаясь къ прерванному разговору.

— Что невозможно?

— Пани Грабовская желаетъ присутствовать на сегодняшнемъ балу и поэтому прислала пана Эдварда...

— Въ качествѣ форейтора,—поспѣшно вставилъ панъ Эдвардъ,—моя сестра знаетъ, что въ здѣшнемъ богоспасаемомъ градѣ она не пользуется слишкомъ большими симпатіями, я даже сталъ-было ей отсовѣтовать. Зачѣмъ рисковать непріятностями со стороны дурно воспитанныхъ людей? Но... если женщина захочетъ... будь это даже родная сестра.

Полинѣ, повидимому, льстило довѣріе, съ которымъ онъ

къ ней обращался, какъ льстило и то, что онъ отличалъ ее отъ «дурно воспитанныхъ людей». Очевидно, забывъ то, что она говорила Слушевскому когда-то въ театрѣ, она сказала милостиво:

— Впрочемъ, я ничего не имѣю противъ, но другія дамы?..

— Si vous êtes des notre, mademoiselle! Вы используете ваше вліяніе pour amadouer la populace!

Мечиславъ не могъ сразу понять смѣется ли надъ ней Дуленскій, или же онъ дѣйствительно хочетъ привлечь Полину на свою сторону. Во всякомъ случаѣ это ему удалось.

— Но смотрите, введите вашу сестру еще до ужина, иначе это было бы слишкомъ странно!

— Иду! Съ нами будетъ еще Генрихъ Властовскій.

Докторъ проводилъ глазами его стройную фигуру, которая ловко подвигалась въ толпѣ. Полина между тѣмъ превозносила любезность этого молодого человѣка и стала о ней подробно разсказывать. Видя, что на Мечислава это не производитъ слишкомъ пріятнаго впечатлѣнія, она перевела разговоръ на другую тему.

— Онъ приведетъ съ собой и своего пріятеля. Вѣдь этотъ Властовскій, сынъ того, который продалъ нѣмцамъ имѣніе,—это произведетъ очень плохое впечатлѣніе,—разсуждала она вслухъ,—впрочемъ, трудно быть въ претензіи на даму, которая приведетъ съ собою двухъ танцоровъ, а мужчины теперь такъ мало танцуютъ.

Но вотъ раздался сигналъ къ мазуркѣ. Въ той суматохѣ, которая была имъ вызвана, появленіе пани Маріетты прошло почти незамѣченнымъ. Кавалеры искали своихъ дамъ, дирижеръ разставлялъ пары, и вся зала напоминала собой какой-то муравейникъ. Ее замѣтили только тогда, когда она, затянутая въ узкое платье се-

ребристо-жемчужнаго цвѣта, плотно облегавшее тѣло, точно подъ нимъ ничего не было надѣто, очутилась съ Властовскимъ въ первыхъ рядахъ тѣхъ паръ, которыя еще выстраивались. Рядомъ съ ней стоялъ панъ Эдвардъ, который съ истиннымъ геройствомъ подхватилъ на лету дочь провинціальнаго ветеринара, весь вечеръ одиноко сидѣвшую въ углу, несмотря на то, что была далеко не некрасива; онъ сумѣлъ такъ убѣдительно и безъ всякой навязчивости предложить дирижеру свою помощь въ веденіи кадрили, что сразу снискалъ его искреннее расположеніе.

Полина взяла Мечислава за руку.

— Пойдемте, намъ во что бы то ни стало, нужно танцовать въ первой четверкѣ, спѣшите!

Когда они пробивались черезъ толпу, онъ слышалъ вопросы, несомнѣнно касавшіеся пани Марьетты: «кто эта декадентка?» Многіе, особенно изъ провинціи, ее не знали.

Но изъ-за мѣста, которое хотѣла занять панна Полина, возникъ споръ. Мѣсто это оспаривалъ какой-то молодой человѣкъ нахальнаго вида, въ пенснэ. Споръ разрѣшила пани Маріетта, которая категорически заявила, что еще раньше условилась съ панной Полиной танцовать вмѣстѣ. Въ споръ вмѣшался докторъ Бушкевичъ и, когда раздалась его команда: «мазурка, всѣ пары!», громъ музыки и топотъ ногъ заглушили протесты господина въ пенснэ.

Мазурка, которую оба дирижера вели съ большимъ искусствомъ, выдумывая одну фигуру за другой, проходила, въ общемъ, довольно гладко, несмотря на то, что случались кое-какія маленькія недоразумѣнія. Главное же, она подняла настроеніе всѣхъ танцующихъ, заставляя ихъ забыть маленькія обиды и недовольства.

У Слушевскаго было много причинъ быть недовольнымъ. Прежде всего, изъ тѣхъ четырехъ дамъ, которыя танцовали въ первыхъ четырехъ парахъ, его дама была самая некрасивая. Танцовавшая въ первой парѣ жена мѣстнаго доктора, была признанной красавицей, сумѣвшей сохранить, несмотря на то, что у нея было нѣсколько дѣтей, прелестную фигуру и необыкновенную свѣжесть лица; пани Маріетта была, по меньшей мѣрѣ, оригинальна; въ дочери ветеринара, которая разскакалась въ мазуркѣ, какъ молодой жеребенокъ, было много молодости и веселья,—одна Полина на своихъ короткихъ ногахъ, съ отвратительной фигурой, недостатки которой подчеркивало бѣлое платье, попросту обращала на себя вниманіе своей уродливостью. Кромѣ того, самъ онъ чувствовалъ, что будучи нѣсколько похожъ на свою даму фигурой, онъ невыгодно отличается отъ трехъ другихъ танцоровъ, которые, какъ на зло, были необыкновенно стройны и изящны. Правда, онъ предполагалъ что фракъ долженъ нѣсколько утончать его фигуру и удлинять ноги, но несмотря на это, ему теперь пришло въ голову, что больше всего ему къ лицу бѣлый длинный докторскій халатъ, перевязанный поясомъ и наспадающій длинными линіями вдоль бедеръ. Онъ подѣлился этимъ замѣчаніемъ съ Полиной.

Когда ему пришлось танцовать соло и мчаться со своей дамой изъ конца въ конецъ залы, онъ сдѣлалъ это такъ неумѣло, неуклюже прыгая на мѣстѣ, или сгибаясь въ три погибели, что это тоже его разозлило. Онъ раскраснѣлся, и потъ градомъ струился у него по лицу. Несмотря на то, что онъ служилъ на военной службѣ, онъ былъ слишкомъ лѣнивъ ко всякаго рода физическимъ упражненіямъ, а тотъ сидячій образъ жизни, который ему пришлось вести теперь, создавалъ у

него предрасположеніе къ полнотѣ, и теперь, когда онъ послѣ какого-то tourner et encore une fois tourner, остановился передъ своей дамой красный, потный, задыхающійся, она не могла удержаться отъ смѣха и съ простодушной веселостью сказала ему:

— Вы сейчасъ на поросенка похожи! Развѣ можно такъ уставать?

Вслѣдъ за паномъ Эдвардомъ онъ проскользнулъ въ буфетъ.

— Шампанскаго, только скорѣе, мнѣ сейчасъ же надо возвращаться!—скомандовалъ онъ, — выпейте со мною бокалъ, докторъ?

Слушевскій не отказался.

Они чокнулись и выпили. Вдругъ панъ Эдвардъ спросилъ его безъ всякихъ предисловій:

— А сколько можно взять за этой Стычинской?

Этотъ вопросъ, заданный въ такой безцеремонной формѣ, сразу привелъ Слушевскаго къ убѣжденію, что старикъ Стычинскій, быть можетъ, не такъ уже ошибался, когда говорилъ, что его дочь можетъ выйти хотя бы за графа.

— Спросите ее сами!—отвѣтилъ онъ пану Эдварду.

— Развѣ вы хирургъ, что такъ грубы? Ну, пойдемте, дамы ждутъ!—и, разсмѣявшись, панъ Эдвардъ побѣжалъ къ дамамъ.

Не удалось доктору и другое: надѣясь сдѣлать развѣдки въ другомъ направленіи, онъ пытался узнать у пани Маріетты, будутъ ли Лужицкіе въ Познани во время карнавала. Панна Лужицкая была единственной женщиной изъ тѣхъ, которыхъ онъ здѣсь зналъ, ради которой онъ безъ колебанія пожертвовалъ бы Полиной. Онъ воспользовался минутой, когда во время какой-то фигуры его даму пригласили танцовать, и подсѣлъ къ пани Ма-

ріеттѣ, которая смотрѣла на танцующихъ, обмахиваясь вѣеромъ.

Молодой человѣкъ въ пенснэ, съ которымъ она спорила изъ-за мѣста, чуть не уронилъ ее среди залы, должбыть изъ мести: страстная любительница танцевъ, она почти не замѣчала, съ кѣмъ танцуетъ и не отказывала никому, даря всѣмъ любезныя и милыя улыбки. Докторъ обратился къ ней по-французски и сказалъ ей какой-то комплиментъ насчетъ ея туалета. Потомъ, задавъ ей нѣсколько вступительныхъ вопросовъ о томъ, можно ли разсчитывать, что карнавалъ въ этомъ году удастся, онъ перешелъ къ самой сути дѣла и спросилъ, какъ великъ будетъ въ этомъ году съѣздъ, и будутъ ли, между прочимъ, на немъ Лужицкіе съ дочерьми. Вѣдь одна изъ Лужицкихъ подруга его сестры.

На губахъ пани Маріетты, которыя нѣжно алѣли на ея блѣдномъ лицѣ (когда она была у него, въ качествѣ паціентки, докторъ могъ убѣдиться, что эти губы она очень умѣло подводитъ карминомъ), скользнула легкая усмѣшка—усмѣшка женщины, которую ни одинъ дипломатъ не сможетъ провести въ дѣлахъ, касающихся чувства.

— А почему вы не спросите этого у вашей сестры?— логически спросила она.

Не могъ же онъ объяснить ей, что сестра уже два раза оставила этотъ вопросъ въ своихъ письмахъ безъ отвѣта, подчеркивая этимъ, что задавать такіе вопросы съ его стороны неблагородно по отношенію къ Полинѣ. Впрочемъ, пани Марьетта сжалилась надъ нимъ, освобождая его отъ необходимости отвѣчать и давая ему искренній совѣтъ:

— Это не для васъ! Извините, что я вмѣшиваюсь въ ваши интимныя дѣла, но вѣдь вы сами выдали себя съ

головой, а у меня нѣтъ причинъ желать вамъ зла. А потому bon conseil vaut une valse que je vous reserve.

«Но почему же она не для него?»

Послѣ этого перваго бала начался цѣлый рядъ публичныхъ баловъ, которые слѣдовали одинъ за другимъ. На одномъ изъ этихъ баловъ, только что успѣвши войти въ залу, докторъ почувствовалъ, что сердце его сильно забилось. Окруженная нѣсколькими дамами, которыхъ Слушевскій не зналъ и которыя были очень красивы, стояла панна Ядвига. Она была одѣта въ розовое платье, которое по своему покрою было чѣмъ-то среднимъ между скромнымъ дѣвичьимъ туалетомъ и платьемъ женщины, которая вскорѣ должна выйти замужъ. Прелестныя руки были открыты до плечъ, виднѣлись контуры ея классическаго бюста, точно высѣченнаго изъ молочно-блѣднаго мрамора. Ея стянутыя черныя брови придавали лицу выраженіе серьезности, которое находилось въ странномъ контрастѣ съ веселой розовостью всего ея облика. Нѣсколько молодыхъ людей увивались около этой группы—должно быть, это были очень хорошіе знакомые или родственники. Оттуда раздавались взрывы серебристаго смѣха, во всемъ кружкѣ царило настроеніе неподдѣльнаго веселья, и всѣмъ, повидимому, было очень весело, несмотря на то, что балъ еще не начинался. Балъ на этотъ разъ долженъ былъ быть главнымъ образомъ «деревенскій». Слушевскій явился очень пунктуально. Онъ не жалѣлъ этого, хотя чувствовалъ себя нѣсколько чужимъ въ этомъ, почти незнакомомъ, обществѣ. Балъ этотъ устраивали лучшія фамиліи княжества Познанскаго и употребили все свое вліяніе на то, чтобы онъ удался.

О, какой прекрасной показалась ему эта дѣвушка, которая до сихъ поръ его даже не замѣтила! Въ эту

минуту къ ней подходилъ директоръ земельнаго банка Калькштейнъ, необыкновенно красивый старикъ, съ огромной сѣдой бородой. Молодые люди, окружавшіе ее, почтительно разступились. Одинъ изъ этихъ молодыхъ людей былъ Эдвардъ Дуленскій — онъ, должно быть, велъ такую же двойную игру, какъ Слушевскій. Второй былъ Феликсъ Жентицкій, котораго шуринъ Ядвиги заставилъ итти на новый штурмъ.

Въ этомъ бальномъ платьѣ она была гораздо красивѣе и изящнѣе, чѣмъ онъ могъ даже себѣ представить. Пани Маріетта, которая входила въ залу, опираясь на руку мужа, на минуту отвлекла его вниманіе. Появленіе этой пары приковало къ себѣ глаза всѣхъ присутствовавшихъ. Мужъ, обладавшій фіолетовымъ носомъ неисправимаго пьяницы, подвигался по залѣ увѣренными движеніями свѣтскаго человѣка, но то, какъ онъ шаркалъ ногами, какъ здоровался со знакомыми, наводило на мысль, что онъ уже и теперь не забылъ зарядиться. Дамы сейчасъ же обратили на это вниманіе, но заставили себя отнестись къ этому съ вѣжливой снисходительностью. Пани Маріетта прекрасно знала, что дѣлаетъ, появляясь подъ охраной законнаго супруга: въ этомъ обществѣ, которое относилось съ нескрываемымъ осужденіемъ къ ея поведенію, она рисковала нарваться на публичный скандалъ. А теперь дѣло ограничилось тѣмъ, что послѣ холодныхъ привѣтствій и поклоновъ, она лишь очутилась одна. Мужъ, направляясь къ буфету, черезъ всю залу обратился съ какимъ-то комплиментомъ къ молоденькой паннѣ Властовской, напоминавшей фарфоровую статуэтку, которая тоскующими глазами искала въ залѣ свою подругу, золотоволосую панну Милецкую, и которую пока развлекалъ Генрихъ Властовскій. Впрочемъ, Генрихъ не забывалъ перегля-

дываться и съ пани Маріеттой, которая сидѣла поодаль.

Другіе мужчины медлили къ ней подходить. Ихъ удерживалъ страхъ подпасть подъ бойкотъ родныхъ и знакомыхъ дамъ, которыя такъ ревниво стояли на стражѣ добрыхъ нравовъ. Удобнѣе было сдѣлать это потомъ, когда въ вихрѣ бала «легкій флиртъ» могъ пройти незамѣченнымъ, а потому безнаказаннымъ.

Пани Маріетта, презрительно щуря глаза, смотрѣла на этихъ мужчинъ, изъ которыхъ многіе были ея преданнѣйшими рабами въ отдѣльныхъ кабинетахъ, и потомъ смѣло подошла къ Мечиславу, который стоялъ въ сторонѣ одинъ.

— Вы не боитесь?

Онъ не зналъ, что отвѣчать. Съ одной стороны, ему была не на руку эта необходимость вести продолжительный разговоръ съ нею на глазахъ всего общества—съ другой стороны, пани Маріетта импонировала ему манерами настоящей свѣтской дамы и кромѣ того, ему льстило то, что она подошла именно къ нему.

— Je vous compromettrai un peu! — смѣялась она.

— Un peu?

— Peut-être plus que ça!—отвѣтила она на эту дерзость—и онъ не зналъ: съ ироніей, или что-то обѣщая.—Но у васъ турецкій вкусъ.

— Какъ такъ?

Презрительнымъ движеніемъ губъ она указала въ сторону Ядвиги.

— Слишкомъ полна!

Сама она гордо выпрямила свою фигурку съ змѣиными линіями. Но эта пристрастная критика не была ему непріятна. Пользуясь случаемъ онъ рѣшился узнать—не о Жентицкомъ (онъ его безпокоилъ мало, такъ какъ о неудачѣ его прежняго сватовства, докторъ уже кое-что

слышалъ), а о намѣреніяхъ ея брата, Эдварда по отношеніи къ Лужицкой.

— Въ такомъ случаѣ у меня одинаковый вкусъ съ вашимъ братомъ!

— О, онъ совсѣмъ не намѣренъ заводить у себя гаремъ. А что касается васъ, то у васъ турецкій вкусъ вдвойнѣ!

Полины на этомъ балу не было. «Городъ» считалъ, что въ спискѣ хозяевъ бала «деревня» его обошла и потому отсутствовалъ. Съ врожденной практичностью, докторъ рѣшилъ, что онъ преспокойно можетъ забыть здѣсь о той и, слѣдуя лишь своему любопытству, онъ хотѣлъ уже было спросить, о чемъ можетъ говорить директоръ Калькштейнъ съ его идеаломъ. Но пани Маріетта, видя, что онъ смотритъ въ ту сторону, къ его огорченію, угадала его вопросъ и, удовлетворяя его любопытство, сказала со смѣхомъ:

— Отецъ вашего идеала (номеръ первый, или второй?) состоитъ членомъ наблюдательнаго комитета Земельнаго банка и очень интересуется своимъ дѣломъ. Вотъ причина, почему они дружны.

Въ эту минуту Калькштейнъ уступилъ свое мѣсто шурину панны Ядвиги (такъ ему объяснила пани Маріетта). И пока шуринъ убѣждалъ свою жену, что единственный новый женихъ Ядвиги, на котораго можно разсчитывать— Эдвардъ Дуленскій (если бы только Слушевскій это слышалъ, это, навѣрное, сразу вывело бы его изъ равновѣсія) долженъ быть исключенъ изъ списка, благодаря его плачевному матеріільному положенію и что остается опять-таки одинъ Жентицкій,—пани Маріетта продолжала свой колкій разговоръ съ Мечиславомъ.

Въ видѣ нѣкоторой компенсаціи за тотъ афронтъ, который встрѣтилъ ее въ здѣшнемъ обществѣ, она рѣ-

шила впречь своего новаго поклонника въ свою тріумфальную колесницу. Это было нѣчто въ родѣ вызова, который она бросала обществу.

— Если бы вы были дѣйствительно хорошо воспитаннымъ человѣкомъ, вы бы поспѣшили меня увѣрить, что единственный вашъ идеалъ—это я. Вѣдь, такая любезность вамъ бы ничего не стоила, а намъ, женщинамъ, она всегда доставляетъ удовольствіе.

— Я ненавижу ложь!—торжественно увѣрялъ ее Мечиславъ,—впрочемъ, вы бы и сами не повѣрили, что вы—мой идеалъ и къ тому же единственный.

— Слава Богу! вы, слѣдовательно, сами признаете возможность существованія нѣсколькихъ идеаловъ въ одномъ сердцѣ. Вѣдь вы еще не такъ vieux jeu, какъ это кажется. А что касается лжи?—На ней стоитъ все наше общество... Смотрите,—перебила она вдругъ себя сама,—какъ этотъ бѣдный Калькштейнъ долженъ гоняться за своими акціонерами по всей бальной залѣ,—не всѣ такъ ревностно преданы дѣлу, какъ Лужицкій,—иныхъ приходится искать даже здѣсь!

— Онъ васъ интересуетъ?

— Да. Калькштейнъ, это еще одинъ изъ немногихъ поляковъ среди насъ!

Докторъ взглянулъ на нее съ удивленіемъ. Онъ никогда не ожидалъ, что женщина, столь легкомысленной репутаціи, можетъ начать такой серьезный разговоръ.

— Какъ, а развѣ мы всѣ здѣсь—не поляки?

— И да, и нѣтъ, какъ кому угодно,—она пожала плечами,—такими мы были всегда. Развѣ вы не замѣтили, что въ нашемъ народѣ всегда было нѣсколько десятковъ или нѣсколько сотъ единицъ,—по крайней мѣрѣ въ послѣднія эпохи—всего лишь горсточка людей, которые по настоящему любили свою отчизну. По боль-

шей части они принадлежали даже къ однимъ и тѣмъ же родамъ—имена которыхъ постоянно встрѣчаются въ исторіи, со временъ барской конфедераціи и даже раньше—и встрѣчаются именно тамъ, гдѣ нашъ народъ шелъ на патріотическій подвигъ. Масса всегда была и есть апатичной, и только эти нѣсколько десятковъ фамилій поддерживаютъ репутацію нашего героизма.

— Простите меня, откуда такой пессимизмъ?

— Я по ночамъ страдаю безсонницей и читаю много историческихъ книгъ, другія мнѣ уже надоѣли.

— А я думалъ,—пошутилъ онъ,—что вы предпочитаете проводить ночи въ отдѣльныхъ кабинетахъ?

— Вы не умны,—она ударила его вѣеромъ по рукѣ.—Приходите ко мнѣ когда-нибудь на чашку чернаго кофе, но подъ условіемъ, что вы будете вѣжливѣе. А пока—вальсъ! Вы умѣете танцовать бостонъ?

Нѣтъ, онъ еще не научился и все это выходило у него довольно плохо.—Это было для него тѣмъ непріятнѣе, что на этомъ балу танцовали гораздо лучше, чѣмъ на первомъ. Но вдругъ съ нимъ случилась совершенно неожиданная удача. Когда онъ спросилъ панну Лужицкую, можетъ ли онъ пригласить ее на мазурку или кадриль, онъ былъ увѣренъ въ отказѣ, даже въ томъ случаѣ, если она и не успѣла еще раздать всѣ кадрили и мазурки штурмовавшей ее съ самаго начала молодежи, предпочитавшей танцовать, чѣмъ жениться. Но случилось то, что часто случается съ дѣвушками, которыхъ молодежь причисляетъ къ first class... Въ предположеніи, что всѣ танцы у нихъ разобраны, или онѣ ихъ комунибудь обѣщали раньше, никто не осмѣливается ихъ пригласить. И у Ядвиги не было кавалера для первой мазурки. Но она заколебалась. Докторъ былъ не очень ей симпатиченъ, особенно послѣ своего трамвайнаго де-

бюта. Къ тому же, ей не очень улыбалось сидѣть за ужиномъ съ незнакомымъ человѣкомъ; кромѣ того, это могло не понравиться и отцу, и шурину...

— Но я совсѣмъ не хочу своей навязчивостью сдѣлать вамъ непріятность, тѣмъ больше, что я имѣлъ уже однажды несчастіе такъ печально передъ вами отличиться...—проговорилъ докторъ, видя ея минутное колебаніе.

И хотя это было сказано нѣсколько неуклюже, все же искренность его тона ее тронула. Въ концѣ-концовъ, это былъ братъ Марини. Счастливый и довольный онъ повелъ ее къ столу.

Общій ужинъ былъ поданъ въ полночь, на нѣсколькихъ большихъ столахъ, за которыми сидѣло по нѣскольку десятковъ человѣкъ. Общество разбилось на кучки и группы, которыя состояли изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ семействъ. И сюда, въ бальную залу общество переносило антогонизмъ отдѣльныхъ родовъ, который и теперь, какъ нѣкогда, во времена Рѣчи Посполитой, являлся одной изъ самыхъ характерныхъ чертъ польской жизни. Отдѣльнымъ людямъ, не принадлежавшимъ ни къ одной изъ враждующихъ партій волей-неволей приходилось примыкать къ какой-нибудь изъ нихъ: соблюдать нейтралитетъ было невозможно, такъ какъ это грозило общимъ бойкотомъ. Наслѣдственные споры, скандалы за рюмкой вина или за карточнымъ столикомъ, супружескія измѣны—на долгіе годы отдѣляли другъ отъ друга семьи, связанныя узами родства или по крайней мѣрѣ свойства—и онѣ распадались на отдѣльныя группы. Съ другой стороны, вмѣстѣ съ ростомъ матеріальнаго благополучія помѣщиковъ, который особенно усилился за послѣднія десять лѣтъ—росла и архаическая шляхетская спѣсь, которая проявлялась въ

томъ, что одинъ родъ начиналъ себя считать выше другого, опираясь на какую-то неимовѣрно сложную родовую іерархію, хотя почти всѣ роды Княжества Познанскаго не могли похвастаться тѣмъ, что они когда-нибудь блистали въ исторіи.

Присутствіе посторонняго человѣка за своимъ столомъ Лужицкіе первые замѣтили сами. Тетка Заруцкая, сестра пана Владиміра,—которая на этомъ балу самоотверженно замѣняла Ядвигѣ мать, несмотря на то, что у нея у самой были двѣ дочери на выданьи,—сидѣвшая рядомъ съ Жарковскимъ-отцомъ, сразу встревожилась и спросила вполголоса:

— Qui est ce monsieur?

А одна изъ тетокъ Ядвиги спросила даже вслухъ черезъ весь столъ:

— Ядвига, кто это тамъ съ тобой сидитъ? (хотя Мечиславъ не забылъ всѣмъ представиться).

Ядвига покраснѣла по уши. Она снова почувствовала, что въ каждомъ своемъ шагѣ она несамостоятельна, что она находится подъ надзоромъ и зависитъ не только отъ самыхъ близкихъ людей, но и отъ той коллективной силы, которой является семья. Между тѣмъ шуринъ, который занялъ мѣсто тоже рядомъ съ Ядвигой, но съ другой стороны, какъ бы охраняя ее, выручилъ и ее, и доктора тѣмъ, что тоже черезъ весь столъ отвѣтилъ Зардуцкой:

— Панъ Слушевскій, докторъ медицины.

Необыкновенность всѣхъ этихъ разспросовъ и тонъ, въ которомъ они велись, несомнѣнно, привели бы доктора въ такое состояніе, что онъ за весь ужинъ не смогъ бы сказать ни одного слова. Но къ счастью въ разговоръ вмѣшался самъ панъ Владиміръ Лужицкій, который сказалъ, что еще тогда, когда докторъ Слу-

шевскій ему представился, онъ вспомнилъ, что знаетъ его отца—и сообщилъ этотъ фактъ ко всеобщему свѣдѣнію. Пани Заруцкая вспомнила, что видѣла когда-то очень красивую вышивку, сдѣланную его сестрой,—и все общество стало теперь смотрѣть на незваннаго гостя съ той снисходительностью, съ которой смотрятъ на людей стоящихъ ниже, но допускаемыхъ къ барскому столу.

Но вотъ пани Елена Жарковская сгладила и это впечатлѣніе, напомнивъ пани Заруцкой:

— Вы помните, тетя, какія оригинальныя сравненія умѣетъ дѣлать панна Слушевская, особенно изъ области исторіи.

Громкій смѣхъ нѣсколькихъ кузеновъ, знавшихъ тайну происхожденія остроты о пани Валевской, заглушилъ вопросъ доктора, съ которымъ онъ обратился къ пани Еленѣ. Ядвига сказала ему быстро:

— Мариня вамъ скажетъ!

Она сказала это просто, почти дружески и это очень обрадовало доктора, который въ началѣ ужина чувствовалъ, что попалъ не на свое мѣсто. Надежда, которая исчезла было совсѣмъ вначалѣ, что ему можно будетъ въ будущемъ осуществить свои намѣренія относительно сосѣдки, вернулась снова.

На самомъ же дѣлѣ барышня была съ нимъ любезна постольку, поскольку этого требовало то, что онъ былъ братъ ея подруги, а что касается настроенія ея семьи—то оно не оставляло никакихъ сомнѣній; но Слушевскій былъ упоренъ и слишкомъ много думалъ о себѣ, чтобы усомниться въ конечномъ результатѣ.

Но все же день этотъ былъ счастливый. Слушевскій вообще любилъ поговорить. Онъ былъ даже образованъ—въ томъ значеніи этого слова, что о любомъ предметѣ у него было готовое сужденіе, одно изъ тѣхъ

шаблонныхъ сужденій, которыя со временемъ изобрѣтенія книгопечатанія, съ такимъ успѣхомъ облегчаютъ процессъ мышленія. Онъ съ апломбомъ провозглашалъ старыя истины, останавливался на нихъ долго и подробно, и истины эти въ ушахъ не слишкомъ образованныхъ людей могли казаться новыми и оригинальными. Во всякомъ случаѣ, дѣвушкѣ интеллигентной по природѣ, но получившей едва лишь среднее образованіе, все то, что онъ говорилъ, могло казаться очень умнымъ и глубокимъ, тѣмъ болѣе, что все это говорилось очень рѣшительно и серьезно.

Сначала они вспоминали тѣ времена, когда Ядвига дружила съ Мариней, потомъ вспомнили свою первую встрѣчу на вокзалѣ, того ребенка, котораго уронили въ толпѣ и который къ счастью тогда не пострадалъ,—потомъ разговоръ ихъ перешелъ на пребываніе доктора въ разныхъ мѣстахъ, которыхъ Ядвига не знала. Докторъ сталъ разсказывать о нихъ и снабжалъ свои географическія и этнографическія описанія разными замѣчаніями, которыхъ нельзя найти у Бедекера, но которыми каждый журналистъ считаетъ нужнымъ украшать свои «Путевыя впечатлѣнія». Замѣчанія эти не всегда были удачны и, во всякомъ случаѣ, далеко не новы—но зато они не заставляли слушателя слишкомъ напрягать свои умственныя способности, а главное давали пріятное ощущеніе, что все это онъ уже гдѣ-то когда-то слышалъ и, слѣдовательно, это дѣйствительно такъ.

Мечиславъ говорилъ о флегматичности нѣмцевъ, о пылкости французовъ, обосновывалъ ихъ характеръ ссылками на этнографическія и климатическія условія, иллюстрировалъ ихъ примѣрами изъ исторіи и изъ личныхъ наблюденій. Онъ чувствовалъ себя почти Бэклемъ, когда говорилъ объ исторіи цивилизаціи Англіи. Чело-

вѣкъ, болѣе искушенный въ исторіи, чѣмъ Ядвига, отдавъ должное тѣмъ выводамъ, которые твердо установлены наукой, усомнился бы во всякомъ случаѣ въ томъ,— не подвергаются ли перемѣнамъ традиціонныя черты характера народовъ, не становится ли «медлительный» нѣмецъ, въ силу измѣнившихся условій жизни, все болѣе предпріимчивымъ и подвижнымъ, — не становится ли «порывистый» сынъ Галліи все болѣе тяжелымъ на подъемъ въ томъ сравнительномъ благополучіи, котораго онъ добился, и теперь никакъ не можетъ поспѣть со своимъ торговымъ флагомъ за берлинскимъ коммивояжеромъ. Но связь между внѣшнею медлительностью движеній и медлительностью душевной, казалась несомнѣнной и этого было достаточно, чтобы убѣдить Ядвигу.

Докторъ нашелъ въ своей сосѣдкѣ еще болѣе внимательную слушательницу, когда сталъ описывать ей свое пребываніе въ Шварцвальдѣ и сталъ вдохновенно сравнивать Шварцвальдскіе лѣса съ лѣсами своей родины. На фонѣ глуши и обособленности этихъ пространствъ сосноваго лѣса, онъ обрисовывалъ характеръ жителей, нѣсколько замкнутый, но необыкновенно искренній.

И онъ, конечно, не могъ не произвести впечатлѣнія на дѣвушку, съ которой никто никогда такъ еще не разговаривалъ. Несомнѣнно, женихъ изъ Волыни былъ изящнѣе и остроумнѣе, кое-кто изъ окружавшихъ ее былъ, пожалуй забавнѣе,—но здѣсь въ ея уши, умъ и сердце западали какія-то болѣе глубокія ноты, сильныя и незнакомыя. И какимъ разящимъ диссонансомъ показалось ей то, какъ морщится шуринъ, все время пытающійся вмѣшаться въ разговоръ, но все не улавливающій его нити.

— О чемъ это вы тутъ говорите? Все какія-то премудрости, поэзія?

Шуринъ и ему подобные, показались ей въ эту минуту особенно тривіальными. Если бы Жарковскій могъ знать, какъ онъ пордчеркнетъ въ глазахъ Ядвиги разящій контрастъ между тѣмъ, кого онъ хотѣлъ унизить въ глазахъ, и тѣми, кого хотѣлъ возвысить, онъ навѣрное воздержался бы отъ своего восклицанія. Теперь онъ только усилилъ сопротивленіе Ядвиги, и когда сестра, которая сидѣла противъ нея и слышала тирады Слушевскаго (оцѣнивая ихъ нѣсколько сдержаннѣе Ядвиги, а главное, не предполагая, что они могутъ вызвать какой-нибудь болѣе глубокій эффектъ), подошла къ сестрѣ съ какимъ-то ироническимъ замѣчаніемъ—Ядвига была уже забронирована въ какой-то панцырь и оставалась безчувственной ко всякой критикѣ.

Слушевскій танцовалъ съ Ядвигой довольно мало, но случай снова свелъ ихъ, когда, во время одной изъ фигуръ котильона, они снова столкнулись лицомъ къ лицу и имъ пришлось танцовать опять вмѣстѣ. Они очутились во главѣ огромной колонны танцующихъ, которая уходила вглубь залы линіей черныхъ фраковъ и разноцвѣтныхъ дамскихъ платьевъ.

Оркестръ снова грянулъ мазурку.

И въ этой толпѣ заиграло все то, что такъ глубоко сидитъ въ польской шляхтѣ, которая по своему характеру гораздо ближе къ деревенскому люду, чѣмъ къ горожанамъ—заиграла удаль и лихость славянъ-невольниковъ. Молодежь теперь только бы переодѣть: вмѣсто фраковъ дать контуши, дѣвушкамъ цвѣтныя рубашки, бархатные корсеты и нити кoралловъ—и тогда: «гуляй душа!». Подъ звуки грубоватой, но веселой музыки лихо притоптывали по полу лакированные ботинки, свер-

кали глаза, улыбались губы. Точь въ точь какъ на деревенской свадьбѣ: Ясекъ заломилъ набекрень шапку, а Марися стыдливо прикрыла рукою лицо.

Гордая головка Ядвиги, съ безсознательной кокетливостью развеселившейся польской дѣвушки, повернулась къ кавалеру съ такимъ выраженіемъ, въ которомъ былъ вопросъ и поощреніе:

— А ну? А ну?

Но это была только минута... и атмосфера музыки, пѣсни, свѣта, вина и темперамента уступила мѣсто обычной сдержанности, привычному самообладанію, которое такъ вкоренилось въ людяхъ, что стало ихъ второй натурой. Но докторъ чувствовалъ, что если только онъ не оставитъ своихъ намѣреній, то они не пропадутъ даромъ.

Возвращаясь домой и вспоминая всѣхъ тѣхъ красивыхъ женщинъ, которыхъ онъ видѣлъ на этомъ балу, онъ долженъ былъ въ душѣ согласиться съ тѣми, кто прославлялъ красоту полекъ. А свои соображенія относительно будущаго онъ заключилъ фразой, которая осталась у него въ памяти изъ какого-то французскаго водевиля:

— Le diable soit loué—mes affalres marchent bien!

IX.

Насколько справедливо было установившееся мнѣніе о красотѣ полекъ, лишній разъ доказалъ ему нѣмецкій балъ, на которомъ онъ присутствовалъ въ силу необходимости. Отъ корпуса офицеровъ запаса онъ получилъ приглашеніе на «Liebesmahl» вечеринку съ танцами. Это приглашеніе было равносильно приказанію, особенно послѣ того столкновенія, которое у него вышло раньше съ комендантомъ. Уклониться было невозможно. Къ довершенію всего, онъ убѣдился, что ужинъ въ нѣмецкой гостиницѣ Миліуса былъ отвратителенъ, рейнское вино—кислое, а шампанское такое, что его невозможно было пить. Комендантъ встрѣтилъ его многозначительными словами: «Я васъ ожидалъ»,—и указалъ ему на дочь одного изъ своихъ товарищей, поручая ему быть ея кавалеромъ за ужиномъ. Это былъ типъ безобразно-толстой нѣмки, съ руками и ногами померанскаго гренадера. Слушевскому въ этотъ вечеръ дѣйствительно не везло, такъ какъ на балу было нѣсколько очень красивыхъ нѣмокъ, и хуже своей дамы онъ найти здѣсь не могъ. Все общество состояло изъ чиновниковъ, врачей, профессоровъ, судейскихъ, среди которыхъ онъ узналъ нѣсколько лицъ, которыя примелькались ему на собраніи «гекатистовъ». Былъ здѣсь и совѣтникъ юстиціи Лянгеръ.

За время своего пребыванія въ Германіи докторъ имѣлъ уже возможность познакомиться съ обществомъ этого рода и зналъ, что большинство его членовъ и наружностью, и манерой одѣваться, и способомъ выражать свои мысли, стоитъ гораздо ниже польскаго общества такого же типа.

Общество, которое онъ здѣсь засталъ, въ культурно-эстетическомъ смыслѣ стояло даже еще ниже, чѣмъ въ другихъ большихъ нѣмецкихъ городахъ.

Сюда, «nach dem Ostmarken», людей заманивали, главнымъ образомъ, прибавки къ жалованью, кое-какія облегченія матеріальнаго свойства—въ видѣ авансовъ, единовременныхъ пособій, ссудъ, а главное—поддержка и покровительство властей, на которое они могли разсчитывать на каждомъ шагу. Ѣхали сюда, главнымъ образомъ, бѣдняки, которые должны были считаться съ каждой копѣйкой. Болѣе обезпеченные предпочитали довольствоваться скромными доходами у себя дома, чѣмъ отправляться сюда и жить «въ этой польской глуши». Въ чиновничьихъ нѣмецкихъ кругахъ давно уже установилось мнѣніе, что на востокъ попадаетъ лишь «уполъ и пѣна» нѣмецкой общественной жизни—люди, которымъ нужно загладить какой-нибудь проступокъ по службѣ, неудачники, которые не могли у себя дома выдвинуться, наконецъ—бѣдняки и карьеристы.

Одинъ товарищъ Мечислава, докторъ-нѣмецъ, которому обѣщали въ Познани мѣсто уѣзднаго врача, на которое онъ не могъ разсчитывать въ Германіи, сказалъ ему однажды:

— Если тебя къ этому не приговорили, то зачѣмъ добровольно убираться въ такую глушь?

Внѣшній обликъ этого общества находился въ полномъ соотвѣтствіи съ его внутреннимъ содержаніемъ.

Мундиры, согласно прусскимъ традиціямъ, сшитые для квадратообразныхъ фигуръ, не украшали тѣхъ, кто ихъ носилъ: эти люди прежде всего выказывали отсутствіе не только всякаго изящества, но прежде всего и эстетики, что еще можно было наблюдать въ костюмахъ штатскихъ. Штатскіе были въ меньщинствѣ. Это были, главнымъ образомъ, люди, которыхъ жестокая судьба за какое-нибудь служебное упущеніе лишила лейтенантскаго мундира. На нѣкоторыхъ изъ нихъ были фраки англійскаго покроя, который вошелъ въ моду у молодого поколѣнія нѣмцевъ, несмотря на всю жгучую расовую ненависть нѣмцевъ къ мощному противнику.

Женщины, почти всѣ безъ исключенія, были одѣты, какъ кухарки. Все же Слушевскій убѣдился, что его сосѣдка обладаетъ гораздо большимъ запасомъ знаній въ области точныхъ наукъ и гораздо болѣе начитана, по крайней мѣрѣ по литературѣ родной страны, чѣмъ молодыя польки, не говоря уже о старшемъ поколѣніи полекъ. По крайней мѣрѣ, на послѣднемъ балу онъ собственными ушами слышалъ, какъ какая-то мать разсказывала про своего сына, что онъ занимается политической экономіей потому, что еще съ дѣтства обнаруживалъ способности къ математикѣ—какъ будто экономія и математика были однимъ и тѣмъ же. Съ нѣмкой этого бы не случилось.

Воспользовавшись тѣмъ, что сосѣдка слушаетъ его внимательно, докторъ сталъ рисовать передъ ней кинематографическія картины своихъ познаній въ разныхъ областяхъ и привелъ ее въ такой восторгъ, что она заявила ему прямо, что онъ одинъ изъ умнѣйшихъ и интеллигентнѣйшихъ людей въ Познани. Правда, ни сообразительностью, ни умѣньемъ вести разговоръ фрейленъ Елизавета Гассе не могла равняться съ польками,—

но когда она своими глазами навыкатѣ смотрѣла на него, какъ на икону, панъ Мечиславъ съ гордостью подумалъ, что пусть пани Маріетта говоритъ, что ей угодно, но, не считая ея самой, которую онъ изъ-за панны Лужицкой совершенно оставилъ въ покоѣ, эта нѣмочка будетъ уже третьей его познанской поклонницей.

Было гораздо хуже, когда нѣмцы, послѣ ужина, принялись танцовать. Онъ не былъ слишкомъ большимъ эстетомъ, но, какъ врачъ, имѣлъ понятіе о взаимномъ расположеніи различныхъ членовъ человѣческаго тѣла, и потому неправильное перемѣщеніе ихъ во время танцевъ, невольно обращало его вниманіе. Впрочемъ, неестественность и неуклюжесть движеній была настолько присуща всѣмъ здѣшнимъ танцорамъ, что докторъ могъ бы считаться здѣсь профессоромъ хореографическаго искусства. Только кое-кто изъ офицерской молодежи могъ еще съ нимъ въ этомъ искусствѣ сравниться.

Комендантъ, вознаграждая его за то, что онъ такъ послушно явился, проявлялъ по отношенію къ нему изысканную заботливость и вѣжливость,—а потомъ, похваливши его за то, что онъ такъ ревностно ухаживаетъ за дамами, пригласилъ его отдохнуть за кружкой пива. Этотъ національный напитокъ вскорѣ смѣнилъ собою вино, и одинъ изъ присутствующихъ откровенно объяснилъ доктору, что это дѣлается не только изъ экономіи, но главнымъ образомъ потому, что всѣ здѣсь предпочитаютъ плохому вину «кружку хорошаго пива»— и въ искренности этого заявленія Слушевскому не пришлось сомнѣваться. Когда его представляли сидѣвшимъ въ буфетѣ офицерамъ, онъ услышалъ вдругъ фамилію: «фонъ-Маевскій». Это былъ молодой человѣкъ въ драгунскомъ мундирѣ.

— Помѣщикъ, — представлялъ его комендантъ. — Тоже одинъ изъ самыхъ благоразумныхъ!

Оба они покраснѣли.

— Вы полякъ? — спросилъ драгунъ по-нѣмецки съ оттѣнкомъ того снисходительнаго превосходства, съ которымъ кавалеристъ разговариваетъ съ носителями другихъ родовъ оружія.

Въ разговорѣ, который они вели на нѣмецкомъ языкѣ, онъ разсказалъ, что онъ юристъ, только что сдалъ государственные экзамены и намѣренъ здѣсь поселиться въ качествѣ адвоката. Онъ пріѣхалъ въ Познань позондировать почву, явился къ коменданту и тотчасъ получилъ приглашеніе на балъ.

— Вы понимаете, конечно,—прибавилъ онъ тихо попольски,—что я не очень хочу, чтобы объ этомъ узнали наши, но вѣдь мнѣ невозможно было отказаться,—впрочемъ, полякамъ-адвокатамъ не позволяютъ теперь открывать нотаріальныя конторы, а безъ этого адвокатура не стоитъ выѣденнаго яйца. Вотъ, если я покажу имъ, что я вовсе не революціонеръ, можетъ быть тогда... Вѣдь я служу въ двадцать четвертомъ драгунскомъ,—прибавилъ онъ не безъ гордости и тотчасъ сталъ разсказывать о томъ, какъ знаменитъ его полкъ и почему онъ ни въ чемъ не уступаетъ гвардіи.

— Вы только посмотрите, съ какимъ уваженіемъ относятся ко мнѣ товарищи изъ линейной пѣхоты, — закончилъ онъ громко по-нѣмецки.

Въ разговоръ вмѣшалось нѣсколько офицеровъ, которые тотчасъ съ нимъ согласились.

— Я не понимаю, почему нѣкоторые изъ вашихъ соотечественниковъ отказываются отъ счастья быть офицерами запаса,—недумѣвалъ комендантъ,—вѣдь это же неблагодарность!

— Намъ крайне прискорбно, что поляки, благодаря своимъ революціоннымъ капризамъ и своему упорству, заставляютъ насъ обращаться съ ними съ той нескромностью, которой они заслуживаютъ,—прибавилъ другой.

И полились опять тѣ же жалобы и тѣ же выводы, которые Слушевскій слышалъ на собраніи гекатистовъ, хотя они, конечно, высказывались теперь въ болѣе салонной формѣ. Слушевскому всячески хотѣли доказать, что всѣ польскія мечты о возрожденіи—это сонъ, которому никогда не суждено осуществиться.

— Вы, поляки, были когда-то народомъ, даже славнымъ народомъ, я это знаю,—проговорилъ комендантъ тономъ, недопускавшимъ возраженій,—но «были» — не значитъ: «есть». Вы уже не народъ, и никогда не будете народомъ, потому что вы слишкомъ слабы. Какой же смыслъ имѣетъ вся эта агитація, направленная будто бы къ сохраненію родного языка, а на самомъ дѣлѣ имѣющая конечной цѣлью возрожденіе Польши. Вѣрьте мнѣ,— онъ похлопалъ Слушевскаго по плечу,—вашимъ дѣтямъ если они у васъ будутъ (а этого я отъ души вамъ желаю, такъ какъ у меня у самого трое сыновей въ арміи), будетъ гораздо лучше, если они будутъ настоящими нѣмцами а не чѣмъ-то... ни тѣмъ, ни семъ. Потому что поляками имъ уже нельзя будетъ быть!

— Значитъ, вы къ намъ пристали по доброй волѣ?— говорилъ ему желѣзнодорожный врачъ, котораго онъ здѣсь встрѣтилъ, и въ тонѣ его слышалась иронія,—это очень хорошо,—вѣдь вы знаете, кто не съ нами—тотъ противъ насъ! А кто была эта путешествующая польская графиня, помните, тогда?

Слушевскій еле отъ него избавился; этотъ господинъ, со свойственнымъ ему цинизмомъ готовъ былъ предло-

жить ему записаться въ партію гекатистовъ, въ которой онъ самъ состоялъ ревностнымъ членомъ.

Балъ кончился, по нѣмецкому обычаю, довольно рано, и докторъ, разозленный всѣмъ тѣмъ, что ему пришлось здѣсь услышать, и въ то же время чувствуя, что ему не заснуть, рѣшилъ зайти въ городское казино.

Такъ какъ было время карнавала, и изъ провинціи съѣхалось множество помѣщиковъ, то казино было полно народу.

Была пятница, постный день—и бала не было. Камергеръ Стажецкій металъ банкъ въ écarté; передъ нимъ лежала груда банковыхъ билетовъ. Давно уже разорившись, онъ жилъ теперь доходами съ карточной игры. Игралъ онъ умѣло, съ опытностью стараго игрока. Проигравши два раза подъ рядъ, онъ всталъ, небрежно спряталъ остатокъ выигрышныхъ денегъ въ жилетный карманъ и отошелъ отъ стола. Къ его мѣсту бросились Эдвардъ Дуленскій и Генрихъ Властовскій, которые хотѣли держать банкъ пополамъ.

— А! докторъ милый, откуда вы такъ поздно?

Онъ разсказалъ, гдѣ былъ.

— Очень хорошо, — похвалилъ его Стажецкій,— очень правильно—вотъ увидите, когда они васъ ближе узнаютъ, они вамъ смогутъ очень пригодиться. А дѣвочки тамъ были красивыя? Знаете, докторъ, за одну хорошую нѣмку, я отдамъ всѣхъ глупыхъ полекъ. У польки сейчасъ же всякія фантазіи въ умѣ, идеалы, а нѣмка просто скажетъ: пойдемъ, миленькій,—и баста! Что это они тамъ орутъ?

За столомъ, за которымъ шла игра, поднялась дѣйствительно невѣроятная суматоха. Оказалось, что, когда банкометъ расплачивался за проигранную карту, со стола исчезъ двадцатимарочный билетъ. Никто не хотѣлъ со-

знаться въ ошибкѣ, всѣ называли свою ставку и показывали, сколько они получили. Эдвардъ, метавшій банкъ, настаивалъ на томъ, что эти деньги заплачены.

— Мнѣ уже однажды велѣли приплатить двадцать марокъ, сегодня я и не подумаю! Ручаюсь, что я не ошибся, такъ какъ мы считали вмѣстѣ съ Властовскимъ.

— Признайтесь, господа, лучше сразу, кто изъ васъ стянулъ, — шутливо посовѣтовалъ Макоцкій, вытягивая впередъ свою шею въ помятомъ воротничкѣ.—Вы, конечно, скажете, что это опять я?

Для посвященныхъ не было никакого сомнѣнія, что, поскольку Властовскаго подозрѣвали въ нечистой игрѣ, Макоцкій прибѣгалъ къ болѣе простому способу наживы, таская со стола деньги небольшими суммами. И если онъ не попадался, то исключительно благодаря своему нахальству.

— Пойдемъ въ клубъ, докторъ,—предложилъ камергеръ,—тутъ становится слишкомъ жарко! Ну, и публика, чортъ ее дери!

И онъ сплюнулъ на сторону, совершенно забывая, что самъ онъ ежедневно бываетъ въ этомъ обществѣ.

Докторъ отправился съ нимъ въ клубъ. Тамъ нѣсколько человѣкъ играли въ карты, среди нихъ былъ и директоръ банка Калькштейнъ, который каждый день вечеромъ игралъ здѣсь въ бриджъ.

Слушевскій чувствовалъ, что этотъ человѣкъ ищетъ съ нимъ сблизиться. Онъ нѣсколько разъ начиналъ съ докторомъ разговоръ сперва на общія темы, потомъ на политическія. Слушевскому это льстило.

Калькштейнъ былъ основателемъ и первымъ директоромъ банка Взаимопомощи,—это былъ горячій патріотъ и способный финансистъ, пользовавшійся всеобщимъ уваженіемъ. Банкъ Взаимопомощи былъ со-

зданіемъ его рукъ, онъ былъ его душой. Честный, благородный и дѣятельный старикъ умѣлъ заставлять уважать себя даже такихъ людей, какъ Стажецкій. Онъ любилъ молодежь и старался развивать въ нихъ національныя чувства. Онъ обратилъ вниманіе на доктора, въ которомъ видѣлъ свѣжую силу, и нѣсколько разъ, не навязывая ему своего мнѣнія, заводилъ съ нимъ разговоръ на политическія темы.

— Вы, господа, все продолжаете вести свѣтскій образъ жизни,—спросилъ онъ, шутя,—не берите съ меня примѣра, я—несчастный человѣкъ, по ночамъ спать не могу.

Онъ догоралъ въ чахоткѣ, но несмотря на это работалъ иногда цѣлыя ночи напролетъ.

— А все-таки придется тащиться домой,—нельзя ли кого-нибудь изъ васъ, господа, уговорить пойти вмѣстѣ со мной?

Слушевскій колебался. Ему хотѣлось заглянуть въ карточную комнату, а съ другой стороны, именно послѣ сегодняшняго вечера онъ бы съ удовольствіемъ поговорилъ съ Калькштейномъ о нуждахъ и горестяхъ поляковъ. Наконецъ, рѣшилъ сдѣлать послѣднее.

— Я провожу васъ, директоръ, намъ по пути!

Онъ самъ заговорилъ о томъ, что его угнетало.

Подъ вляніемъ того, что онъ видѣлъ за время своего короткаго пребыванія въ Познани, онъ пришелъ къ выводу, что городъ необыкновенно быстро онѣмечивается, хотя бы по сравненію съ недалекимъ прошлымъ. Даже внѣшній видъ его измѣнился: на улицахъ нѣтъ польскихъ надписей, размножились нѣмецкія фирмы,—нѣкоторыя учрежденія, которыя должны служить исключительно нуждамъ общества, заводятся съ исключительной цѣлью германизаціи, — напримѣръ, великолѣпный

музей и библіотека. Городъ полонъ чиновниковъ—и все это почти исключительно нѣмцы; сократилось число поляковъ, избираемыхъ въ городской совѣтъ,—изъ провинціи сюда приходятъ все болѣе неутѣшительныя извѣстія о полной апатичности населенія, о продажѣ земель въ руки нѣмцевъ черезъ колонизаціонную комиссію. Вѣдь вотъ, у него на глазахъ продано имѣніе Властовскихъ, вслѣдъ за нимъ были проданы еще три или четыре имѣнія. Повсюду онъ видитъ, какъ вкореняются тѣ «практическіе» взгляды, которые исповѣдуютъ господа Стычинскіе и Маевскіе. Оставляя въ сторонѣ ту невольную измѣну національному дѣлу, къ которой былъ вынужденъ Властовскій, можно указать и другіе примѣры, когда такую измѣну люди, какъ Стажецкій, не только не считаютъ нужнымъ скрывать, но даже цинично хвастаются ею. Все это даетъ возможность дѣлать очень грозныя предсказанія:

— Мы должны погибнуть, мы слишкомъ слабы въ сравненіи съ ними!

И когда докторъ говорилъ все это, онъ самъ задрожалъ при мысли, что и самъ онъ поддается общему настроенію: то, что еще недавно онъ отвергъ бы безъ всякаго колебанія, какъ преступленіе противъ своей души, быть можетъ, когда-нибудь случится и съ нимъ. Неужели такъ будетъ? Нѣтъ, это невозможно!

Калькштейнъ выслушалъ его.

— Дорогой докторъ, эти минуты сомнѣнія, которыя вы переживаете, всѣ мы уже пережили. Это не грѣхъ и не преступленіе. Если Костюшко не сказалъ: «finis Poloniae», послѣ того, какъ были разбиты его войска, и Польша потеряла самостоятельность, то возможно, что онъ былъ недалекъ отъ этой мысли. Мысль эта мелькала въ головѣ у очень многихъ и, ручаюсь вамъ, именно

у тѣхъ, кто особенно сильно любилъ родину. А тѣ, чье сердце разорвалось при видѣ всѣхъ несчастій Польши?.. А вѣдь были и такіе, — говорятъ даже, докторъ, что сердце, мозгъ и заботы подтачиваютъ насъ больше, чѣмъ болѣзни. А тѣ, что кончали съ собой, когда имъ въ 1830 году пришлось перейти польскую границу и сложить оружіе? Или тѣ, которые не могли пережить 1863 года, когда все уже дѣйствительно было потеряно? Всѣ эти люди пали подъ бременемъ отчаянія—а все-таки Польша еще жива, Польша еще есть!

Разговоръ этотъ нѣсколько ободрилъ Слушевскаго. Но всѣмъ его сомнѣніямъ суждено было возродиться снова, когда ему пришлось услышать то мнѣніе о Калькштейнѣ, которое установилось за нимъ въ кругу, въ которомъ вращался докторъ: говорили, что это фанатикъ, который дѣлаетъ безплодныя попытки бороться съ прусскимъ могуществомъ, какъ это дѣлалъ нѣкогда его дѣдъ, который за это поплатился жизнью. Факты, на которые ему пришлось натолкнуться впслѣдствіи, только усилили эти сомнѣнія.

X.

Карнавалъ закончился нѣсколькими раутами и концертами, которые пришлись уже въ постъ. Слушевскій такъ и не сдержалъ даннаго себѣ слова—принять окончательное рѣшеніе относительно своей женитьбы. Женитьба попрежнему казалась ему чѣмъ-то безусловно необходимымъ, улучшились даже и нѣкоторыя обстоятельства, которыя могли облегчить этотъ шагъ. Прежде всего—увеличилась его практика, при чемъ немалую роль сыграли тѣ знакомства, которыя онъ завязалъ во время карнавала. Его теперь знали всѣ и, если случалось, что кому-нибудь изъ его знакомыхъ нуженъ былъ докторъ, то предпочитали обращаться къ нему, а не къ другому, такъ какъ знали, что онъ человѣкъ очень воспитанный и любезный. Честное лицо старухи-служанки, которая неизмѣнно караулила у двери его кабинета, понемногу стало внушать довѣріе и женщинамъ-паціенткамъ. И все же Слушевскій счелъ болѣе практичнымъ и даже необходимымъ отложить этотъ рѣшительный шагъ до того времени, когда смогутъ выясниться шансы его женитьбы на той, кого онъ ставилъ на первое мѣсто среди всѣхъ другихъ: на Ядвигѣ Лужицкой. Что касается ея самой, то онъ болѣе или менѣе былъ увѣренъ. Разставаясь съ нею, онъ спросилъ, рѣшилась ли бы она довѣрить свою судьбу и свое счастье человѣку, который любитъ ее, но который во многихъ отношеніяхъ не

отвѣчаетъ, вѣроятно, идеалу, созданному ею въ мечтахъ; при этомъ онъ такъ прозрачно намекалъ на себя, что у нея не могло быть на этотъ счетъ никакихъ сомнѣній. Она отвѣтила искренно и просто; правда, зондируя почву, онъ не называлъ себя прямо, и потому отвѣтъ ея носилъ нѣсколько теоретическій характеръ. Она не сказала ему: «я твоя!»—но Слушевскій уже не сомнѣвался, что тотъ «человѣкъ», котораго онъ описывалъ, можетъ разсчитывать на ея: «да». Непремѣннымъ условіемъ въ этомъ вопросѣ было—разрѣшеніе той власти, которая имѣетъ право распоряжаться рукою дочери.

Что касается именно этого вопроса, то Слушевскій сталъ тщательно обдумывать всѣ шансы за и противъ и попутно старался разузнать, каковы вообще могутъ быть планы семьи относительно замужества Ядвиги. Она происходила изъ хорошей семьи и большого приданаго у нея не было. Она уже дважды отказала тѣмъ, кто добивался ея руки, и это, конечно, не могло не пугать другихъ возможныхъ претендентовъ, тѣмъ болѣе, что дѣвушка и безъ того слыла въ обществѣ капризной. На горизонтѣ не было видно ни одного настоящаго «жениха». Панъ Феликсъ Жентицкій, послѣ отказа Ядвиги сунулся-было къ Тосѣ Милецкой, но получилъ жестокій отпоръ отъ отца, который, не предложивъ даже Феликсу раздѣться для осмотра, заявилъ окружающимъ, что такому физическому и нравственному недоноску онъ дочери не отдастъ. И панъ Феликсъ рѣшительно повернулъ фронтъ къ «фарфоровой фигуркѣ»,—по крайней мѣрѣ всѣ замѣтили, что онъ ходилъ за ней, какъ теленокъ за коровой и пялилъ глаза. Въ результатѣ всѣхъ этихъ соображеній Слушевскій рѣшилъ, что ему придется лишь дождаться того времени, когда Жентицкій женится. Лужицкіе потеряютъ послѣднюю надежду на

этотъ бракъ—тогда онъ и сможетъ выставить свою кандидатуру. Онъ предполагалъ, что все это сойдетъ далеко не гладко, но не сомнѣвался въ конечной удачѣ.

Въ то же время предложеніе, которое онъ сдѣлалъ Ядвигѣ, въ сущности, не было еще предложеніемъ, такъ какъ онъ не называлъ себя, а потому Ядвига могла со спокойной совѣстью не говорить о немъ отцу.

Вопросъ этотъ, слѣдовательно, оставался открытымъ.

Ждать докторъ могъ сколько угодно, ничѣмъ не рискуя, такъ какъ въ запасѣ оставалась Полина Стычинская, которая замужъ сейчасъ не собиралась. За ней, правда, ухаживалъ Эдвардъ Дуленскій, но тутъ что-то произошло. Полина говорила, что она сама «спровадила его съ трескомъ», но болѣе вѣроятно было то, что говорили про это въ обществѣ: будто отецъ Стычинскій, когда Эдвардъ попробовалъ поразспросить его относительно тѣхъ ста тысячъ талеровъ, которые онъ предполагалъ дать за дочерью, отвѣтилъ шутливо, что сто тысячъ онъ дастъ, но только не талеровъ, а бутылокъ венгерскаго вина («къ тому же прокисшаго»,—язвительно прибавляли иные). «Я за такого дармоѣда дочери не отдамъ».

Мариня Слушевская такъ и не пріѣхала на карнавалъ, такъ какъ отцу ея было хуже, и она не хотѣла его оставлять. Но, очевидно, Полина сообщала ей въ своихъ письмахъ всѣ новости, писала ей, вѣроятно, и Ядвига. Во всякомъ случаѣ, докторъ неоднократно получалъ отъ сестры письма, въ которыхъ она бранила его за его вѣтренность. Письма эти радовали его. Изъ нихъ онъ узналъ, что Полина на него злится; въ одномъ изъ писемъ Мариня дѣлала ему выговоръ за то, что онъ дурно поступилъ съ Полиной, но что съ другой стороны,

она, какъ любящая сестра, не хочетъ брать на себя отвѣтственности и отговаривать его отъ другихъ проектовъ, которые, быть можетъ и не совсѣмъ неосуществимы, хотя и трудно выполнимы. Очевидно, Ядвига о чемъ-то писала Маринѣ, вѣроятно, такъ, между прочимъ, но сестра своимъ женскимъ инстинктомъ угадала въ чемъ дѣло и тотчасъ вывела свои заключенія. Во всякомъ случаѣ, докторъ временно могъ успокоиться.

Однажды вечеромъ Стычинскій зашелъ въ кафе при казино, гдѣ обычно собирались на чашку послѣобѣденнаго кофе тѣ, кому нечего было дѣлать и кто хотѣлъ посплетничать и узнать какія-нибудь новости. Окна кафе выходили на центральную площадь,—глазѣя въ нихъ, посѣтители ждали, что вдругъ что-нибудь случиться. Но тамъ никогда ничего не случалось.

— Ну, что же, докторъ, женитесь вы на этой обезьянѣ, Стычинской?—спросилъ Макоцкій, самолюбіе котораго было задѣто тѣмъ, что онъ, знавшій всѣ новости раньше, чѣмъ онѣ появлялись въ газетахъ (это не мѣшало ему, впрочемъ, отпираться отъ нихъ самымъ наглымъ образомъ, когда онѣ оказывались ложными, и когда онъ кого-нибудь ими подводилъ), не могъ удовлетворить по этому вопросу любопытства тѣхъ, кому за ужинъ или денежную поддержку онъ сообщалъ всѣ городскія новости.

— Впрочемъ, это вамъ лучше знать,—обратился онъ къ Эдварду Дуленскому,—вѣдь вы за ней ухаживали.

— Я не ухаживалъ, но предупреждаю, что тутъ недалеко стоятъ билліардные кіи, крѣпость которыхъ я могу испытать на вашей спинѣ.

Макоцкій затихъ и, чтобы задобрить Эдварда, сталъ прославлять прелести какихъ-то двухъ бѣлошвеекъ, которыя жили на окраинѣ города и съ которыми онъ

предлагалъ познакомить всякаго, кто этого пожелаетъ.

— Но младшую изъ нихъ я сохраню для Стажецкаго, — прелестная дѣвушка, ей и шестнадцати лѣтъ нѣтъ, а онъ такихъ любитъ!

— Amateur des fruits verts!—разсмѣялся Генрихъ Властовскій.

— Чортъ бы его побралъ! Другого давно бы ужъ сцапали,—вставилъ молодой Жарковскій, котораго жена послала въ Познань за покупками и который, хотя онъ и не измѣнялъ женѣ, все еще продолжалъ интересоваться похожденіями своихъ сверстниковъ-холостяковъ. — Это сходитъ ему безнаказано только потому, что онъ дружитъ съ полиціей.

Нужно было обладать всей безтактностью Жарковскаго, чтобы заговорить вслухъ о томъ, о чемъ всѣ знали, но о чемъ говорить никто не рѣшался.

Эдвардъ и Генрихъ смущенно переглянулись.

Къ счастью, ихъ вывелъ изъ затруднительнаго положенія Макоцкій, у котораго тоже совѣсть была не очень чиста, ибо и онъ дружилъ съ представителями прусской власти, хотя его въ тѣхъ кругахъ цѣнили меньше, чѣмъ Стажецкаго, который былъ гораздо интеллигентнѣе.

— Оставьте вы политику всѣмъ этимъ вшивымъ народникамъ; я только не понимаю, какъ такой магнатъ, такой аристократъ, какъ князь Фердинандъ Радзивиллъ, можетъ выдержать въ обществѣ такихъ людей, какъ Сейда, Корфанти и tutti quanti,—сказалъ онъ въ рифму.—Я бы съ ними компанію ни за что не сталъ водить!

— Да васъ бы объ этомъ и не попросили,—разсмѣялся Эдвардъ.

— Или взять хотя бы молодого Мельжинскаго, —

разъѣзжаетъ онъ на автомобилѣ отъ избы къ избѣ, агитируетъ; говорятъ, въ одной деревнѣ онъ выпалилъ такую рѣчь, что глупое мужичье готово было за нимъ итти въ огонь и въ воду.

— Красный графъ,—пробормоталъ Генрихъ.

— A la belle comtesse радуется, — вставилъ Жарковскій, отдавая должное красотѣ графини, — она слыла красавицей не только у себя на родинѣ, но даже и въ Варшавѣ, которая никакъ не можетъ пожаловаться на отсутствіе красивыхъ женщинъ.

— Народники основываютъ новую газету: «Познанскій Курьеръ»,—важно докладывалъ Макоцкій.—«Познанская Газета» съ ума сходитъ отъ бѣшенства, у редактора разлитіе желчи!

Но вѣдь «Курьеръ» существовалъ уже давно,—мой отецъ раньше его выписывалъ, такъ какъ говорилъ, что «Газета» слишкомъ либеральна, я самъ ее читалъ.

— Тотъ, да не тотъ,—важно объяснилъ Макоцкій,—тотъ былъ, какъ бы это сказать... ультрамонтанскаго направленія, а это будетъ совсѣмъ въ новомъ духѣ, только названіе останется прежнее.

— Тотъ прекратился отъ недостатка средствъ,—сказалъ Эдвардъ, который изъ всей этой компаніи больше всѣхъ интересовался общественными дѣлами, что объяснялось вліяніемъ сестры,—съ тѣхъ поръ, какъ панъ Людвигъ Мыценскій ѣздилъ въ Римъ къ мудрому Рамполли — и тщетно! Прошли тѣ времена, когда Пій IX освящалъ польскія знамена.

— Что освящалъ? гдѣ? когда?—спросилъ Макоцкій съ искреннимъ недоумѣніемъ, такъ какъ, повидимому, не зналъ объ этомъ историческомъ событіи.

— Какъ, когда? Во время возстанія.

— Итакъ, возстанемъ и пойдемъ играть,—закончилъ Генрихъ.

— Куда, господа? — спросилъ Слушевскій, который стоялъ со Старжецкимъ у двери.

— Въ казино!

— Ну, ладно. Идите стричься, бараны, я одного уже съ собой веду.

Они быстро пошли по улицѣ, такъ какъ поднялся сильный вѣтеръ и засыпалъ пылью глаза.

Въ казино къ нимъ присоединился еще докторъ Бушкевичъ, угрюмый и мрачный.

— Что съ вами, докторъ?—съ любопытствомъ спросилъ Макоцкій.

— Какъ, вы еще не знаете?—импровизировалъ за него Эдвардъ.—Онъ получилъ наслѣдство послѣ тетки, подъ Чарнковомъ.

— Ну, я бы на вашемъ мѣстѣ не сталъ печалиться,—убѣжденно возразилъ Макоцкій.—И большое наслѣдство?.. Я никогда туда не ѣздилъ.

— Нѣтъ, всего нѣсколько сотъ десятинъ,—но вы представить себѣ не можете, какъ туда непріятно ѣздить. Вы, вѣроятно, знаете, что во всемъ княжествѣ Познанскомъ всѣ шоссейныя дороги построены по вѣтру,—вѣдь такъ?

Макоцкій смутился. Въ этомъ онъ не былъ увѣренъ. Взглянулъ на присутствующихъ. Ихъ лица были серьезны. Одинъ только Жарковскій, не понявъ шутки, хотѣлъ-было возразить, но Эдвардъ потянулъ его за рукавъ и сказалъ серьезно:

— А въ Чарнковскомъ уѣздѣ всѣ дороги построены противъ вѣтра, вотъ почему туда непріятно ѣздить.

— Отчего же... это такъ глупо сдѣлали?

— Это еще во времена польской независимости,— землемѣръ ошибся!

— Вотъ дуракъ,—возмутился Макоцкій.

— Прусское правительство этого бы не допустило, неправда ли?

— Ну, конечно.

Вечеромъ всѣ, кто хотѣлъ и не хотѣлъ, знали уже отъ Макоцкаго, что у Бушкевича умерла тетка и что онъ получилъ послѣ нея наслѣдство, но, увы! тамъ, подъ Чарнковомъ, всѣ шоссейныя дороги проведены противъ вѣтра.

— А что дѣлаетъ вашъ пріятель Заклика?—спросилъ Слушевскаго Макоцкій, который былъ очень падокъ на новости,—я давно его уже нигдѣ не вижу.

— Работаетъ,—я вчера былъ у него, онъ сидитъ надъ проектомъ устава Центральнаго Земскаго банка, дѣятельность котораго должна быть направлена противъ правительственнаго проекта о принудительнмъ отчужденіи.

— Неужели?—заинтересовался Стажецкій.—Что же это будетъ за уставъ?

Докторъ разсказалъ приблизительно то, что слышалъ отъ Заклики во время разговора въ редакціи.

Между тѣмъ Бушкевичъ, хотя онъ и не оплакивалъ никакой тетки, былъ разстроенъ, какъ онъ признался Слушевскому, по двумъ причинамъ. Во-первыхъ, практика его ни на шагъ не подвигалась, несмотря на всѣ его усилія («такъ бываетъ иногда, не везетъ просто»), во-вторыхъ, онъ влюбился безъ взаимности въ Тосю Милецкую; хотя онъ былъ и недурной малый, но почему-то отпугивалъ панну. Кромѣ того онъ былъ безъ денегъ и безъ практики, а потому не могъ разсчитывать на поддержку Милецкаго-отца, несмотря на все его добродушіе и искреннее расположеніе къ молодежи.

Мечислава это заинтересовало вдвойнѣ: во-первыхъ, если бы Бушкевичъ женился на Милецкой, отпалъ бы одинъ изъ тѣхъ молодыхъ людей, которыхъ перечисляла ему иногда Полина и о которыхъ она говорила, что стоитъ ей только пальцемъ поманить и они будутъ у ея ногъ; кромѣ того, если бы такому голышу, какъ Бушкевичъ, удалось бы жениться на Милецкой, то онъ Слушевскій имѣлъ бы полное право разсчитывать на руку панны Лужицкой. Впрочемъ, примѣръ брака самъ по себѣ заразителенъ. Всѣ эти разсужденія привели его къ мысли, что ему стоитъ заняться участью своего товарища. И онъ обѣщалъ ему, насколько возможно, помочь ему въ смыслѣ расширенія практики, хотя обѣщаніе это носило скорѣе платоническій характеръ; кромѣ того, онъ совѣтовалъ ему переселиться въ какой-нибудь маленькій городъ, гдѣ онъ могъ бы зарабатывать хоть что-нибудь частной практикой. Посовѣтовалъ онъ ему еще—сходить какъ-нибудь вечеромъ въ винный погребъ, куда онъ самъ иногда заглядывалъ и гдѣ онъ встрѣчалъ обычно доктора Милецкаго, который самъ не пилъ и заходилъ туда только для того, чтобы повидаться съ своимъ старымъ другомъ, докторомъ Броновичемъ, товарищемъ по школьной скамьѣ. Въ этомъ же погребѣ всегда можно было видѣть и совѣтника юстиціи Миллера, такъ какъ онъ только здѣсь и бывалъ въ свободные отъ занятій часы, тутъ же просиживалъ и докторъ Самкевичъ, съ фіолетовымъ носомъ.

Бывалъ здѣсь и Стычинскій, «хозяинъ», бывали и другіе старики, всякихъ убѣжденій и воззрѣній.

Въ ближайшій день, когда Слушевскій зашелъ въ погребъ, ему не удалось достигнуть своей цѣли и ближе познакомить товарища съ будущимъ тестемъ. Когда онъ сталъ жаловаться на невозможное положеніе врачей въ Познани, кое-кто изъ присутствующихъ сказалъ ему, что

съ другими профессіями дѣла обстоятъ еще хуже. Боясь, какъ бы его жалобы, не сочли за личныя жалобы, и какъ бы на основаніи ихъ не вывели нелестное заключеніе о его собственной практикѣ, Слушевскій долженъ былъ перемѣнить разговоръ. Зато онъ замѣтилъ, что сидѣвшій здѣсь докторъ Самкевичъ, у котораго тоже была дочь на выданьи, какъ-то многозначительно молчалъ и (быть можетъ это только показалось Мечиславу) сталъ внимательно присматриваться къ молодому эскулапу, которому протежировалъ Мечиславъ. Но это совершенно не входило въ его планы—онъ пришелъ сюда только за тѣмъ, чтобы какъ-нибудь наладить дѣло Бушкевича съ панной Милецкой.

Зато любопытство Мечислава нашло здѣсь обильную пищу. Онъ услышалъ, что Властовскій, послѣ продажи Властова, привлекалъ къ суду чести всѣхъ тѣхъ, кто обвинялъ его въ измѣнѣ національному дѣлу. Пресса вела противъ него вполнѣ заслуженную кампанію, обвиняя его въ томъ, что онъ своимъ нерадѣніемъ и неумѣлостью довелъ имѣніе до такого состоянія, что вынужденъ былъ его продать. «Берлинскій дневникъ», польская газета, редактированная Карломъ Розе, требовлъ чтобы общественное мнѣніе не дѣлало никакой поблажки для тѣхъ, кто вредилъ національному дѣлу.

Прессу раздражало еще и то, что Властовскіе сейчасъ же послѣ продажи Властова стали показываться въ обществѣ, бывать на балахъ, играть въ карты въ клубахъ—и вообще вели себя демонстративно.

Если у нихъ на все это хватаетъ денегъ, то они не могутъ оправдываться тѣмъ, что рѣшились на продажу Властова изъ-за безвыходной нужды. Старикъ Властовскій быть можетъ и не былъ такъ виноватъ, какъ другіе, но ему, какъ это часто бываетъ, пришлось отвѣчать за вину

другихъ. Сначала, чтобы оправдать себя въ глазахъ общества, онъ пытался сослаться на то, что въ минуту заключенія купчей крѣпости, онъ былъ невмѣняемъ. Но потомъ, видя, что многіе сочувствуютъ его горю, сталъ постепенно привыкать къ мысли, что онъ человѣкъ безвинно-пострадавшій. И поэтому теперь онъ сталъ требовать суда и оправдательнаго приговора. Ему говорили, что это нѣсколько рискованно, потому что судъ можетъ посмотрѣть на дѣло иначе, чѣмъ смотритъ онъ, но онъ отвѣтилъ:

— Мнѣ это все равно. Пусть хоть разъ все это кончится!

Судьями онъ пригласилъ Жарковскаго-отца и, такъ называемаго, «барона» Грабовскаго. Выборъ перваго надо было признать удачнымъ. Жарковскій хотя и былъ неисправимый аристократъ и его поэтому можно было заподозрить въ излишней снисходительности къ подсудимому, который тоже происходилъ изъ аристократіи,—былъ въ то же время (и это знали всѣ) настоящимъ патріотомъ. «Барона» общество знало только потому, что назвавъ себя однажды въ шутку барономъ, онъ сталъ потомъ всегда такъ себя титуловать, утверждая, что каждый польскій шляхтичъ равенъ заграничному барону.

Представители прессы выбрали съ своей стороны доктора Милецкаго, извѣстнаго своимъ патріотизмомъ и,—когда Броновичъ, какъ свойственникъ подсудимаго, отказался отъ участія въ судѣ, выборъ ихъ палъ на Стычинскаго, который пользовался въ городѣ несомнѣннымъ авторитетомъ. Судьи въ свою очередь выбрали предсѣдателемъ графа Ворскаго, одного изъ наиболѣе крупныхъ земельныхъ собственниковъ въ Познани.

Судъ происходилъ нѣсколько дней спустя. Приговора всѣ ожидали съ любопытствомъ. Но приговоръ оказался

далеко не такимъ, какъ предполагало большинство. Судьи съѣхались въ Познани, въ квартирѣ Милецкаго и прежде всего выслушали объясненіе сторонъ. Властовскій явился лично—волновался, умолялъ со слезами на глазахъ вѣрить всему, что онъ говоритъ; пресса была представлена въ лицѣ повѣреннаго. Изслѣдовавъ относившійся къ дѣлу матеріалъ, главнымъ образомъ свѣдѣнія о задолженности Властова въ банкахъ и частныхъ рукахъ въ моментъ продажи, а также тѣ предложенія, которыя дѣлали Властовскому разныя лица о продажѣ Властова и которыя, конечно, были гораздо менѣе выгодны, чѣмъ предложенія колонизаціонной комиссіи, судъ перешелъ къ обсужденію дѣла по существу.

Первымъ говорилъ предсѣдатель.

— Господа! Разсмотрѣвъ предложенный намъ матеріалъ и тѣ предложенія, которыя были сдѣланы господину Властовскому о покупкѣ его имѣнія, мы видимъ, что онъ прежде всего старался войти въ соглашеніе съ покупателями-поляками. Къ сожалѣнію это не привело ни къ какимъ результатамъ и заставило его съ душевной болью примириться съ продажей Властова колонизаціонной комиссіи. Я держусь того мнѣнія, что нашъ приговоръ можетъ быть только оправдательнымъ. Господинъ Властовскій сдѣлалъ все, что могъ, чтобы спасти свое имѣніе отъ перехода въ нѣмецкія руки. Поступая такъ, какъ онъ поступилъ, онъ спасъ, во всякомъ случаѣ, нѣсколько десятковъ тысячъ марокъ. Самъ ли онъ плохо хозяйничалъ, или семья его расходовала больше, чѣмъ могла, этого я не касаюсь. Да и трудно требовать отъ насъ, чтобы мы давали отчетъ о нашихъ расходахъ каждому журналисту. Вотъ, что меня возмущаетъ: всѣ эти господа, которые сидя на редакціонныхъ креслахъ, извините за выраженіе, протираютъ свои единственныя брюки, постановляютъ о

насъ какіе-то заочные приговоры. Мы должны дать господину Властовскому полное удовлетвореніе. Я по крайней мѣрѣ держусь такого мнѣнія и не предполагаю, чтобы можно было держаться другого.

Барону ужасно понравилось выраженіе о потертыхъ брюкахъ и, съ гордостью взглянувъ на свои безукоризненно сшитые брюки, онъ поспѣшилъ торжественно заявить:

— Я совершенно согласенъ.

Но Жарковскій, мнѣнія котораго ожидалъ теперь Ворскій, впившись въ него глазами, упирался.

Оправдать безусловно, особенно принимая во вниманіе, тотъ справедливо установившійся взглядъ на продажу земли въ нѣмецкія руки, какъ на измѣну національному дѣлу, нельзя. Можно и даже надо принять во вниманіе всѣ смягчающія вину обстоятельства и формулировать приговоръ такъ, чтобы онъ не былъ оскорбителенъ для Властовскаго.

Но у Жарковскаго былъ одинъ недостатокъ, свойственный очень многимъ хорошо воспитаннымъ людямъ: онъ терпѣть не могъ споровъ, ссоръ, препирательствъ, — онъ питалъ къ нимъ какое-то органическое отвращеніе и всячески ихъ избѣгалъ.

Когда Ворскій сталъ рѣзко нападать на него, и доказывая ему правильность своего взгляда, дѣлалъ это такимъ тономъ, который не допускалъ возраженій, когда онъ при этомъ сталъ ссылаться на слезы сѣдовласаго старца, котораго обвинительный приговоръ могъ бы довести до какого-нибудь несчастія, даже до самоубійства, Жарковскій понемногу сталъ уступать свою позицію. Совершенно неожиданнаго союзника Ворскій нашелъ въ Стычинскомъ. Графъ убѣдилъ его, главнымъ образомъ словами, о томъ, что никому нельзя заглядывать въ чужой карманъ. Кромѣ того, Ворскій импонировалъ ему какъ

графъ, какъ очень богатый человѣкъ и способный финансистъ. То, что говорилъ такой человѣкъ, для Стычинскаго было свято. Одинъ только Милецкій, который искренно жалѣлъ Властовскаго, не позволилъ Ворскому переубѣдить себя и остался при особомъ мнѣніи.

Приговоръ этотъ вызвалъ всеобщее возмущеніе, но во всякомъ случаѣ онъ былъ вынесенъ одними изъ самыхъ уважаемыхъ гражданъ страны, — и Слушевскій болѣе чѣмъ когда-либо сталъ склоняться къ той мудрости, которая выражена пословицей:

— Съ волками жить, по-волчьи выть.

XI.

Лѣто жаркими лучами врывалось въ самые тѣсные закоулки города, несло туда запахъ полей и луговъ. Каштановыя деревья въ аллеѣ Вильгельма зеленой лентой разрѣзали городъ пополамъ. Та половина города, въ которой находился вокзалъ, была отстроена сравнительно недавно и въ ней жили исключительно нѣмцы. Центромъ этой половины былъ вновь отстроенный замокъ, резиденція наслѣдника престола. По другую сторону аллеи находился старый городъ, населенный поляками и евреями. По серединѣ рынка стояла ратуша, памятникъ прежнихъ временъ, съ польскимъ орломъ надъ входной дверью, который теперь былъ перекрашенъ въ черный цвѣтъ, посѣрѣвшій отъ дождей и солнца. Это былъ точно символъ всей Познани, онѣмеченной, но еще не нѣмецкой, символъ всѣхъ тѣхъ мулатовъ, въ которыхъ перемѣшиваются польскіе и нѣмецкіе элементы, не сливаясь въ одно цѣлое, символъ тѣхъ половинчатыхъ людей, которые пользуются еще польскимъ языкомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ-то безсознательно—въ самомъ способѣ мышленія, въ самыхъ взглядахъ на жизнь—онѣмечены. Въ этой же части города находился древній іезуитскій костелъ, Фара—съ его мощными колоколами, которые призывали къ молитвѣ не только горожанъ, но и подгородныхъ бамбровъ, потомковъ баварскихъ колонистовъ, изъ-подъ Бамберга, которые разбогатѣли на польской землѣ и ополячились

еще во времена Рѣчи Посполитой. Теперь они ничѣмъ не отличались отъ поляковъ и только женщины еще сохраняли свою характерную одежду: нѣчто въ родѣ кокошника на головѣ—и обычай носить нѣсколько юбокъ одну на другой, что дѣлало ихъ фигуры необыкновенно толстыми, какъ бы въ кринолинахъ. Эта часть города заканчивалась предмѣстьемъ, въ которомъ жила польская беднота. Тутъ же, въ предмѣстьѣ, находился и старинный кафедральный соборъ съ гробницами королей — Мѣшко Стараго и Болеслава Храбраго.

Въ эту часть города Мечислава Слушевскаго загнала не погоня за паціентами — вѣдь что можно было заработать отъ этихъ бѣдняковъ, мелкихъ ремесленниковъ и торговцевъ,—а предвыборная агитація, въ которой эта часть города, говоря правду, нуждалась менѣе всего, такъ какъ именно здѣсь, среди этой бѣдноты всѣ очень серьезно относились къ исполненію своего гражданскаго долга. Правда исполненіе этого долга могло дать имъ очень мало, особенно теперь, во время выборовъ въ городской совѣтъ, такъ какъ выборная система была основана на принципѣ поддержки богатыхъ классовъ, и потому въ рукахъ нѣмцевъ, класса наиболѣе богатаго въ Познани, было огромное преимущество: изъ шестидесяти гласныхъ за поляками оставалось всего лишь десять мѣстъ. А между тѣмъ поляки составляли 60 процентовъ всего населенія Познани.

Доктору пришлось разносить избирательные бюллетени по предложенію комитета; онъ принялся за это дѣло безъ всякаго энтузіазма, такъ какъ ему не очень улыбалось взбираться на пятые этажи или спускаться въ подвалы. Кромѣ того, исходъ выборовъ былъ заранѣе извѣстенъ, и бороться съ ними было совершенно невозможно.

Но ему стало какъ-то немного неловко, когда онъ увидѣлъ, какое огромное значенiе придавали выборамъ всѣ эти бѣдняки. Это его даже удивило. Никакой агитацiи здѣсь не было нужно.

— Вы только оставьте намъ карточки,—сказала ему жена какого-то ремесленника, котораго онъ не засталъ дома.

— А вашъ пойдетъ?—спросилъ онъ для большей увѣренности.

— Какъ же не пойти? Онъ бы не посмѣлъ своимъ на глаза показаться,—вѣдь мы поляки!

Тутъ дѣйствительно жилъ еще настоящiй патрiотизмъ, тутъ люди по настоящему чувствовали себя поляками. Отступника они клеймили позоромъ.

Далеко не то было среди богатыхъ классовъ. Здѣсь, чтобы избѣгнуть тяготы подоходнаго налога, люди зачастую уменьшали цифры своего дохода, и тѣмъ самымъ переходили изъ одного класса выборщиковъ въ другой, гдѣ ихъ голосъ значилъ уже гораздо меньше. Жалобы на обходъ подоходнаго налога, изобрѣтеннаго генiальнымъ прусскимъ финансистомъ Микелемъ, очень часто раздавались въ Германiи. Но здѣсь, въ Познани было несмѣтное множество чиновниковъ, доходы которыхъ можно было немедленно проконтролировать, а потому случаи уменьшенiя доходовъ среди нѣмцевъ были сравнительно рѣдки.

Возвращаясь домой изъ предмѣстья, онъ встрѣтилъ доктора Милецкаго.

— Вы, вѣрно, отъ ксендза-архiепископа? — спросилъ онъ его съ удивленiемъ, видя что онъ идетъ рядомъ съ какой-то бѣдно одѣтой женщиной.

— Нѣтъ, я теперь рѣдко къ нему захожу,—я поставилъ свой дiагнозъ, кстати сказать, очень неутѣшительный. Броновичъ подтвердилъ его. Недолго осталось жить на-

шему архипастырю. Кто будетъ послѣ него? О полякѣ нечего и думать. Не дай Богъ, чтобы ксендзъ Флоріанъ Стаблевскій былъ послѣднимъ примасомъ Польши. Скажите, коллега, нѣтъ ли у васъ носового платка. Мнѣ пришлось сдѣлать перевязку этой женщинѣ—она вывихнула руку,—а у нихъ тамъ такая нищета, что даже кусочка тряпки не могли найти. Я простудился и у меня насморкъ.

Слушевскій досталъ платокъ и долженъ былъ невольно посмѣяться въ душѣ надъ принципами антисептической дезинфекціи, съ которыми его старшій товарищъ обращался столь легкомысленно. Но тотъ прибавилъ:

— Вата у меня была, но очень немного... Теперь я хочу взять эту женщину къ себѣ, дать ей пообѣдать хотя бы, она тамъ дома однимъ только кофеемъ и живетъ. Она очень слаба—операція была хоть и нестрашная, но все же болѣзненная. По дорогѣ я истратилъ всю мелочь, это со мной часто случается: то тутъ, то тамъ, приходится дать на лѣкарство. Дайте мнѣ, коллега, на трамвай для нея и для меня.

Милецкій подсадилъ старушку въ вагонъ—и они уѣхали.

Платокъ Слушевскій получилъ черезъ нѣсколько дней тщательно выстиранным и онъ не безъ основанія подумалъ, что эта работа рукъ панны Тоси, такъ какъ у Милецкаго раздававшаго все, что у него было, бѣднымъ, не всегда хватало на прачку. Тѣ нѣсколько копѣекъ, которыя онъ одолжилъ у Милецкаго, были ему возвращены въ видѣ благотворительныхъ марокъ, которыя наклеивались на письма, какъ добровольный налогъ. Милецкій прислалъ ему еще, въ видѣ благодарности, нѣсколько безплатныхъ паціентовъ. Это въ глазахъ Слушевскаго было уже совершенно лишнимъ, такъ какъ онъ считалъ, что

въ этомъ направленіи онъ, какъ молодой врачъ, отбылъ свою повинность.

Слушевскаго захотѣли соблазнить покупкой новыхъ акцій, которыя выпускалъ Земельный банкъ. Тотъ капиталъ въ три милліона марокъ, который съ такимъ трудомъ былъ собранъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, и главнымъ образомъ заграницей—что онъ могъ значить въ сравненіи съ тѣми деньгами, которыми располагала колонизація? Рѣшено было собрать еще хотя бы милліонъ.

Калькштейнъ, выплевывая остатки легкихъ, бѣгалъ, ходилъ, ѣздилъ, объяснялъ, умолялъ, просилъ всюду. Но акціи расходились плохо. Познанское общество было предубѣждено противъ всѣхъ національно-общественныхъ финансовыхъ предпріятій, послѣ краха перваго польскаго банка, который повлекъ за собою огромныя потери и многихъ разорилъ. Деньги, которыя вносили въ банкъ, считали скорѣе какимъ-то обязательнымъ налогомъ, какимъ-то пожертвованіемъ, которое пропало уже разъ навсегда. А вѣдь Земельный банкъ, хотя онъ и работалъ въ очень тяжелыхъ условіяхъ и былъ связанъ очень громоздкой системой внутренней организаціи, работалъ довольно хорошо и давалъ акціонерамъ требуемую прибыль. Во всякомъ случаѣ приходилось учитывать и то обстоятельство, что прежде чѣмъ купить какое-нибудь имѣніе, банку нужно было добиваться разрѣшенія властей и поэтому болѣе предпріимчивые частные капиталисты и маленькіе банки зачастую вырывали у него изъ-подъ носа особенно выгодныя покупки. Но акціи банка не котировались на биржѣ и потому продать ихъ было нелегко. Бывали случаи, что ихъ учитывали изъ 40% стоимости. И все-таки, капиталъ, помѣщенный въ эти акціи, можно было считать помѣщеннымъ довольно надежно, несмотря на то, что его трудно было въ случаѣ нужды реализировать.—Вызыва-

лось это главнымъ образомъ тѣмъ, что правительство ставило банку всевозможныя препятствія въ его операціяхъ по продажѣ земли мелкими участками, платежъ за которые приходилось отсрочивать на долгіе годы, для удобства покупателей.

Но если банкъ и не былъ блестящимъ коммерческимъ дѣломъ, то во всякомъ случаѣ, онъ являлся необыкновенно полезнымъ общественнымъ учрежденіемъ. Но поддерживали его неособенно охотно. Напрасно руководители банка приводили въ примѣръ братскій чешскій народъ, который на цѣли меньшаго значенія, какъ, напримѣръ, на театръ, въ короткое время собралъ милліонъ. На это возражали, что Чехія богатая промышленная страна, а въ Познани никакой промышленности, кромѣ сельско-хозяйственной, нѣтъ—и вся она сосредоточивается въ винокуренныхъ, сахарныхъ и мукомольныхъ заводахъ. Фабрикъ нѣтъ никакихъ—одна только болѣе или менѣе крупная фабрика сельско-хозяйственныхъ машинъ, которая съ трудомъ борется съ нѣмецкой и заграничной конкуренціей. Помѣщики роптали, что на нихъ хотятъ возложить обязанность поддерживать банкъ,—совершенно забывая, что банкъ скупавшій землю оказывалъ имъ громадную услугу, поддерживая цѣны на должной высотѣ. По крайней мѣрѣ Ворскій говорилъ, что этотъ банкъ далъ ему возможность оставить съ носомъ тѣхъ нѣмцевъ, которые явились къ нему покупать землю.

На акціи подписался Лужицкій, подписались и другіе. Акціи находили сбытъ и въ русской Польшѣ и въ провинціи. Малынскій далъ двѣсти тысячъ,—въ Варшаву отправился адвокатъ Осуховскій и также продалъ тамъ акцій на большую сумму. Милліонъ собрали. Для Калькштейна это было послѣднее утѣшеніе передъ смертью, которой ему оставалось недолго ждать.

Но Слушевскій отъ покупки акцій вѣжливо отказался.

— Докторъ, не собраться ли намъ на нѣсколько дней въ Берлинъ,—nach Berlinchen?—спросилъ его однажды вечеромъ въ саду у Кренца, гдѣ игралъ какой-то фантастическій сербско-румынскій оркестръ, камергеръ Стажецкій. — Мы ѣдемъ цѣлой компаніей—Дуленскіе, то-есть Маріетта Грабовская и Эдвардъ, баронъ, Генрихъ Властовскій и я. Здѣсь скука смертная—кромѣ того, у меня была непріятность и мнѣ нужно поразвлечься. Поѣзжайте съ нами!

Какого рода была непріятность камергера, докторъ слышалъ уже раньше отъ всезнающаго Макоцкаго. Его младшій сынъ, гимназистъ, записался въ какое-то общество, въ какой-то тайный кружокъ. Къ счастью, кружокъ этотъ такъ и остался нераскрытымъ, такъ какъ иначе не миновать бы судебнаго процесса. Во всякомъ случаѣ, мальчики носили запонки съ польскимъ орломъ и вмѣстѣ изучали польскую исторію и литературу. Съ грѣхомъ пополамъ дѣло удалось уладить такъ, что отцу предложили взять сына къ себѣ въ Познань въ мѣстную гимназію, но съ тѣмъ, чтобы онъ жилъ на квартирѣ у нѣмца-учителя.

— Вы можете себѣ представить, докторъ, какой это милый сюрпризъ для камергера? — язвилъ Макоцкій. — Онъ ругался, на чемъ свѣтъ стоитъ!

— И подѣлился съ нами нѣсколькими замѣчаніями о нѣмецкой и польской литературѣ,—прибавилъ Эдвардъ:— напримѣръ, «на какого мнѣ чорта всѣ наши поэты? Шиллеръ, Гете, Германъ и Доротея—это я понимаю!.. а глупому мальчишкѣ и знать о нашихъ нечего. Я не хочу, чтобы мой сынъ вышелъ какимъ-нибудь сорви-головой, какимъ-нибудь патріотомъ,—онъ долженъ быть лойяльнымъ прусскимъ подданнымъ и баста!»

Эдвардъ въ своихъ взглядахъ становился все болѣе

оппозиціоннымъ. Вліяніе Маріетты, «тряпки», но польки, оказывало свое дѣйствіе. Поддерживая знакомство съ камергеромъ и ему подобными, главнымъ образомъ для того, чтобы убивать время, братъ съ сестрой своими патріотическими убѣжденіями отличались отъ всей компаніи.

Докторъ готовъ ѣхать, отчего же! Конечно, въ Познани невѣроятно скучно. Лѣтомъ нѣтъ даже театра, такъ какъ онъ уѣхалъ на весь сезонъ, въ казино и въ клубѣ публики мало, такъ какъ помѣщики лѣтомъ показываются здѣсь рѣже, чѣмъ зимой. Нѣсколько садовъ, въ которыхъ играли оркестры, не представляли изъ себя ничего заманчиваго.

Кромѣ того доктору по необходимости пришлось вести очень нравственный образъ жизни и онъ изголодался по женскому тѣлу.

Макоцкій подсовывалъ ему какихъ-то дѣвушекъ, но онъ боялся, какъ бы не вышло непріятности, если это станетъ извѣстнымъ его «невѣстамъ»—и онъ отказался, страшно оскорбивъ этимъ Макоцкаго.

— То-есть, почему это? Развѣ онѣ для васъ недостаточно красивы? Ужъ если я рекомендую, то ручаюсь, что красивѣе вы не найдете и въ берлинскихъ «Залахъ любви».

Но именно по этимъ «Заламъ любви» и тосковалъ докторъ, тосковалъ по разряженнымъ, накрашеннымъ красавицамъ, отъ которыхъ пахло пудрой и плохими духами. Его организмъ ни въ коемъ случаѣ нельзя было назвать изысканнымъ, и «эти дамы», несмотря на свои манеры и привычку къ свободному обращенію, почему-то давали ему иллюзію великосвѣтскихъ дамъ, что для него всегда являлось высшимъ идеаломъ женщины.

Правда, въ Познани былъ Американскій Баръ, съ извѣстной на всю Познань Сельмой, но онъ боялся пока-

зываться въ Барѣ изъ страха, что объ этомъ узнаетъ Полина или, что еще хуже, Ядвига. Первая стала бы про это болтать, а вторая бы не простила. А въ далекомъ Берлинѣ...

Паціентовъ могъ въ его отсутствіе принимать докторъ Бушкевичъ, и Мечиславу не нужно было опасаться, что онъ отобьетъ у него этихъ паціентовъ, такъ какъ Бушкевичъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ рѣшилъ окончательно переселиться въ провинцію. Дорогой было очень весело. Камергеръ ругалъ, на чемъ свѣтъ стоитъ, все польское. Эдвардъ подтрунивалъ надъ барономъ, пани Маріетта иронизировала относительно всѣхъ. Генрихъ Властовскій колебался, чему посвятить себя въ Берлинѣ— картамъ или ей. Камергеръ долженъ былъ ввести его въ какой-то клубъ, гдѣ «играютъ всякіе еврейчики, но играть не умѣютъ».

Когда они вечеромъ погрузились въ море того свѣта, которымъ горитъ по ночамъ Берлинъ, Слушевскаго необыкновенно пріятно поразилъ этотъ контрастъ столичнаго города съ темной по вечерамъ Познанью.

Ужинали они въ одномъ изъ первоклассныхъ отелей, и этотъ ужинъ,—конечно, французской, а не нѣмецкой кухни,—подкрѣпилъ ихъ израсходованныя въ дорогѣ силы. Потомъ они отправились въ Wintergarten. Огрмная зала была биткомъ набита народомъ. Здѣсь было все — свѣтъ и полусвѣтъ, шампанское и пиво. На эстрадѣ—слоны, собаки, тюлени и дрессированные люди. Премированныя красавицы всѣхъ народовъ съ ихъ пѣснями и танцами. Великолѣпные брилліанты, поддѣльные и настоящіе. Какой-то куплетистъ пѣлъ политическіе куплеты. Онъ воспѣвалъ въ нихъ превосходство нѣмцевъ надъ всѣми другими народами, подчеркивая ихъ упадокъ по сравненію съ Германіей.

„А теперь, господа—что же видимъ мы въ Польшѣ?
(Ой, отъ смѣха забьюсь я въ истерикѣ)
Панъ печаленъ—проигрывать нечего больше.
А мужикъ—поцѣлуй ему шлетъ изъ Америки!“

Рукоплесканія.

— Пойдемте отсюда, съ меня довольно,—сказала пани Маріетта.

— Почему же, очаровательная?—удивился камергеръ. Молодежь, хотя она и была согласна съ Маріеттой, что слушать такіе куплеты не совсѣмъ пріятно, все же не хотѣла уходить отсюда, пока не кончится программа. Но польскій баронъ, уже порядочно выпившій, неожиданно сталъ на сторону Маріетты.

— Маріетка права—одно дѣло, пріѣхать въ Берлинъ повеселиться... Но чтобы меня, за мои собственныя деньги, эти мерзавцы ругали въ глаза—этого мнѣ не нужно.

Онъ всталъ и съ шумомъ опрокинулъ стулъ.

— Тише, тише!—раздалось со всѣхъ сторонъ.

— Покажу я вамъ тише,—анафемы!—Его взяли подъ руки. Когда они очутились на улицѣ, пани Маріетта простилась съ компаніей. Братъ отвезъ ее въ гостиницу.

Докторъ глядѣлъ ей вслѣдъ тоскующими глазами. Чего искать въ Берлинѣ, если бы только она захотѣла. Вѣдь говорили про нее всякую всячину, и если даже половина изъ этого—вранье, то врядъ ли можно думать, что она вѣрна своему мужу. И ее нельзя даже за это осуждать, достаточно взглянуть на мужа.

Повернувшись къ своимъ, онъ увидѣлъ, что Генрихъ тоже провожаетъ глазами Маріетту.

Баронъ бормоталъ:

— Пріѣхать затѣмъ въ Берлинъ, чтобы по вечерамъ уѣзжать въ гостиницу съ братомъ. Хотя она и моя родственница, но это по меньшей мѣрѣ глупо.

Потомъ онъ сталъ ругать Берлинъ и швабовъ и грозился, что еще сегодня уѣдетъ назадъ, такъ какъ у него важный процессъ съ колонистами, которые причиняютъ ему убытки.

— Представьте себѣ: я предлагаю имъ эксперта. Они его отвергаютъ, такъ какъ по справкамъ, которыя они навели въ полиціи, онъ тамъ значится, какъ «подпольный польскій агитаторъ». Вотъ мерзавцы!

Спутники ждали, когда онъ, наконецъ, успокоится.

— Я бы охотнѣе всего продалъ имѣніе, чтобы разъ навсегда успокоиться. И продамъ—колонизаціонной комиссіи! Вы только этого не говорите,—пробормоталъ онъ въ заключеніе.—Вотъ если бы нашелся кто-нибудь, кто могъ бы мнѣ обдѣлать это дѣльце!

— Ну, такого долго искать не придется,—разсмѣялся Генрихъ,—вѣдь это теперь единственное дѣло, на которомъ можно что-нибудь заработать.

— Ну, дѣти, вечеръ кончается и намъ ничего не остается дѣлать, какъ ѣхать въ «Залы любви». Эдвардъ знаетъ, мы съ нимъ раньше условились, онъ насъ найдетъ. Торреодоръ, смѣлѣе!—запѣлъ камергеръ.

— Туда еще рано, но... если вамъ такъ невтерпежъ!

За мраморными столиками, на фонѣ зеркалъ въ золотистыхъ рамахъ, на красныхъ бархатныхъ диванчикахъ сидѣли «эти дамы». Стоило приглядѣться ближе и можно было замѣтить, что мраморъ мѣстами потрескался, зеркала потускнѣли, бархатъ протерся. Тоже было и съ красотою этихъ дамъ. Но среди старой гвардіи, которая помнила не одну кампанію, было много молодыхъ, рослыхъ и крѣпкихъ дѣвушекъ,—неизмѣнно—до отвращенія грубыхъ.

Игралъ цыганскій оркестръ. Въ залѣ кружилось нѣсколько паръ, главнымъ образомъ женщины съ женщи-

нами. Всѣ ожидали появленія мужчинъ, которыхъ въ залѣ было мало. Зато въ углу Слушевскій замѣтилъ совѣтника Лянгера, который сидѣлъ въ обществѣ Сельмы за цѣлой батареей бутылокъ. Лянгеръ вѣжливо поклонился Слушевскому, не вставая съ своего дивана.

Дѣвушки по большей части сами подходили къ нимъ, кокетничали, просили заплатить за ужинъ и за вино. Дамы эти были не слишкомъ остроумны, не слишкомъ забавны, но зато съ ними можно было не стѣсняться.

Было уже совсѣмъ свѣтло, когда они выходили.

— Лѣтомъ до неприличія рано свѣтаетъ,—замѣтилъ баронъ.

На плечѣ у доктора висѣла эльзаска, полуфранцуженка, которая фигурой и лицомъ напоминала ему Ядвигу. Въ другомъ это вызвало бы отвращеніе, но его только возбуждало. Онъ взялъ ее съ собой.

По улицамъ длинной вереницей брели на фабрики рабочіе. Въ нихъ чуялась сила и мощь нѣмецкой промышленности...

Вся компанія встрѣтилась за позднимъ завтракомъ у Гиллера подъ Липами.

Слушевскій, сравнивая пани Маріетту со своей ночной спутницей, пришелъ къ убѣжденію, что эльзаска была слишкомъ мало похожа на великосвѣтскую женщину, а потому пробовалъ затѣять флиртъ съ Маріеттой, какъ съ настоящей свѣтской женщиной.

Докторъ началъ съ извиненія, что онъ ни разу не былъ у нея на чашкѣ чернаго кофе, какъ она его приглашала.

— Охъ, я давно уже объ этомъ забыла,—разсмѣялась она,—впрочемъ qui va à la chasse, perd sa place,—и она повернулась къ Генриху, затѣявъ съ нимъ отчаянный флиртъ. Слушевскаго это разозлило. Вначалѣ

онъ думалъ, что Маріетта, флиртуя съ Генрихомъ, прибѣгаетъ только къ испытанному средству — возбудить ревность въ томъ, съ кѣмъ ей дѣйствительно хочется пофлиртовать, то-есть въ немъ; но онъ убѣдился, что въ данномъ случаѣ, французская пословица оказалась очень у мѣста.

Онъ сталъ вмѣшиваться въ разговоръ, силясь выказать свое умственное превосходство надъ соперникомъ, но это ему не удавалось. Поскольку Генрихъ по своему образованію и развитію стоялъ даже ниже того средняго уровня, на которомъ стоялъ Мечиславъ, постольку онъ превосходилъ его своимъ воспитаніемъ и манерами, которыя нѣсколько скрашивали его безцвѣтный и малоинтересный разговоръ. Вячеславъ рѣшился тогда прибѣгнуть къ героическому средству, которое рекомендовала ему когда-то его парижанка: къ «физическому прикосновенію», какъ это называется на медицинскомъ языкѣ. Онъ нажалъ своей ногою ногу сосѣдки, но такъ неловко и неуклюже, что она сначала вздрогнула отъ боли, а потомъ, глядя ему въ глаза съ холоднымъ презрѣніемъ, скомандовала:

— Спрячьте ноги!

Все общество покатилось отъ смѣха. Никто, конечно, не сталъ придавать серьезнаго значенія этой выходкѣ доктора; но зато его смущенное лицо дѣлало его мишенью всеобщихъ остротъ.

Мечиславъ злился невѣроятно. Улучивъ минуту, когда Властовскій заговорилъ съ камергеромъ, который предложилъ ему вечеромъ метнуть пополамъ банкъ въ еврейскомъ клубѣ, и оба они стали обсуждать шансы этого предпріятія, докторъ спросилъ у пани Маріетты:

— А если бы Генрихъ осмѣлился сдѣлать то, что сдѣлалъ я?

— Я не знаю еще,—отвѣтила она,—можетъ быть это доставило бы мнѣ удовольствіе.

— Но что же вамъ въ сущности нравится въ этомъ господинѣ,—спросилъ онъ, почувствовавъ себя оскорбленнымъ.

— Развѣ такіе вопросы задаютъ женщинѣ?—Можетъ быть, именно то, что онъ совсѣмъ мнѣ не нравится,—какъ, напримѣръ, никогда не нравились мнѣ вы. Но съ вами хуже—я къ вамъ совершенно равнодушна и вы меня больше не интересуете.

— Чѣмъ же я заслужилъ такое презрительное равнодушіе?—спросилъ онъ съ ироніей.

— Вы принадлежите къ тѣмъ мужчинамъ, которые неспособны къ настоящей любви,—у васъ можетъ быть только одно чувство — физическаго вожделѣнія, какъ, впрочемъ, бываетъ и у меня. Вотъ!

— Странная непослѣдовательность, — вы сами признаетесь, что не созданы для того, что вы называете настоящей любовью... Впрочемъ, что вы подъ этимъ понимаете?

— Уваженіе и симпатію, въ соединеніи съ тѣмъ. Я не утверждаю, что я неспособна на такое чувство, я только не встрѣчала мужчину, который могъ бы во мнѣ его возбудить. Я, признаюсь откровенно, чувственна!

— Но неужели вы думаете, что женщина умѣетъ отличать одно отъ другого?—торжественно привелъ онъ аргументъ, который вычиталъ въ романахъ одного изъ патентованныхъ французскихъ психологовъ.

— Можетъ быть, это и лучше, что она не умѣетъ, такъ какъ въ такомъ случаѣ она живетъ иллюзіей. Но не думаете ли вы, что есть женщины, для которыхъ то, что называется faire l'amour — только физіологическое отправленіе, какъ и для васъ, большинства мужчинъ.

— Съ этой философіей можно дойти до того, чтобы взять себѣ въ любовники кучера или лакея,—торжествовалъ онъ. — И что вы нашли, въ такомъ случаѣ, въ этомъ истасканномъ Генрихѣ, у котораго вы, конечно, не найдете тѣхъ физическихъ достоинствъ, которыя можно найти у кучера или лакея?

— Предположите, что отъ нечего дѣлать я избрала себѣ цѣль, которая возбуждающе дѣйствуетъ на мои нервы. Я хочу испытать, кто будетъ сильнѣе: Пиковая дама или я?

Онъ хотѣлъ еще напомнить ей, что спасеніе падшихъ женщинъ никогда ни къ чему не приводитъ, а потому врядъ ли можно разсчитывать и на спасеніе картежника. Но прежде, чѣмъ онъ смогъ формулировать свое мнѣніе такъ, чтобы оно было похоже на теоретическую побѣду надъ собесѣдникомъ, Генрихъ спросилъ его о планахъ на сегодняшній вечеръ, а баронъ просилъ дать ему адресъ эльзаски.

Пани Маріетта заявила, что она хочетъ пойти въ вѣнское кафе, гдѣ игралъ вмѣстѣ со своимъ оркестромъ извѣстный на весь Берлинъ скрипачъ Риго. Женщины сходили отъ него съ ума. Звуки его скрипки были чѣмъ-то вродѣ рыболовныхъ крючковъ, которыми онъ улавливалъ женскія сердца, притягивая ихъ къ себѣ лесками дикихъ, тоскливыхъ и пламенныхъ мелодій. Низкорослый, черный и плечистый, должно быть всегда грязный, одѣтый съ изяществомъ вѣнскаго кельнера или парижскаго апаша. Но красный галстукъ и огромные брилліанты, повидимому, возбуждающе дѣйствовали на дамъ въ яркихъ платьяхъ, увѣшанныхъ всевозможными драгоцѣнностями. Скрипка плакала. И вмѣстѣ съ ея звуками открывались картины венгерскихъ степей. Проносились по нимъ всадники, пастухи, похожіе на дикихъ индѣй-

цевъ, проходили черноволосыя дѣвушки, съ горящими глазами; слышались пѣсни, чуялся запахъ цыганскихъ костровъ, сливавшійся съ ароматомъ степныхъ цвѣтовъ. Въ звукахъ скрипки плакалъ и шумѣлъ вѣтеръ, стучали конскія копыта по твердой землѣ, звенѣли шпоры пляшущихъ чардашъ, шелестѣли въ вихрѣ танца разноцвѣтныя юбки... потомъ все утихало — нѣсколько отдѣльныхъ дрожащихъ нотъ—и среди атмосферы чувственнаго возбужденія звуки замолкали. Раздавались рукоплесканія и восторженные крики.

Когда они вошли въ кафе, онъ игралъ какое-то историческое попурри, неособенно удачное. И хотя игра его была не совсѣмъ законченной, не слишкомъ тонкой, но все же въ этихъ клубкахъ мелодій и аккордовъ слышались какія-то дикія пѣсни, оставшіяся еще должно быть со временъ гуннскаго нашествія, вой волковъ, свистъ пищалокъ... Арпадъ, первый король, создатель народа, возлагаетъ на свою голову корону, гремятъ торжественные звуки органа... Вотъ слышится плачъ и скрежетъ... Къ австрійской висѣлицѣ подводятъ венгерскихъ магнатовъ—они идутъ подъ плачъ своихъ близкихъ—идутъ на позоръ и славу... Наконецъ, загремѣлъ маршъ «Радецкаго».

— Онъ все дѣло испортилъ этимъ «Радецкимъ», а все-таки я бы хотѣла пригласить его къ ужину,—проговорила прекрасная пани Маріетта.—Эдвардъ, пойди, пригласи его.

Эдвардъ поморщился, Генрихъ сталъ протестовать, Мечиславъ въ конецъ разозлился. Но камергеръ и баронъ заявили, что панамъ и дуракамъ законъ не писанъ.

— Почему же намъ не пригласить къ себѣ шута, который насъ будетъ забавлять,—проговорилъ баронъ,—мы возьмемъ его въ кабинетъ, пусть намъ эта бестія

играетъ, пока у него пальцы не распухнутъ. Я заплачу! А главное, заставимъ его играть это послѣднее... такъ, чтобы стекла дрожали. Люблю!

Маэстро принялъ ихъ приглашеніе, подчеркнувъ при этомъ, что онъ дѣлаетъ имъ честь, такъ какъ его и такъ разрываютъ на части. Но оказалось, что его можно было выносить только до тѣхъ поръ пока онъ игралъ. Генрихъ бормоталъ, что онъ переломаетъ ему ребра, но Маріетта осаживала ревнивца на мѣстѣ однимъ только взглядомъ, однимъ движеніемъ руки.

— Ревновать нельзя. Джентльменъ всегда долженъ быть джентльменомъ.

Докторъ былъ возмущенъ до глубины души и рѣшилъ завтра же отправиться къ эльзаскѣ.

Кто побѣдилъ въ тотъ вечеръ, онъ такъ и не могъ узнать на слѣдующій день. Камергеръ утверждалъ, что цыганъ, а баронъ, очевидно, поддерживая родственника, утверждалъ, что Генрихъ.

— Нѣтъ, у моей прелестной кузины вкусъ не такъ ужъ плохъ. Венгра она взяла только для того, чтобы раздразнить себя (попомните мое слово, какъ бы изъ этого не вышло какого-нибудь скандала?). Но правду сказать, я бы первый предложилъ ей свои услуги, если бы не то обстоятельство, что это какъ-никакъ было бы кровосмѣшеніемъ.

Увы, пребываніе въ Берлинѣ, которое началось такъ удачно, надо было сократить. Генрихъ проигрался въ слѣдующій же вечеръ, камергеру въ его еврейскомъ клубѣ тоже не повезло. Приходилось возвращаться, не допивъ бокала наслажденій. Они были еще въ какомъ-то театрѣ, смотрѣли фарсъ, на которомъ много смѣялись. Это была передѣлка съ французскаго.

Возвращались они въ одномъ поѣздѣ съ Лангеромъ

и съ Сельмой. О ней Слушевскій зналъ, что ей принадлежитъ американскій баръ въ Познани, который охотно посѣщали старички и молодежь, особенно представители веселящейся молодежи, такъ какъ въ этомъ барѣ прислуживали дѣвушки. Въ Берлинъ она отправилась, вѣроятно, за свѣжимъ товаромъ. Полиція (въ этомъ царствѣ страха Божія) закрывала глаза на то, что происходило порою въ отдѣльныхъ кабинетахъ; за это она отплачивала ей тѣмъ, что, подслушивая разговоры пьяныхъ посѣтителей, доносила о нихъ полиціи. Порою ей случалось услышать какую-нибудь политическую новость. Полиція все это охотно принимала къ свѣдѣнію, не отличая правды отъ лжи, и изъ этихъ мутныхъ источниковъ собирала свѣдѣнія, касавшіяся отдѣльныхъ лицъ, о которыхъ она съ чисто нѣмецкой пунктуальностью вела цѣлыя производства.

По примѣру Стажецкаго Слушевскій на нѣсколько минутъ вышелъ изъ купэ въ коридоръ, гдѣ бродилъ, зѣвая, совѣтникъ Лангеръ. Сельма храпѣла въ сосѣднемъ купэ. Простая вѣжливость требовала перекинуться съ нимъ нѣсколькими словами.

— А что дѣлаетъ вашъ пріятель Заклика? Я давно его не видѣлъ,—спросилъ во время разговора совѣтникъ,—я любилъ иногда выпить съ нимъ бокалъ пива; онъ слегка шовинистъ, но очень милый человѣкъ.

— Работаетъ.

— Ну?

— Надъ проектомъ устава новаго банка взаимопомощи!

Эти слова, которыя вставилъ камергеръ, были очень непріятны Стажецкому; онъ очень жалѣлъ, что тогда проболтался.

Онъ быстро распростился съ совѣтникомъ, оставляя его наединѣ со Стажецкимъ.

Общее впечатлѣніе о пребываніи въ Берлинѣ, несмотря на то, что его пришлось такъ непредвидѣнно сократить, было очень удовлетворительно, и компанія разсталась съ обѣщаніемъ повторить его въ ближайшемъ будущемъ.

Но пани Маріетта заявила, что въ слѣдующій разъ она поѣдетъ въ Варшаву, если только мужъ ея хоть немного поправится. Безъ мужа она туда ѣхать не можетъ, такъ какъ это не Берлинъ, гдѣ не надо бывать ни въ одномъ салонѣ.

Всѣ выслушали это съ изумленіемъ. Зачѣмъ ѣхать въ какую-то Варшаву? Для нихъ міръ кончался въ нѣсколькихъ верстахъ за Торномъ.

XI.

Почти въ то же время, когда Мечиславъ измѣнялъ Ядвигѣ въ Берлинѣ, ей пришлось выдержать послѣдній натискъ со стороны Феликса Жентицкаго. Онъ пріѣхалъ въ Липно на именины пани Маріи Заруцкой. Одно время онъ оставилъ-было Ядвигу въ покоѣ и сталъ ухаживать за панной Властовской, но его будущій шуринъ, Генрихъ, имѣлъ неосторожность обратиться къ нему, какъ къ будущему родственнику, передъ своею поѣздкою въ Берлинъ съ денежной просьбой; деньги были ему нужны на карточную игру. Феликсъ деньги далъ, но долженъ былъ услышать самый жестокій выговоръ отъ Макоцкаго, который подглядѣлъ эту финансовую операцію и, совершенно справедливо полагая, что Феликсъ сдѣлалъ чилъ ему, Макоцкому, а не Генриху, сталъ путать Жентицкаго перспективой дальнѣйшихъ манипуляцій этого бы гораздо лучше, если бы свои банковые билеты вру-рода, особенно, когда онъ породнится съ Властовскими.

Кромѣ того, молодой Жарковскій, который все еще не хотѣлъ разстаться со своимъ планомъ, убѣдительно просилъ его пріѣхать въ Липно.

Народу было немного. Познанскіе помѣщики вообще рѣдко бывали другъ у друга, прежде всего благодаря присущей всѣмъ познанцамъ тяжести на подъемъ и нѣкоторой чопорности; визиты сосѣдей другъ къ другу запросто, безъ всякаго дѣла, какъ-то вышли изъ моды.

А главное—большинство имѣній находились уже въ нѣмецкихъ рукахъ, и поляки-сосѣди жили другъ отъ друга на большомъ разстояніи. Ближайшимъ имѣніемъ къ Липну былъ Дѣджинъ Жарковскихъ, который находился верстахъ въ 20. Съ одной стороны Липно окружали земли колонистовъ, съ другой—имѣнія одного изъ главарей партіи «гекатистовъ», Тидемана.

Для тѣхъ, кто жилъ еще дальше, пріѣзжать сюда было довольно затруднительно.

Вообще, если сосѣди и съѣзжались другъ къ другу, то только на Пасху или Рождество.

Въ Липнѣ, кромѣ графа Ворскаго, который пріѣхалъ сюда совершенно неожиданно для всѣхъ, были только свои, кое-кто изъ родственниковъ Лужицкихъ и пани Заруцкая съ дочерьми. Изъ Познани пріѣхалъ докторъ Милецкій, который давно уже былъ домашнимъ врачемъ Лужицкихъ. Пріѣхалъ онъ съ дочерью, Тосей. Пани Милецкая болѣла уже нѣсколько лѣтъ подъ рядъ и не выходила изъ дому. Пріѣздъ Милецкихъ былъ не очень на руку молодому Жарковскому и его женѣ, такъ какъ тотъ докторъ изъ Познани, о которомъ говорили, что онъ ухаживаетъ за Тосей, женился теперь на дочери не то Самкевича, не то Броновича, а потому Феликсъ могъ теперь обратить на Тосю свое вниманіе. Но вышло еще хуже—и этого никто не могъ ожидать. Опять-таки совершенно неожиданно пріѣхали старики Властовскіе со своею «фарфоровой статуэткой». Они давно уже были дружны съ Лужицкими, но бывали у нихъ очень рѣдко. Теперь же они прѣхали въ Дѣджинъ поблагодарить старика Жарковскаго за его участіе въ судѣ чести и вмѣстѣ съ нимъ пріѣхали въ Липно.

Неизвѣстно, была ли эта благодарность, которой Жарковскій дѣйствительно заслуживалъ, только предло-

гомъ для пани Властовской съѣздить въ Липно, гдѣ (должно быть, она уже пронюхала) гостилъ панъ Феликсъ, или нѣтъ,—но во всякомъ случаѣ у пана Феликса былъ теперь выборъ: вмѣсто одной Ядвиги онъ нашелъ здѣсь трехъ барышенъ. Въ довершеніе всего, насколько можно было судить, больше всѣхъ ему нравилась прелестная Франя Лужицкая, которую онъ видѣлъ впервые, такъ какъ она еще не выѣзжала и на балахъ не показывалась.

По своему обыкновенію, не говоря ни одного слова, что въ данномъ случаѣ было умнѣе всего, ибо порою:

„Трудно бываетъ понять словъ бездонную глупость".

(какъ цитировалъ, Богъ вѣсть откуда, Эдвардъ Дуленскій, относя эти слова къ пану Феликсу),—Жентицкій засунувъ пальцы въ карманы фрачной жилетки, бродилъ за нею, какъ тѣнь, не обращая никакого вниманія на трехъ грацій, которымъ теперь оставалось лишь одно—жаловаться на измѣнчивость судьбы, которая поднесла-было каждой изъ нихъ къ ногамъ милліонъ талеровъ (столько стоили имѣнія Жентицкаго), а теперь подсовывала этотъ милліонъ другой.

— Бери, глупая, если Ядвига не хочетъ,—совѣтовалъ Франѣ шуринъ. Но дѣвушка отвѣчала на это только серебристымъ смѣхомъ:

— Я еще маленькая!

Послѣ ужина, довольно изысканнаго, хозяинъ дома со старшими мужчинами перешелъ въ курительную комнату. Разговоръ, конечно, шелъ о хозяйствѣ и о политикѣ. Особенно много говорилъ самъ панъ Владиміръ, докторъ Милецкій и старикъ Жарковскій. Всѣ дѣлали предсказанія относительно будущаго Польши, по большей части невеселыя.

— Я читалъ недавно въ одномъ изъ нѣмецкихъ журналовъ мнѣніе одного европейскаго государственнаго мужа. Онъ причисляетъ насъ къ вымирающимъ народамъ,—и дѣйствительно, глядя на то, что дѣлается у насъ, на наше бѣдное, полу-онѣмеченное княжество...

— Неправда,—горячо возразилъ Милецкій, — Польша, какъ тотъ больной, котораго постоянно приговаривали къ смерти, но который обладаетъ неисчерпаемыми жизненными силами.

— И все же, докторъ, — вставилъ Жарковскій,—германизмъ насъ заливаетъ. И какъ нѣсколько вѣковъ тому назадъ онъ перешелъ черезъ Лабу и Одеръ, такъ онъ теперь переходитъ черезъ Варту и перейдетъ черезъ Вислу, если...

— Что если?

— Если коалиція славянскихъ народовъ не поставитъ передъ нимъ неодолимой стѣны.

Жарковскій былъ панславистомъ. Эта идея, не популярная въ княжествѣ Познанскомъ, и здѣсь нашла оппонента въ лицѣ Лужицкаго.

— Да, но какъ же намъ представить себѣ эту коалицію? Въ такой вынужденной коалиціи мы потеряли Литву, гдѣ поляковъ столько же, сколько у насъ, то-есть половина на половину.

— Во всякомъ случаѣ, остается еще Польша эпохи Вѣнскаго конгресса, — отстаивалъ свою точку зрѣнія Жарковскій.—Развѣ нельзя было бы отказаться отъ части тѣхъ земель, которыя никогда не были чисто польскими, взамѣнъ за помощь противъ германскаго наводненія?

—Но, увы, вѣдь не мы дѣлаемъ политику,—замѣтилъ Владиміръ Лужицкій,—даже не народы а ихъ правительства.

— Трудно разсчитывать на то, чтобы можно было войти въ соглашеніе съ русскимъ правительствомъ, но это можно будетъ сдѣлать тогда, когда русскій народъ пріобрѣтетъ право управлять самимъ собою. Это, конечно, долгій путь, но только въ немъ спасеніе!

— Можно сдѣлать и иначе,—прибавилъ Милецкій,— можно слиться съ Россіей, перелить въ нее нашу болѣе высокую культуру, которую германцы рано или поздно все равно проглотятъ!

— Это другой вопросъ! Въ первый планъ я не вѣрю: въ осуществленіи его мы натыкаемся на различіе языка и вѣры, и различіе это никогда не изгладится. Но надо подготавливать почву для соглашенія съ русскимъ народомъ, тамъ, въ Россіи,—а здѣсь упорной обороной стараться оттянуть часъ нашей гибели. Во всякомъ промедленіи, котораго мы добьемся—наше спасеніе. Для нашего существованія мы должны искать новыя основанія.

Молодежь между тѣмъ оставалась въ огромной залѣ Липновскаго дома, который вверху заканчивался куполомъ. Въ куполѣ были сдѣланы круглыя окна, и когда въ залѣ было темно, сквозь окна ее заливалъ свѣтъ луны. Всякій разъ, когда въ Липнѣ были гости, имъ демонстрировали этотъ эффектъ, предварительно погасивши всѣ свѣчи. Это называлось здѣсь игрой въ привидѣнія. Сегодня эта часть программы обѣщала быть очень удачной. Было полнолуніе, и на дворѣ было такъ свѣтло, что можно было читать.

Пани Елена, чувствуя, что силъ ея мужа не хватаетъ на то, чтобы устроить замужество Ядвиги съ Жентицкимъ, рѣшила взять все это дѣло въ свои руки. Она услала куда-то Франю, а остальное общество размѣстила

такъ, что пара, которая, по ея мнѣнію, должна была быть объявлена женихомъ и невѣстой, очутилась въ одномъ концѣ залы, а всѣ остальные въ другомъ концѣ, на большомъ разстояніи.

Приводя въ исполненіе весь этотъ планъ, она предварительно попыталась убѣдить пана Феликса, что Франя еще ребенокъ, къ которому нельзя относиться серьезно, а главное (что было уже совсѣмъ нелогично) стала увѣрять его, что Ядвига его къ ней ревнуетъ. На пана Феликса это подѣйствовало.

Соединенными усиліями лакеевъ и дѣтворы (которые не жалѣли для этого легкихъ), свѣчи были погашены, и должна была начаться игра въ привидѣнія.

Ею руководилъ Стась, который былъ теперь дома на каникулахъ.

Панъ Владиміръ Лужицкій, раздраженный тѣмъ, что нашептывалъ ему зять объ упорствѣ Ядвиги, такъ и не заглянулъ въ залу, чтобы не смотрѣть на всѣ эти непріятныя подробности ловли жениха, которыя его раздражали.

Но вотъ, во время игры, случилось совершенно неожиданное обстоятельство, которое сразу разстроило всю эту хитро задуманную ловлю.

Въ томъ углу, гдѣ сидѣла Ядвига, вмѣстѣ съ ненавистнымъ ей паномъ Феликсомъ, слышался тихій, хотя и не особенно оживленный разговоръ... Вдругъ кто-то необыкновенно громко чихнулъ, а потомъ сталъ сморкаться такъ, точно у него былъ не носъ, а труба—и изъ этого же угла раздался тоненькій голосъ пана Феликса:

— Извините, пожалуйста, но это совершенно неожиданно!

Повидимому, на слабый мозгъ пана Жентицкаго обрушилось сразу слишкомъ много впечатлѣній.

Три граціи, и среди нихъ Ядвига, которая ему очень нравилась и которая теперь даже ревновала его, а, слѣдовательно, любила... Онъ только что началъ-было дѣлать ей предложеніе... Но помѣшала пыль, поднятая бѣготнею дѣтей по залу—и онъ чихнулъ... въ самый неподходящій моментъ.

Стась и Гутекъ крикнули весело: «на здоровье!»—и подбѣжали къ Жентицкому и Ядвигѣ. Настроеніе было испорчено въ конецъ. Жентицкій такъ сконфузился, что ни съ того, ни съ сего сталъ торопиться домой, ссылаясь на то, что ему нездоровится, и велѣлъ запрягать лошадей. Пани Елена была внѣ себя отъ бѣшенства. Сватовство не состоялось. Панъ Владиміръ такъ и не узналъ объ этомъ въ тотъ вечеръ. Весь день онъ былъ въ отвратительномъ настроеніи и, подъ конецъ (онъ самъ не помнилъ, какъ это произошло), разговорившись съ Властовскимъ о продажѣ его имѣнія, которая закончилась судомъ чести, вдругъ заявилъ, что продавать землю колонизаціонной комиссіи недопустимо ни въ комъ случаѣ. Онъ былъ правъ, но ему было непріятно то, что онъ сказалъ эту правду гостю въ своемъ собственномъ домѣ и этимъ оскорбилъ его. А потому, какъ только гости разъѣхались, онъ отправился къ себѣ въ спальню и улегся спать.

Ядвига долго еще сидѣла въ своей комнатѣ и думала о томъ, кто былъ ея недостоинъ.

XII.

Прошелъ годъ. Слушевскій видѣлъ Ядвигу рѣдко и только мелькомъ—то на какомъ-нибудь концертѣ, на пикникѣ или, какъ въ послѣдній разъ, на съѣздѣ членовъ центральнаго сельско-хозяйственнаго общества.

На собраніяхъ этого съѣзда обыкновенно присутствовали и дамы, которыя тоже слушали болѣе или менѣе краснорѣчивые доклады о навозѣ, удобреніи и другихъ сельско-хозяйственныхъ нуждахъ, интересовавшихъ ихъ отцовъ, мужей и братьевъ. Эти темы были далеко не безразличны для деревенскихъ дамъ—онѣ касались самаго главнаго и самаго насущнаго вопроса деревенской жизни: поднятія доходности имѣній. Кромѣ того, каждому помѣщику было лестно прослыть среди своихъ хорошимъ хозяиномъ. А потому тотъ, кто находилъ какой-нибудь новый способъ наиболѣе интенсивной культуры, напримѣръ, свеклы, становился героемъ дня.

На этомъ поприщѣ удалось блеснуть даже молодому Дуленскому, который написалъ, основанный на цифровыхъ данныхъ, докладъ: «О конскихъ заводахъ, какъ доходной статьѣ». И докладъ этотъ, къ удивленію всѣхъ, былъ очень обстоятеленъ.

Молодой Жарковскій, правда, упрекалъ его, что онъ въ своемъ докладѣ обошелъ совершеннымъ молчаніемъ скаковыхъ лошадей и жалѣлъ, что не сообщилъ ему раньше свои собственныя, очень цѣнныя наблюденія,

сдѣланныя во время берлинскаго скакового сезона. Ихъ можно было ввести въ докладъ, чтобы разнообразить нѣсколько сухую тему. Но онъ долженъ былъ согласиться съ лекторомъ, что это нарушило бы серьезный характеръ доклада.

— Эдвардъ на ближайшихъ выборахъ можетъ стать депутатомъ,—шутила его сестра,—но противъ него будутъ, конечно, господа народники. Впрочемъ, докторъ Слушевскій, котрый имѣетъ съ ними связи, можетъ замолвить за брата доброе слово.

Докторъ, по прежнему не слишкомъ обремененный практикой, присутствовалъ на этомъ съѣздѣ съ двойною цѣлью: во-первыхъ, онъ могъ флиртовать тамъ съ дамами, поддерживать отношенія съ помѣщичьею средою и, во-вторыхъ, видѣться съ Ядвигой.

Ядвига была съ нимъ очень мила и любезна и своей сердечностью, повидимому, хотѣла вознаградить его за ту изолированность, которую онъ испытывалъ здѣсь, въ этомъ царствѣ свекловично-конскихъ вопросовъ. Вѣчно чудесная, вѣчно старая и вѣчно новая, невыразимо очаровательная мелодія любви, съ аккордами взглядовъ и словъ, значеніе которыхъ неуловимо для непосвященныхъ, звучала теперь между ними, какъ казалось, по крайней мѣрѣ, Ядвигѣ. Правда у доктора, на ряду съ платоническими и психофизіологическими упоеніями не малую долю игралъ и практическій расчетъ, желаніе сдѣлать блестящую во всѣхъ отношеніяхъ партію, но даже внѣ этого расчета (онъ долженъ былъ самъ себѣ въ этомъ признаться) образъ Ядвиги волновалъ его очень глубоко.

Ядвига была искренна. Въ ея нѣжную, чуткую, нѣсколько замкнутую душу упали первые лучи любви, какъ зерна на удобренную почву,—любви, которая у

благородныхъ женскихъ натуръ всегда бываетъ единственной и послѣдней. Тѣмъ глубже охватила она все ея существо. Передъ ней появился человѣкъ, прежде всего непохожій на тѣхъ, которыхъ она встрѣчала или видѣла около себя. Это должно было дѣйствовать на ея воображеніе. Темы разговоровъ, которыя онъ заводилъ, касались общечеловѣческихъ, общественныхъ и этическихъ вопросовъ, а этими вопросами менѣе всего занимались близкіе ей люди. Все это находило откликъ въ ея душѣ, склонной къ самостоятельной работѣ; въ ея умѣ, любившемъ останавливаться надъ загадками и вопросами жизни. Въ то же время, она была недостаточно образована и начитана, чтобы понять, насколько поверхностны и общи сужденія, которыя высказываетъ ей симпатичный ей человѣкъ. Какъ и каждая дѣвушка, она вложила въ предметъ своей любви всѣ тѣ черты, о которыхъ она могла мечтать, и уже не стала его анализировать. Впрочемъ, она его знала слишкмъ мало. Ей ни разу не пришло на умъ, что это, быть можетъ, человѣкъ дурной или слабый, какъ другіе. Но слыша то, что онъ ей говорилъ, она невольно думала, что тотъ, кто говоритъ такія прекрасныя вещи, не можетъ не быть прекраснымъ человѣкомъ.

Они встрѣтились однажды на похоронахъ Калькштейна. На этой печальной церемоніи были всѣ наиболѣе видные граждане города, но все-таки народу было очень немного. Слушевскій, который могъ подойти къ Ядвигѣ лишь для того, чтобы пожать ей руку, вернулся домой въ подавленномъ настроеніи. Хоронили человѣка, который самоотверженно служилъ одной огромной идеѣ, вложилъ всѣ свои силы въ то, чтобы провести въ жизнь великую патріотическую мысль: защиту родной національности, у которой хотѣли вырвать изъ-подъ ногъ

землю, защиту земли, не какъ собственности отдѣльныхъ единицъ, а какъ собственносоти цѣлаго народа. И общество не воздало ему тѣхъ посмертныхъ почестей, которыхъ этотъ человѣкъ заслуживалъ. Оно не отдавало себѣ отчета въ огромныхъ заслугахъ покойнаго, который послѣ смерти перваго основателя Земельнаго банка, Станислава Жултовскаго—былъ душою и сердцемъ этого учрежденія. Оно не отдавало себѣ отчета, какую потерю понесъ банкъ. Быть можетъ, въ глазахъ общества та постоянная борьба съ германизмомъ, которую велъ покойный, не была даже заслугой, такъ какъ оно считало ее безнадежной, а потому и безполезной. Быть можетъ, Калькштейнъ въ глазахъ общества былъ фанатикомъ и утопистомъ, которому неудобно возражать и котораго надо даже поддерживать, но только потому, что открыто отказываться отъ тѣхъ идеаловъ, которымъ должно служить общество—неприлично. Быть можетъ, вся эта борьба Калькштейна была только красивой декоративной башней, на которой жить нельзя и которая своей архитектурой только навлекаетъ на себя громы неодолимой Пруссіи, въ лицѣ ея великаго каменщика—Бисмарка, признававшаго за однимъ только пангерманскимъ стилемъ право существованія, отъ Рейна до Вислы.

— Вы слишкомъ слабы!—звучали у него въ ушахъ слова нѣмца.—Польша существуетъ? Гдѣ? Когда?—казалось, смѣялся вслухъ Стажецкій.

И вспомнилось ему, какъ онъ послушался совѣта Полины, которая убѣждала его выйти изъ состава членовъ Національной Стражи для того, чтобы сохранить привиллегіи, которыя даетъ мундиръ прусскаго лейтенанта.

Впрочемъ, онъ поступилъ совершенно правильно, — такъ какъ правительство, считая выступленія Неголевскаго, напримѣръ, несовмѣстимыми съ ношеніемъ прусскаго

мундира, лишило его этого мундира. Правда, Неголевскій объ этомъ особенно не тужилъ и, если протестовалъ противъ этого, то только, отстаивая равноправіе поляковъ съ нѣмцами. Но, вѣдь это же былъ шовинистъ. За этотъ годъ, который Слушевскій прожилъ въ родной странѣ, его патріотическія чувства, подъ вліяніемъ окружающихъ, значительно ослабли. Онъ вмѣстѣ съ другими несъ ярмо, привыкъ къ нему и даже считалъ его сноснымъ, если только не дѣлать усилій отъ него избавиться.

Калькштейнъ умеръ какъ разъ въ ту минуту, когда Земельный банкъ потерялъ смыслъ своего временнаго существованія. Банкъ этотъ занимался скупкой земель и продажей ихъ полякамъ мелкими участками. По новому закону, запрещавшему строиться на этихъ участкахъ безъ особаго разрѣшенія, эти участки могли покупать только ближайшіе сосѣди, которые могли обойтись на нихъ безъ построекъ.

Время шло. Уплывали мѣсяцы. Въ монотонности будней онъ не замѣтилъ, какъ прошелъ снова годъ, за нимъ другой. Политическія условія, если и мѣнялись, то только къ худшему. Гнетъ германизма становился все тяжелѣе и все чувствительнѣе, простираясь теперь, главнымъ образомъ, на отдѣльныя единицы. А эти единицы только тогда и начинали чувствовать его, когда онъ касался ихъ непосредственно. Реагировали они на него по разному. Впрочемъ, все шло по разъ заведенному образцу—патріотическія чувства болѣе состоятельныхъ классовъ засыпали все болѣе глубокимъ сномъ, несмотря на внѣшнія соблюденія прежнихъ формъ и обычаевъ, несмотря на громкія иной разъ декламаціи на патріотическія темы.

Зато на арену общественной жизни выступилъ новый политическій факторъ въ лицѣ представителей физическаго труда. Образовались мощныя организаціи польскихъ

рабочихъ-христіанъ, созданныя по мысли ксендза Клоса, человѣка необыкновенныхъ способностей, камергера папскаго двора. На сцену выступило четвертое сословіе, но не бездомныхъ бѣдняковъ-соціалистовъ, не созрѣвшихъ еще для идеи братства всѣхъ людей, и уже враждебно настроенныхъ противъ братства одного народа,—а рабочихъ, сознающихъ, что любовь къ родной землѣ, на которой они работаютъ — это есть первое условіе ихъ матеріальнаго благополучія, сила ихъ силы,—рабочихъ, которые на всѣ искушенія космополитовъ отвѣчаютъ:

— Сначала мы наведемъ порядокъ у себя дома, поставимъ подпорки подъ нашъ домъ, который можетъ рухнуть подъ чужеземнымъ натискомъ, исправимъ крышу, а потомъ будемъ разговаривать съ вами. Далеко еще то благодатное время, когда будетъ едино стадо и единъ пастырь!

Это новое движеніе, которое осталось не вполнѣ оцѣненнымъ еще и сегодня, привело къ тому, что въ народномъ представительствѣ приняла участіе новая здоровая стихія—рабочій народъ, вытѣснившій собою провинціальныхъ политикановъ, крикливыхъ Маратовъ и Дантоновъ съ познанскихъ мостовыхъ.

Въ жизни знакомыхъ Слушевскаго произошли кое-какія перемѣны. Прежде всего были отпразднованы двѣ свадьбы: докторъ Бушкевичъ женился на дочери Броновича и поэтому оказалось, что Слушевскій несправедливо подозрѣвалъ доктора Самкевича въ томъ, что онъ ловилъ жениха для своей дочери. Жентицкій женился на «фарфоровой статуэткѣ». Слушевскій былъ на свадьбѣ Бушкевича и проводилъ молодыхъ на вокзалъ, такъ какъ они уѣзжали навсегда въ провинцію.

Ядвига провела карнавалъ вмѣстѣ со своими родными на югѣ, такъ какъ пани Елена заболѣла началомъ чахотки. Макоцкій объяснилъ доктору, что она задохлась отъ

злости, когда разстроилась женитьба Жентицкаго на ея сестрѣ. Доктору было очень досадно за Ядвигу, что она пропустила этотъ сезонъ такъ какъ онъ удался на рѣдкость и карнавалъ въ этомъ году былъ однимъ изъ самыхъ блестящихъ познанскихъ карнаваловъ. Въ Познань пріѣхала семья князей Чарторыйскихъ и открыла пріемы въ своемъ зимнемъ дворцѣ.

Князь хотѣлъ примирить между собою городскіе и помѣщичьи круги. По четвергамъ у него происходили литературно-политическія бесѣды, безъ дамъ, на которыя князь приглашалъ какъ помѣщиковъ, такъ и горожанъ.

Но всѣ эти усилія не могли сгладить той розни, которая существовала между двумя враждебными лагерями. Любимыя дѣтища князя—народныя читальни, не находили той поддержки на которую онѣ по справедливости могли разсчитывать.

Слѣдующей зимою Лужицкіе носили трауръ по пани Заруцкой.

Послѣ женитьбы Феликса Жентицкаго, Слушевскій попробовалъ предпринять въ ихъ домѣ кое-какіе дипломатическіе шаги, черезъ посредство доктора Милецкаго. Но повидимому Милецкій повелъ его дѣло не очень умѣло, такъ какъ онъ привезъ отрицательный отвѣтъ.

Что касается Ядвиги, то Слушевскій узналъ отъ Марини, что она на этотъ счетъ другого мнѣнія.

Полина тоже не выходила замужъ. За нею одно время ухаживалъ фонъ-Маевскій, но онъ поселился на Рейнѣ, а Полина не захотѣла туда къ нему ѣхать. И снова уплывали мѣсяцы. И снова въ монотонности будней онъ не замѣтилъ, какъ прошелъ еще годъ и другой.

Съ востока подулъ новый вѣтеръ. Повидимому что-то стало портиться въ томъ порядкѣ вещей, который завелъ Апухтинъ. Вспыхнула школьная забастовка и, про-

веденная съ необыкновенной послѣдовательностью, она добилась кое-какихъ результатовъ.

Познань, вообще говоря, мало интересовалась тѣмъ, что дѣлается въ Царствѣ Польскомъ. «Они тамъ всегда бунтуютъ! Да хранитъ ихъ Господь!». — И извѣстіе о школьной забастовкѣ было принято здѣсь, какъ принимались извѣстія о забастовкахъ въ Гамбургѣ, или въ Лиссабонѣ. Никому отъ него не было ни тепло, ни холодно. Дѣло ограничилось тѣмъ, что кое-кто изъ особенно разговорчивыхъ утверждали, что дѣтей надо выпороть — и что родителямъ, которые до этого допустили, тоже нельзя спускать.

Но произошло нѣчто совершенно непредвидѣнное. Нашлось нѣсколько горячихъ головъ, которыя одобрили забастовку. И она понемногу перекинулась изъ Царства Польскаго въ Познань. То тутъ, то тамъ, сначала на границахъ Княжества, а потомъ и внутри него, дѣти перестали отвѣчать на вопросы учителей по-нѣмецки. Учителя оказались въ совершенномъ недоумѣніи и положительно не знали, что дѣлать съ этимъ фактомъ, неслыханнымъ въ исторіи прусской школьной жизни. Недоумѣвало и правительство, удивлялось общество. А между тѣмъ забастовка, вспыхнувъ мѣстами какъ огненные язычки, разгорѣлась теперь огромнымъ пожаромъ отъ Гданска до Бытомя. Польскія дѣти или отвѣчали на вопросы нѣмцевъ учителей по-польски, или не отвѣчали вовсе.

Входитъ учитель въ школу и начинаетъ свой урокъ обычнымъ «Отче нашъ», который ученики читаютъ хоромъ.

— Отче нашъ, иже еси... раздаются дѣтскіе голоса. Молитву читаютъ по-польски.

— Стой! Молчать!!

Не помогаетъ. Отче нашъ продолжаютъ читать по-

польски. Тоненькіе голоски дѣвочекъ начинаютъ, опять по-польски: «Богородице, Дѣво, радуйся!...»

Учитель хватается за палку—послѣдній аргументъ безсильной педагогики. Но какъ же можно бить молящихся дѣтей. Не каждый можетъ рѣшиться на такое средство.

И случалось, что учителя разгоняли дѣтей и отправляли ихъ домой. Сами они бѣжали въ городъ къ инспектору, за указаніями. Но и инспекторъ не зналъ толкомъ, что дѣлать. Хуже всего было то, что все это разыгралось на религіозной почвѣ, а это вопросъ особенно острый. Въ сеймѣ, конечно, будетъ запросъ, министръ какъ-нибудь вывернется и громы грянутъ въ подчиненныхъ: какъ они могли допустить такой скандалъ. И вотъ инспекторъ пробиралъ учителей, а самъ летѣлъ въ Познань за инструкціями.

Между тѣмъ дѣти на слѣдующій день шли въ школу и отдавали учителю нѣмецкіе катехизисы и библіи, причемъ дѣвочки держали ихъ черезъ фартукъ, точно боялись замарать руки. Учителя не хотѣли принимать книгъ, тогда у кафедры выростали цѣлыя груды.

Учитель грозитъ, проситъ, умоляетъ!

— Неужели ты думаешь, что Матерь Божія тебя не пойметъ, если ты будешь молиться по-нѣмецки?

— Наша Матерь Божія—полька!

Этотъ отвѣтъ обошелъ потомъ всѣ нѣмецкіе газеты и журналы. Его приводили, какъ доказательство некультурности и дикости поляковъ.

Наконецъ, правительство рѣшилось. Пришло распоряженіе: «бить!»—точнѣе, примѣнять средства, допущенныя школьной дисциплиной.

Посыпались удары. Розги стали ломаться о руки и плечи, даже головы непослушныхъ дѣтей. Забастовка продолжалась цѣлыя недѣли. Цѣлыя недѣли продолжа-

лись эти чудовищныя, отвратительныя сцены, которыя какъ нельзя лучше доказывали, что вся прусская культура—это орудіе кулака и силы. Исторія Германіи была украшена новымъ мортирологомъ дѣтскихъ звѣрствъ.

Однажды къ Слушевскому вбѣжала его старая служанка, Олейникова, съ такимъ страшнымъ плачемъ, который до глубины души разстрогалъ доктора. Но когда изъ ея безсвязнаго разсказа онъ понялъ, что гдѣ-то избили какого-то ребенка, онъ даже разсердился на себя, что сталъ ее разспрашивать. Какъ и большинство людей, среди которыхъ онъ вращался, онъ относился къ школьной забастовкѣ отрицательно.

— Племянника моего, сына родной сестры, — вы ее, докторъ, знаете, она тутъ въ Познани живетъ,—избили такъ, что пришлось его сейчасъ же въ кроват уложить. Сдѣлайте милость, докторъ, пойдите осмотрѣть его. Онъ жалуется, что у него внутри что-то болитъ. Едва я успѣла притти, какъ его уже принесли...

Докторъ пошелъ, отчасти изъ любопытства. Дѣло оказалось гораздо серьезнѣе, чѣмъ онъ думалъ. Мальчику было лѣтъ двѣнадцать; у него было красивое, интеллигентное лицо. Онъ не жаловался уже, такъ какъ лежалъ на кровати мертвенно-блѣдный со стиснутыми зубами. Докторъ въ первую минуту подумалъ, что передъ нимъ трупъ. Онъ привелъ его въ чувство, но мальчикъ не могъ даже пошевельнуться. На всемъ его тѣлѣ виднѣлись кровавыя ссадины; повидимому, его варварски исхлестали; но кромѣ того несомнѣнно было и то, что мальчику причинено какое-то очень тяжелое внутреннее поврежденіе.

Узнать что-нибудь отъ него самого было невозможно, но родители повторяли доктору разсказъ того мальчика, который привезъ ихъ сына домой, по порученію учителя.

Учитель строго-настрого запретилъ ему что-нибудь разсказывать. Но когда родители въ отчаянiи напали на него и потребовали, чтобъ онъ сейчасъ же все разсказалъ, мальчикъ проболтался. Изъ его разсказа явствовало, что педагогъ-палачъ, поваливши мальчика на край скамьи, навалился на него всѣмъ своимъ тѣломъ, такъ что мальчикъ сначала пронзительно крикнулъ, а потомъ упалъ на полъ. И, когда учитель сталъ осыпать его ударами, онъ даже ногой не пошевельнулъ. Все держался за животъ и стоналъ. Учитель сказалъ ему, что въ слѣдующiй разъ ему влетитъ еще больше, далъ ему стаканъ воды, но мальчикъ пить не могъ. Тогда онъ велѣлъ отправить его домой.

Слушевскiй занялся пацiентомъ и по просьбѣ родителей написалъ имъ свидѣтельство, что ихъ сынъ въ школу ходить не можетъ въ виду причиненныхъ ему наружныхъ и внутреннихъ тѣлесныхъ поврежденiй.

Черезъ нѣсколько дней ребенокъ умеръ.

Случай этотъ получилъ широкую огласку. Газеты описывали его, подробно приводя разсказъ родителей. Было напечатано и свидѣтельство, выданное Слушевскимъ.

Черезъ нѣсколько дней Слушевскiй получилъ повѣстку изъ суда: учитель привлекалъ его къ отвѣтственности за клевету. Письмомъ въ редакцiю одной изъ нѣмецкихъ газетъ онъ поставлялъ всѣхъ въ извѣстность, что наказалъ мальчика за его упорство, не выходя изъ границъ закона; что онъ и не думалъ валить мальчика на скамью, а что ученикъ послѣ того, какъ его наказали, самъ со злости повалился на скамью. Весьма возможно, что онъ тогда и причинилъ себѣ какое-либо поврежденiе, но учитель здѣсь не при чемъ. За легкомысленное распространенiе позорящихъ его имя слуховъ, онъ и привлекаетъ доктора Слушевскаго къ суду.

Слушевскому это дѣло было ужасно непріятно. Онъ ни минуты не сомнѣвался въ исходѣ этого процесса. Дѣти, если даже они и видѣли фактъ нечеловѣческаго избіенія, никогда не станутъ показывать противъ учителя, который запугаетъ ихъ всевозможными угрозами. Но если даже они и покажутъ, судъ имъ, конечно, не повѣритъ и приметъ дѣло въ томъ освѣщеніи, какое ему дастъ учитель.

Слушевскій прекрасно помнилъ, чѣмъ кончались всѣ такіе процессы раньше, а ихъ было не мало и до школьной забастовки. Обвинительный приговоръ грозилъ ему продолжительнымъ заключеніемъ въ тюрьмѣ или, что еще хуже, лишеніемъ права практики въ административномъ порядкѣ. Это было уже просто несчастіе. Ему помимо собственной воли приходится играть роль мученика.

Въ теченіе этихъ нѣсколькихъ недѣль, онъ ходилъ какъ отравленный, въ ожиданіи суда. Его не заинтересовалъ даже пріѣздъ императора и предстоящіе маневры, которые всколыхнули всю познанскую жизнь. Не заинтересовалъ его и демонстративно назначенный на это время съѣздъ представителей Сберегательныхъ Товариществъ, объединенныхъ Польскимъ банкомъ съ капиталомъ въ сто милліоновъ.

Маневры (его, къ счастью, не призвали въ нихъ участвовать) протекли такъ, какъ и всякіе маневры—согласно заранѣе выработанному плану.

Планъ этотъ заранѣе опредѣлялъ, кто долженъ быть побѣдителемъ и кто побѣжденнымъ; онъ могъ интересовать развѣ лишь спеціалистовъ и то лишь постольку, поскольку бездарность или ошибка командующаго, или его подчиненныхъ могли разбить всѣ сложные расчеты этого плана. Обыкновенныхъ зрителей интересовали главнымъ образомъ блестящіе мундиры.

Планъ кампаніи былъ такой: одна армія атакуетъ Познань съ востока, другая защищаетъ городъ, пользуясь при этомъ тѣми укрѣпленіями, которыя еще уцѣлѣли отъ прежнихъ укрѣпленій Познани. Исходъ сраженія не могъ вызывать сомнѣній. А потому даже самые непосвященные съ улыбкой посматривали на то, какъ солдаты возводили искусственныя укрѣпленія и усиливали естественныя. Подъ лопатами солдатъ выростали огромныя насыпи, зіяли волчьи ямы, выростали стѣны колючей проволоки. Черезъ Варту былъ наведенъ понтонный мостъ. Всюду были поставлены телеграфные столбы. Атмосфера лихорадочной дѣятельности войскъ на минированномъ и залитомъ электрическимъ свѣтомъ плацдармѣ проникла и въ городъ. Люди стали интересоваться движеніями и дѣйствіями войсковыхъ частей. Гремѣли пушки. Битва началась.

Съ возвышенныхъ мѣстъ можно было разсмотрѣть, что дѣлается передъ городомъ. На башнѣ ратуши, на которую приходилось взбираться не по лѣстницѣ, а по лѣсамъ, подъ самымъ куполомъ расположилась компанія зрителей, среди которыхъ были оба мальчика Лужицкіе и Стажецкій. Башня для нихъ была чѣмъ-то въ родѣ обсерваторіи. Стась Лужицкій, одолжившій свой превосходный военный бинокль товарищу, перелѣзъ черезъ барьеръ, окружавшій площадку башни, и, чтобы разсмотрѣть все получше, сѣлъ на краю площадки, свѣсивъ внизъ ноги. Издали виднѣлись—на лугахъ и поляхъ, тянувшихся надъ рѣкой,—темныя массы войскъ, порою что-то сверкало вдали—это подвигались штыки пѣхотинцевъ. Колонны разсыпались, точно проваливались въ землю, исчезая за холмами, потомъ они появлялись снова и видно было, какъ они бѣгутъ въ атаку. Превосходно можно было разсмотрѣть и батареи поле-

вой артиллеріи, которыя галопомъ поднимались по склонамъ холма, чтобы занять на немъ позицію. Тамъ, гдѣ по словамъ знатоковъ военнаго дѣла, артиллерія сдѣлала уже свое дѣло, появлялись ряды пѣхоты, шедшіе на штурмъ.

— Смотрите, смотрите, они уже подходятъ къ валамъ!

— Кто?—Стась не могъ разсмотрѣть.

— Возьми бинокль, только держись за перила, иначе упадешь—вотъ видишь, идутъ по той сторонѣ рѣки.

— Вижу, вижу! Наши побѣждаютъ!

— Кто такіе—наши?

— А вотъ, если бы брали Познань...

— Русскіе, что ли?

— Наши, поляки съ русскими, славяне! Такъ быть должно и такъ будетъ,—дѣдушка Жарковскій говорилъ.

Рядомъ съ ними стояли два мальчика, которые спорили о томъ, кто командуетъ наступающей арміей, угрожающей Познани, фельдмаршалъ Вальдерзее, иль начальникъ штаба Шлиффенъ. Они не угадали, такъ какъ арміей ни тотъ, ни другой не командовалъ, но во всякомъ случаѣ, атака велась очень энергично и войска, защищавшія доступъ въ городъ, понемногу отступали. Часть ихъ была отрѣзана, ее обошла сбоку, врѣзавшись клиномъ, колонна непріятельской пѣхоты и подошла уже къ самымъ стѣнамъ. Съ фронта на нее напирала вся масса наступающей арміи и стала прижимать ее къ рѣкѣ въ томъ мѣстѣ, гдѣ былъ наведенъ понтонный мостъ. На выручку этой части арміи было выпущено нѣсколько эскадроновъ конныхъ стрѣлковъ, стоявшихъ гарнизономъ въ Познани. Въ блестящихъ каскахъ, въ свѣтлозеленыхъ мундирахъ шведскаго покроя, въ длинныхъ сапогахъ, на превосходныхъ рослыхъ лошадяхъ, мчал-

ся полкъ драгунъ. Но на болотистомъ лугу, изобиловавшемъ маленькими прудами, лошади стали вязнуть, смѣшались и сбились. Будь война, отъ драгунъ не осталось бы живой души,—такъ ужасенъ былъ направленный на нихъ ружейный огонь. Повторился бы, быть можетъ въ меньшемъ масштабѣ, но съ большими въ процентномъ отношенiи потерями, кровавый день подъ Mars la Tour, гдѣ французы перестрѣляли больше трехъ четвертей прусскихъ кирасиръ и гвардейскихъ уланъ, — день, который и понынѣ оплакиваютъ нѣмецкiя женщины, потерявшiя тамъ мужей и жениховъ, которыхъ имъ не могло замѣнить единство и цѣльность возрожденной Германiи.

Когда драгуны стали понемногу выбираться на твердую почву, на нихъ налетѣлъ полкъ черныхъ гусаръ, съ изображенiемъ черепа и костей на шапкахъ. Полкъ этотъ когда-то стоялъ въ Познани и былъ памятенъ ей по 48-му году. Это не мѣшало, впрочемъ, полякамъ добровольно поступать потомъ въ этотъ полкъ.

— Черные гусары убили моего дѣда,—замѣтилъ маленькiй Лужицкiй,—хорошо бы, если бы стрѣлки задали имъ трепку.

Но вотъ крѣпость окуталась дымомъ орудiй и успѣшно отражаетъ штурмъ.

...Вечеромъ побѣдители и побѣжденные заполнили собой всѣ познанскiя пивныя. И нѣмцы, и поляки пили напропалую.

Слушевскiй, возвращаясь ночью изъ казино домой, долго встрѣчалъ еще на улицахъ остатки «разбитой армiи».

Какой-то подростокъ, должно быть сапожный подмастерье, обнявши другого такого же подростка, оралъ на всю улицу:

«Не погибла еще Польша!».

Но изъ-подъ фонаря выступили фигура полицейскаго, и голосъ замеръ.

— Знаете? Стажецкій сломалъ два ребра своему лакею, — ну и силенъ же, чортъ! — разсказывалъ въ казино Макоцкій, торжествуя, что онъ первый принесъ эту новость.

— А ты откуда знаешь? Кто тебѣ говорилъ?

— Я видѣлъ его жену, она перепугана до невѣроятія. Только что пріѣхали! Юзикъ сейчасъ же побѣжалъ къ президенту полиціи, чтобы какъ-нибудь замять дѣло,— говорятъ, лакей хочетъ передать дѣло въ руки прокурора.

— И сильно онъ его помялъ?

— Ужъ конечно! Юзикъ человѣкъ добрый, но вспыльчивый. Лакей ему что-то дерзко отвѣтилъ — времена теперь такія! — тотъ толкнулъ его о буфетъ и — трахъ! два ребра пополамъ.

— Это тотъ старый Станиславъ, который служитъ у нихъ, Богъ вѣсть, сколько лѣтъ?

— Онъ самый. Всѣ они обнаглѣли!

— И что же будетъ? Засадятъ Юзика? Врядъ ли!

— Ну, онъ вывернется, онъ здѣсь всѣхъ знаетъ, — и президента полиціи, и прокурора!

— Какъ это однако умно быть со всѣми въ хорошихъ отношеніяхъ!

— Но только смогутъ ли они замять это дѣло, и не выйдетъ ли какого-либо скандала?

— Да вы шутите, что-ли! Для того, кто пользуется хорошей репутаціей въ глазахъ правительства, все возможно.

— А Юзикъ умница. Они ни къ какимъ польскимъ революціямъ никакого отношенія не имѣетъ!

— Ну вотъ.

— Но всетаки придется ему изворачиваться!

— Вывернется.

Слушевскій не обратилъ особеннаго вниманія на этотъ разговоръ, такъ какъ былъ слишкомъ озабоченъ своимъ собственнымъ дѣломъ. Ему даже отчасти стало досадно, что и онъ не сумѣлъ такъ умно вывернуться, хотя ему грозило гораздо болѣе строгое наказаніе, чѣмъ камергеру. Когда въ дверяхъ казино показался Стажецкій, его привѣтствовали радостными восклицаніями. Онъ быстро пожалъ всѣмъ руки и совершенно неожиданно подошелъ къ Слушевскому.

— Докторъ, на два слова!

— Но вѣдь его спеціальность не ребра, а желудокъ!— крикнулъ баронъ. Камергеръ отошелъ со Слушевскимъ въ сторону, отдѣлавшись отъ назойливости Макоцкаго тѣмъ, что попросилъ его приготовить партію въ карамболь, которую онъ съ нимъ потомъ сыграетъ.

— Докторъ, вы поѣдете сегодня ночью ко мнѣ въ деревню? — Хорошо? вѣдь время у васъ есть! Завтра утромъ мы вернемся, — у меня есть для васъ паціентъ.

— Я слышалъ, — отвѣтилъ Слушевскій, нѣсколько удивившись, почему именно на него падаетъ выборъ камергера.

— Сплетни, должно быть! — поспѣшилъ увѣрить его камергеръ. — Мой лакей сломалъ себѣ ребро, — поскользнулся, подавая къ столу вазу, — человѣкъ онъ старый, кости слабыя. Хуже всего то, что мы послали въ ближайшій городъ за докторомъ. А это оказался какой-то народникъ. Вы его знаете — Бушкевичъ, — онъ недавно уѣхалъ изъ Познани въ провинцію, такъ какъ здѣсь издыхалъ отъ голода. Теперь онъ тамъ занялся агитаціей въ широкомъ масштабѣ, — а вѣдь меня очень не долюбливаютъ эти полячки, еще въ газетахъ пропечатаютъ! Вообразите себѣ, что этотъ мой старый болванъ заявляетъ ко мнѣ какія-то претензіи, а я ужъ конечно по судамъ та-

скаться не хочу, — вы понимаете? Президента полиціи я не засталъ, но встрѣтилъ Лянгера, — онъ посовѣтовалъ мнѣ взять какого-нибудь порядочнаго врача, вмѣсто того дурака. Говоритъ, что умнѣе всего будетъ взять поляка, это сразу заткнетъ глотку всѣмъ этимъ крикунамъ (хоть мнѣ на нихъ плевать!) — и онъ указалъ мнѣ на васъ.

— На меня?

— Да, вѣдь вы попали въ какую-то грязную исторію, вы теперь можете выпутаться.

Слушевскій понялъ, что судьба его рѣшается. Это было его спасеніемъ. Правда, съ этого момента онъ разъ навсегда долженъ былъ порвать со всѣмъ польскимъ, разъ навсегда примкнуть къ одному изъ піонеровъ германизма, — но, если онъ отклонитъ это предложеніе, передъ нимъ — тюрьма и потеря карьеры. «А главное, всѣ скажутъ, что я поступилъ, какъ дуракъ!».

— Хорошо, — мы это какъ-нибудь уладимъ, камергеръ.

— Вотъ видите, я всегда имъ говорилъ, что вы способный и разсудительный человѣкъ — имъ будетъ очень пріятно имѣть васъ на своей сторонѣ. Что бы тамъ не говорили, нѣмцы очень порядочные люди. Пусть меня ругаютъ всѣ эти полячки. Пока я живъ — моя взяла! Развѣ не правда?

Посвистывая, онъ зашагалъ въ билліардную.

— Я буду васъ здѣсь ждать, а вы пойдете пока, уложите, что нужно для дороги, — потомъ мы успѣемъ даже сыграть нѣсколько роберовъ.

Когда они вечеромъ ѣхали къ Стажецкому, камергеръ между прочимъ замѣтилъ:

— Мнѣ даже кажется, что это ребро у него было сломано раньше.

Послѣ докторскаго осмотра и послѣ обѣщанія камергера — дать сто талеровъ за увѣчье — лакей, наконецъ, позволилъ убѣдить себя, что у него и раньше, дѣйствительно, что-то кололо въ боку и что ребро, должно быть, было сломано раньше.

Когда пріѣхалъ Бушкевичъ, чтобы еще разъ осмотрѣть больного, онъ былъ не мало пораженъ, услышалъ діагнозъ, который поставилъ Слушевскій. Но спорить не сталъ.

— Поздравляю, поздравляю съ блестящимъ діагнозомъ. Вы когда нибудь будете лейбъ-медикомъ, — замѣтилъ онъ язвительно.

Слушевскій снисходительно улыбнулся. Въ словахъ товарища онъ видѣлъ только зависть къ той ловкости, съ которой онъ умѣетъ изворачиваться.

Вся эта исторія канула въ воду. Станиславъ молчалъ и даже репортеръ провинціальной газеты не могъ отъ него добиться ни одного слова. Газета, которая уже описала этотъ случай по первоначальной версіи, со словъ доктора Бушкевича, должна была теперь, послѣ діагноза поставленнаго Слушевскимъ, напечатать опроверженіе.

Политика Слушевскаго принесла желанные плоды. Ему пришлось ждать очень недолго: учитель взялъ свою жалобу обратно. Правда, было нѣсколько непріятно то обстоятельство, что доктору пришлось публично передъ нимъ извиниться за сообщеніе о немъ въ печати непровѣренныхъ слуховъ.

Въ то же время, агитація, поднятая обществомъ противъ педагога-истязателя, съ цѣлью возбужденія общественнаго мнѣнія, которую предполагалось осуществить путемъ гражданскаго иска о вознагражденіи расходовъ,

вызванныхъ болѣзнью и похоронами ребенка — тоже ничѣмъ не кончилось. Слушевскій прямо заявилъ, что онъ не хочетъ, чтобы его вмѣшивали въ эту исторію.

Это происходило въ кабинетѣ адвоката, который пригласилъ доктора войти съ нимъ въ переговоры относительно этого дѣла, имѣющаго большое общественное значеніе.

— Значитъ вы, докторъ, отказываете намъ въ своей поддержкѣ?

Слушевскій молчалъ и мялъ въ рукахъ номеръ «Познанскаго Курьера», который онъ въ смущеніи взялъ со стола. Въ головѣ у него вдругъ промелькнули слова знаменитаго польскаго политика Сташица: «погибнуть можетъ даже великій народъ, но пасть можетъ только подлый».

Но и эти слова, которыя заслуживаютъ того, чтобы быть помѣщенными на ряду съ изрѣченіями величайшихъ мудрецовъ, показались доктору философіей, непримѣнимой въ жизни. Польша? Но вѣдь квинтъ-эссенціей всего, что онъ слышалъ вокругъ, и всего, что онъ видѣлъ кругомъ, было: «своя рубашка ближе къ тѣлу». Впрочемъ, развѣ онъ перестаетъ быть полякомъ оттого, что не хочетъ глупо и безцѣльно рисковать?

Расширяя свою докторскую практику, онъ увеличивалъ свое достояніе, а слѣдовательно и достояніе народа. Такъ его учили окружающіе люди. А что при этомъ невольно приходилось терять свой національный обликъ — это ихъ не смущало

Адвокатъ повернулся къ нему спиной.

Этому униженію, которое онъ испытывалъ впервые въ жизни, ему пришлось подвергнуться и со стороны другихъ

людей, зачастую со стороны тѣхъ; отъ которыхъ онъ менѣе всего могъ этого ожидать: товарищей, знакомыхъ — и, что казалось ему особенно смѣшнымъ — со стороны низшихъ слоевъ населенія, куда повидимому очень скоро проникали свѣдѣнія о поступкахъ и дѣйствіяхъ лицъ, принадлежащихъ къ высшимъ классамъ.

Извозчикъ Вавжиновичъ, стоявшій всегда на углу площади Вильгельма, всегда ему кланялся, когда онъ проходилъ мимо, а теперь, увидѣвъ его, презрительно махнулъ кнутомъ. Случалось, что знакомые, завидѣвъ его, переходили на другую сторону улицы. Было похоже на то, что всѣ эти люди сговорились—или такъ ему только показалось.

Но большинство городского общества отнеслось къ этому совершенно равнодушно и скорѣе одобряло, чѣмъ порицало его поступокъ. На это вліяло отчасти и то угнетенное состояніе, въ которомъ общество находилось послѣ неудачи школьной забастовки, которую правительство подавило не только кровью и слезами людей, но и крупными денежными штрафами, которымъ оно подвергло упорствующихъ родителей.

Къ неудачѣ забастовки надо было прибавить и то обстоятельство, что ея организаторы пытались продолжать ее даже тогда, когда стало очевиднымъ, что правительство ни въ коемъ случаѣ не уступитъ. Делегаціи, которая по этому поводу посѣтила министра народнаго просвѣщенія, была дана туманная надежда на то, что польскій языкъ будетъ допущенъ, но только въ низшихъ школахъ и только въ преподаваніи закона Божія. Но непремѣннымъ условіемъ ставилось окончаніе забастовки.

— Пусть правительство сдѣлаетъ это сначала, тогда забастовка кончится! — отвѣтила министру делегація.

Но это было уже наивно, такъ какъ движеніе явно слабѣло подъ давленіемъ бѣшенымъ репрессій. Прусское правительство не чувствовало себя связаннымъ никакими обѣщаніями, а если бы даже и было связано, то не стало бы съ ними считаться и опять-таки не дало бы ничего. У общества осталось горькое сознаніе собственнаго безсилія и отчаянное невѣріе въ лучшее будущее.

Мужикъ, котораго агитаторы забастовки убѣждали держаться до конца, указывая, что она кончится въ польза поляковъ, теперь; когда ему приходилось доставать изъ кармана деньги и платить штрафъ, говорилъ, почесываясь: «да кто же съ ними справится? Господь Богъ насъ, видно, оставилъ за грѣхи наши!». Школьная забастовка имѣла то положительное значеніе, что она поддержала угасающій духъ народа, явилась какъ бы смотромъ общественныхъ силъ, — тѣ жертвы, которыя пришлось принести при этомъ, могли послужить только на пользу національному дѣлу. Впрочемъ, жертвы всегда должны быть тамъ, гдѣ идетъ борьба. Неправильнымъ было только то, что познанцы не ограничились массовой демонстраціей и превратили ее въ безцѣльную партизанскую войну съ правительствомъ, которая кончилась очень плачевно.

Многіе крестьяне были разорены наложенными на нихъ штрафами и ихъ земля перешла къ колонизаціонной комиссіи. Прусское правительство еще сильнѣе сжало Познань обручами германизаціи.

Самыми опасными противниками онѣмеченія польскаго народа, путемъ просвѣщенія и церкви, правительство считало ксендзовъ. Польскіе ксендзы въ большинствѣ случаевъ оказались достойными, въ высшемъ значеніи этого слова, одежды священника и имени поляка. Многіе изъ нихъ за это жестоко поплатились. Даже смертельно боль-

скому архіепископу гнѣзненско-познанскому, Стоблевскому, пригрозили заточеніемъ въ Островѣ, куда былъ сосланъ одинъ изъ его предшественниковъ, Примасъ Галька-Ледоховскій, во времена культркампфа.

Депутація куявскихъ поляковъ, наиболѣе здороваго и наиболѣе патріотически-настроеннаго элемента въ княжествѣ Познанскомъ, призывала архіепископа продолжать борьбу со все болѣе наглыми притязаніями Берлина. Своимъ энергичнымъ архипасторскимъ воззваніемъ Стоблевскій доказалъ, что онъ не заслуживаетъ упрека въ угодничествѣ правительству, который ему обычно бросали. Онъ доказалъ, что онъ такой же полякъ, какъ и другіе.

Между тѣмъ правительство стало неизмѣнно замѣщать наиболѣе богатые и вліятельные приходы ксендзами-нѣмцами. Въ лицѣ народныхъ учителей оно располагало цѣлой арміей шпіоновъ, которые доносили правительству о каждой подслушанной ими исповѣди. Эти учителя играли потомъ огромную роль въ политическихъ процессахъ, въ качествѣ свидѣтелей.

Но правительство не ограничилось борьбой съ однимъ духовенствомъ, которое оно преслѣдовало всевозможными карами, штрафами, ссылками и заточеніемъ. Оно принялось за врачей и адвокатовъ, при чемъ первымъ оно запретило занимать государственныя должности, а вторымъ лишило правъ заниматься нотаріатомъ.

Принялось оно и за мелкое городское купечество. Города оказались изолированными, такъ какъ ихъ окружили земли, заселенныя исключительно нѣмцами-колонистами, которые всѣ припасы закупали въ магазинахъ, открытыхъ колонизаціей. Наконецъ, оно запретило помѣщикамъ продавать свою землю крестьянамъ мелки-

ми участками и тѣмъ самымъ пріостановило ростъ мелкой крестьянской собственности.

Однимъ словомъ, прусское правительство объявило войну всѣмъ классамъ польскаго общества, дѣлая совершенно невозможнымъ ихъ существованіе. Теперь оно обратилось къ своему излюбленному плану, который оно лелѣяло очень давно: подчинить своему произволу частную земельную собственность, которая въ его глазахъ была главной плотиной, сдерживавшей напоръ германизаторскаго наводненія.

Покупка земли становилась для колонизаціонной комиссіи все болѣе затруднительной, въ виду того, что цѣны были взвинчены невѣроятно. Единственнымъ радикальнымъ средствомъ борьбы съ этимъ правительство считало принудительное отчужденіе. Его можно было даже не приводить въ исполненіе, а лишь поставить въ видѣ угрозы. Тѣмъ самымъ владѣлецъ земли не могъ уже считать прочнымъ свое обладаніе ею, а это должно было лишить его кредита, безъ котораго, въ современныхъ условіяхъ интенсивнаго хозяйства, требующаго большихъ затратъ, могли обходиться развѣ лишь очень богатые люди. Эффектъ этотъ отчасти былъ уже достигнутъ тѣмъ, что Нѣмецкій банкъ отказался входить въ сношенія съ кліентами-поляками. Но въ частныхъ польскихъ банкахъ оставалось еще много наличныхъ денегъ. Необходимо было поэтому понизить цѣну на землю внесеніемъ этого угрожающаго проекта, который далъ бы возможнсть правительству убрать именно тѣхъ лицъ изъ помѣщичьей среды, которыя были ему особенно нежелательны, а у остальныхъ отбить всякую охоту принимать какое бы то ни было участіе въ польскихъ общественныхъ дѣлахъ.

Когда законопроектъ былъ уже внесенъ въ рейхстагъ, въ Познань съѣхалось большинство польскихъ помѣщиковъ, которые устроили тамъ рядъ совѣщанiй по вопросу о принудительномъ отчужденiи, хотя и понимали, что совѣщанiя эти не могутъ имѣть никакого практическаго результата. На одномъ изъ этихъ совѣщанiй Слушевскiй встрѣтился съ Ядвигой.

Онъ не видѣлъ ее очень давно, съ той самой поры, когда открыто вышелъ изъ польскаго лагеря.

Онъ не могъ сомнѣваться въ томъ, что ей про него уже насплетничали. «Польки, которыхъ боялся самъ Бисмаркъ, запретившiй жениться на нихъ нѣмецкимъ чиновникамъ, ибо онѣ ополячивали своихъ мужей и дѣтей, занимаются не только своимъ хозяйствомъ, но и политикой»!—думалъ онъ. Къ этому убѣжденiю его привела и та необыкновенная холодность съ которою его встрѣтила родная сестра, Мариня.

Съ Ядвигой ему разговаривать не пришлось. Когда она его увидѣла, она поблѣднѣла, какъ полотно, и прошла мимо него, глядя въ другую сторону. Шуринъ, который сопровождалъ ее, оглянулся, точно впервые въ жизни увидѣлъ въ немъ что-то такое, чего раньше не замѣчалъ, и со снисходительной ирoнiей кивнулъ доктору головой, улыбнувшись при этомъ такой улыбкой, въ которой было все: и удивленiе, и презрѣнiе, и недоумѣнiе.

Старикъ Жарковскiй двумя пальцами коснулся шляпы, давая понять, что и онъ, быть можетъ, кланяется въ послѣднiй разъ.

Но особенно разозлила доктора пани Марьетта, съ которой онъ столкнулся на благотворительномъ базарѣ.

— А, докторъ! Я про васъ слышала новость. Вы записались въ авангардъ колонизацiи?

Но вскорѣ случилось одно обстоятельство, которое позволило думать, что въ этой легкомысленной женщинѣ бьется такое горячее польское сердце, о существованіи котораго люди даже не могли подозрѣвать.

Мужъ ея, вырвавшись изъ той лечебницы, гдѣ онъ лѣчился отъ своей бѣлой горячки, попалъ въ Бреславль и надѣлалъ тамъ долговъ по векселямъ, больше чѣмъ на полмилліона. Надо было платить немедленно, и имѣніе Грабовскихъ — Доброво, не могло уже избѣгнуть продажи.

Колонизаціонная комиссія тотчасъ предложила свои услуги, обѣщая немедленно уплатить всѣ деньги. И это дѣло было даже очень «прилично» подстроено. Покупателемъ былъ выставленъ какой-то молодой человѣкъ, котораго семья выслала въ Африку за расточительность, полякъ. Онъ возвращался изъ Африки, якобы женившись на дочери англійскаго милліонера. За нимъ стояло другое лицо — съ поляками полякъ, съ нѣмцами нѣмецъ, — Быдгосскій банкъ, отдѣленіе колонизаціоннаго банка. Такъ что всѣ приличія были соблюдены.

Но всю эту комбинацію разстроилъ Заклика.

Однажды, ему случилось пьянствовать съ совѣтникомъ Лянгеромъ, и тотъ, съ пьяныхъ глазъ, проболтался.

Самъ Заклика жаловался потомъ, что никогда въ своей жизни ему не пришлось выпить столько пива, и что съ его стороны, это во всякомъ случаѣ самопожертвованіе.

На слѣдующій же день онъ полетѣлъ въ Доброво, захвативъ съ собой извѣстнаго скупщика имѣній, Багнеровскаго, единственнаго купца-поляка, который предложилъ все-таки на сто тысячъ марокъ меньше, чѣмъ колонизаціонная комиссія. Пани Маріетта согласилась по-

жертвовать этими деньгами, и Доброво было на время спасено.

Колонизаціонная комиссія, убѣдившись въ послѣднюю минуту, что ее обманули, пришла въ бѣшенство. Она стала грозить пани Марьеттѣ, что объявитъ ее по суду умалишенной, въ виду ея явно ненормальнаго поведенія и эротическихъ выходокъ. Самая купчая крѣпость должна была быть объявленной недѣйствительной. Но до суда дѣло не дошло.

Произошло это только потому, что законопроектъ о принудительномъ отчужденіи со дня на день долженъ былъ быть уже утвержденъ, что давало колонизаціонной комиссіи возможность гораздо болѣе быстрымъ и легкимъ способомъ захватить имѣніе въ свои руки.

Наконецъ, законъ былъ утвержденъ. Онъ вызвалъ попросту панику. Поскольку раньше до послѣдней минуты никто не хотѣлъ вѣрить, что такой законъ можетъ пройти, постольку теперь всѣ точно спѣшили доказать правительству, какое великолѣпное средство борьбы съ польскимъ обществомъ оно имѣетъ въ этомъ законѣ...

Большинство помѣщиковъ немедленно вышло изъ состава политическихъ организацій, а въ день рожденія императора всѣ они спѣшили на торжественный обѣдъ къ ландрату, чтобы кричать: «Хохъ!» съ испуганными глазами.

Все это дѣлалось только для того, чтобы быть у правительства на хорошемъ счету.

Одновременно былъ изданъ законъ, воспрещавшій пользованіе польскимъ языкомъ въ тѣхъ округахъ, гдѣ поляки составляютъ менѣе, чѣмъ 60 процентовъ населенія. Къ такимъ округамъ принадлежало и княжество Познанское.

Во что же превратилась Познань?

Половина земли находилась теперь въ нѣмецкихъ рукахъ.

Изъ тридцати депутатовъ отъ Познани было лишь десять поляковъ. Гнѣзно посылало депутата-нѣмца.

Всякій, кто попадалъ въ Познань изъ другихъ угловъ Польши, возвращался съ однимъ и тѣмъ же чувствомъ: они борятся, но онѣмечиваются.

Все труднѣе становилось возражать тѣмъ, которые говорили:

— Познань потеряна для поляковъ!

— Потеряна? Нѣтъ!

Тотъ, кто жилъ среди васъ, познанцы, кто страдалъ вашими страданіями, тотъ никогда не броситъ вамъ въ глаза этого приговора.

Слишкомъ много польскихъ сердецъ бьется среди васъ!

Вы только очнитесь, великополяне, вы поймите, что вамъ грозитъ худшее, чѣмъ потеря земли: потеря сокровищъ польскаго духа.

Землю у васъ могутъ отнять, рѣчь вашу могутъ искалѣчить, пусть лишь живетъ среди васъ, пусть лишь звучитъ въ вашихъ сердцахъ мысль о единой, нераздѣльной Польшѣ.

КОНЕЦЪ.

Цѣна 2 р. 50 к.

Универсальное Книгоиздательство Л. А. Столяръ.
МОСКВА, Садовники, д. 9, кв. 25. Телеф. 2-07-86.

